

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST FEB RAS

**Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском
регионе: история и современность**

**XIV всероссийская конференция молодых ученых
(с международным участием)**

**Материалы конференции молодых ученых,
Владивосток, 12-14 мая 2014 г.**

**Intercultural Communication in the Asia-Pacific region:
Past and Present**

**XIV Russian Conference of Young Scholars
(with International participation)**

**Materials Of The Young Scholars Conference
Vladivostok, 12-14 May 2014**

Владивосток
Дальнаука
2014

УДК: 930.9+930.26+39(5-012)

Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе : история и современность: XIV всеросс. науч. конф. молодых ученых (с международным участием), 12–14 мая 2014 г. : материалы конференции / отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 126 с.

ISBN978-5-8044-1454-3

Сборник содержит материалы XIV всероссийской научной конференции молодых историков (студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей) России и Китая, посвященные широкому спектру проблем современных исторических, археологических и этнологических исследований. Особое внимание уделено проблеме межкультурной коммуникации в дальневосточном и сопредельных регионах в древности и современности.

Для специалистов, студентов и аспирантов, а также более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории Дальнего Востока России и стран – соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Организатор конференции – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН)

Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 14-III-Г-11-032

Intercultural Communication in the Asia-Pacific region: Past and Present : The XIV Russian Conference of Young Scholars (with International participation), May 12–14, 2014 : conference materials / Ed. by Yu.V. Latushko, I.V. Stavrov. – Vladivostok : IHAЕ FEB RAS, 2014. – 126 p.

The collection contains materials of XIV Russian scientific conference of young historians (students, researchers and lecturers) from Russia and China on a wide range of issues of contemporary historical, archaeological and ethnological research. Special attention is paid to the problem of intercultural communication in the Far East and co-limit regions in antiquity and modernity.

For professionals, undergraduate and graduate students, as well as a wider range of readers interested in the history of the Far East of Russia and countries - neighbors in the Asia-Pacific region.

Host organization: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS (IHAЕ FEB RAS)

Ответственные за выпуск: канд. ист. наук Ю.В. Латушко, канд. ист. наук И.В. Ставров.

ISBN978-5-8044-1454-3

© ИИАЭ ДВО РАН, 2014

Программный комитет

Ларин В.Л. – председатель программного комитета, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН)

Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, профессор, заведующий центром политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН

Лихарев Д.В., доктор исторических наук, профессор, Школа педагогики Дальневосточного федерального университета

Аргудяева Ю.В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

Организационный комитет

Латушко Ю.В., к.и.н., с.н.с. ИИАЭ ДВО РАН (председатель оргкомитета)

Веремейчик А.С., м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Зуенко И.Ю., ст. лаборант ИИАЭ ДВО РАН

Иванов С.А., м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Кондратенко Г.В., м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Лабюк А.И., ст. лаборант ИИАЭ ДВО РАН

Левушкин В.О., инженер ИИАЭ ДВО РАН

Прокопец С.Д., к.и.н., м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Ставров И.В., к.и.н., н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Контактная информация:

+7 (423) 2268170, latushko@mail.ru – председатель оргкомитета

С электронной версией программы и тезисов можно ознакомиться на сайте:
<http://www.ihaeфе.org>

**Программа XIV всероссийской конференции молодых ученых
(с международным участием)**

**«Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе:
история и современность»**

Дата	Мероприятие	Место, время
11 мая	Заезд участников	Владивосток
12 мая	Регистрация участников	9.30-10.00 конференц-зал ИИАЭ ДВО РАН
	Открытие конференции, пленарное заседание	10.00-13.00 конференц-зал ИИАЭ ДВО РАН
	Перерыв	13.00 – 14.00
	Секционные заседания	14.00 – 18.00 ИИАЭ ДВО РАН
13 мая	Секционные заседания	10.00
	Перерыв	13.00 – 14.00
	Секционные заседания	14.00 – 18.00 ИИАЭ ДВО РАН
14 мая	Экскурсия по г. Владивостоку	9.00 – 12.00
	Секционные заседания. Заключительное пленарное заседание, закрытие конференции	13.00 – 18.00 ИИАЭ ДВО РАН
15 мая	Отъезд участников	Владивосток

Проблемы международных отношений и внутренней политики в странах АТР

Блохнина О. В. Российско-китайское сотрудничество: оценка американскими аналитиками и СМИ

***Blokhkina O.** The Russian-Chinese cooperation: the evaluation by American analysts and Media*

В январе 2012 г. Дай Сюй, сотрудник центра стратегических исследований Китая Пекинского университета, выпустил статью «Китаю и России следует создать Евразийский альянс». Автор считает необходимым создание прочного русско-китайского союза, который стал бы одним из крупнейших субъектов мировой политики и смог бы определенным образом воздействовать на одного из «командиров» международных отношений – США. В своей статье Сюй отмечает: «Будучи странами, которые преследуют единые интересы, а также которые несут важную миссию в мире, КНР и РФ должны совместно сдерживать действия США по давлению на слабые страны, а также укротить стратегические амбиции в создании империи».

Активно развивающееся российско-китайское сотрудничество не может не задеть интересов США. Главный вопрос, который встает перед штатами – угрожает ли российско-китайское сотрудничество доминированию США в мировой политике? Американцы неоднозначно оценивают сближение России и Китая, однако большинство к новому союзу относится отрицательно, выражая опасения.

В одной из работ американского исследователя мировой внешней политики Т. Карозарса (2007) рассмотрен процесс демократизации зарубежных стран с участием правительства Буша. Автор подчеркивает особое отношение американского президента к России и Китаю. Они выделяются из огромного ряда «демократизированных» штатами стран, которые перечисляет в своей работе Т. Карозарс. Обусловлено это соперничеством США с данными странами. Тем самым он заключает, что из-за данного соперничества влияние США на демократизацию в России и Китае затруднено.

Подобной позиции придерживается американский специалист по международной безопасности Ш. Линн-Джонс (1998). Он подчеркивает, что распространение демократии благоприятно для международной системы (снижает риск военной и террористической атаки США). Доказывая необходимость распространения демократии для устранения военной угрозы, он пишет: «Соединенные штаты будут более защищены, если в России, Китае, и, по крайней мере, в странах арабского и исламского мира будет стабильная демократия».

Данные авторы указывают на особый интерес штатов к России и Китаю, которые рассматриваются как наиболее опасные для США конкуренты. Именно поэтому особое опасение вызовет сближение этих двух государств.

В 2009 г. в американских новостях «Голос Америки» была опубликована статья «Россия и Китай идут к господству в Азии». Авторы статьи утверждают, что Россия и Китай, начиная с создания ШОС, активно формируют политический альянс, направленный против влияния стран НАТО. В статье указывается: «Шанхайская организация была создана только для противостояния США или западному влиянию».

В штатах популярны работы о российско-китайском сотрудничестве А. Коэна, специалиста в области российских и евразийских исследований. Коэн является абсолютным сторонником мнения, что русско-китайское сотрудничество направлено на ослабление влияния США в мире, о чем написал целую серию статей. В работе (2013) «Российско-китайская ось растет» он подчеркивает, что последние политические события подтверждают его позицию: «Россия и Китай расширяют свои экономические связи. Обе страны уже торгуют друг с другом с помощью собственных валют - исключая доллар». Шанхайская организация автору представляется «началом трех ужасов» - сепаратизма, экстремизма и терроризма. Коэн призывает американское правительство уделить больше внимания проблеме блока Китая и России. Автор обеспокоен также тем, что Россия выходит из-под американского влияния и подает признаки мятежа, не принимая западные ценности, такие как однополюсные браки.

Опасения Коэна относительно сближения России и Китая разделяет консультант по внешней политике в Миннесоте А. Немец, занимавшийся исследованиями в СССР, а затем в России в 1986-1993 гг. Он отметил (2006) возросшую военную мощь Китая и «антиамериканскую» направленность политики России. Как и Коэн, он выделяет этапы сближения обеих стран после распада СССР. Автор отмечает также скорую конфронтацию в будущем блоков Россия-Китай и США.

В 2012 г. в «Снуп-ньюс», называющими себя «Альтернативными СМИ», была опубликована статья «Кто возьмет Сирию первым – российско-китайский альянс или Америка». Вмешательство США во внутренние дела Сирии оценивается как заранее запланированное, которое отнюдь не направлено на защиту прав граждан. Наоборот, все надежды на избавление Сирии от резни возлагаются на российско-китайский альянс, который принимается как положительный. В статье указано: «Международная Ассамблея предупреждает США – российско-китайский блок активизирует дипломатию в ситуации с Сирией. Только Россия и Китай могут остановить резню в Сирии».

Существует также ряд аналитиков, доказывающих, что альянс России и Китая не имеет никакого политического значения для США. Сотрудник вашингтонского института по внешней политике Р. Вейц считает (2003), что между Россией и Китаем слишком много разногласий, поэтому если они и

создадут какой-либо политический блок, то он не будет представлять опасности для США в силу своей слабости. Если в Евразии и возникнет какой-либо сильный политический блок, то, по мнению Р. Вейца, США скорее будет его участником, нежели соперником.

Таким представляется сотрудничество России и Китая американским аналитикам и СМИ. Очевидно, что вопрос взаимоотношений данных стран является одним из центральных в международной политике США. В Штатах обеспокоены той мощной силой, которую может представлять российско-китайский альянс. Именно поэтому один из приоритетных американских интересов – не допустить формирования укрепления такого альянса. Как Россия, так и Китай не должны игнорировать данный факт при построении линии сотрудничества.

Болдырев В. Е. Американская политика по поощрению демократического развития в странах Северо-Восточной Азии в 1980-е гг.

Boldyrev V. *US Policy of Democratic Development Fostering in Northeast Asian states in 1980s*

Под влиянием идей неоконсерваторов в 1980-е гг. поощрение демократического развития стало одним из ключевых направлений внешней политики Соединенных Штатов. Целью этого курса стало распространение американской модели политического и экономического строя в тех странах, где таковые отсутствуют. В качестве факторов, которые, с точки зрения американского правительства, способствовали успешной реализации этой политики, рассматривались: существование в государстве авторитарного проамериканского режима правого толка, который было легче направлять в сторону либерализации, ставя перед ним необходимые условия; союзнические отношения этого государства с США; уровень экономического развития, при котором формируется широкая прослойка активного среднего класса; совместимость курса с историей, культурой и политическими реалиями страны.

В США в указанный период подобная политика проводилась в отношении двух государств: Южной Кореи и Китая.

В Республике Корея присутствовали все перечисленные факторы, которые, по мнению Вашингтона, должны были способствовать успешному ее переходу к демократии. В стране с приходом Чон Ду Хвана был установлен авторитарный режим правого толка. Но для Соединенных Штатов было важным то, что южнокорейский президент не отказался от постепенной политической либерализации: он стремился адаптировать демократическую практику Запада к корейской авторитарной системе, проистекавшей из конфуцианской традиции. В итоге должен был быть создан прочный демократический строй с сильной президентской властью, отзывчивой к нуждам народа.

Учитывая эти факты, американская сторона в ходе встречи в верхах в феврале 1981 г. поставила развитие подлинно союзнических отношений с РК в зависимость от соблюдения в ней прав человека. Угроза северокорейского нападения и риск осложнить важнейшие для себя военно-политические отношения вынудили южнокорейское правительство предпринять шаги в направлении политической либерализации: были освобождены многие политзаключенные, были уменьшены ограничения политической активности, был упразднен полицейский контроль в кампусах. Однако этого было, с точки зрения американского правительства, недостаточно, ибо в докладе о соблюдении прав человека за 1983 г. отмечалось, что процесс реабилитации политзаключенных не завершен, а права заключенных по-прежнему регулярно нарушаются. В дальнейшем представители США провели ряд встреч с членами правительства РК и правящей партии, чтобы гарантировать мирный переход к демократии в стране. Важнейшим их политическим итогом стало принятие декларации Ро Дэ У, призывавшей провести серию реформ, обеспечить честные выборы, свободу прессы, в большей степени обеспечить права человека. Ее положения соответствовали цели американской политики превратить Южную Корею в демократическое государство.

Не менее важным фактором демократического транзита американское правительство видело снижение угрозы нападения извне. Учитывая опасения союзного правительства относительно «северокорейской угрозы», администрация Р. Рейгана отказалась от вывода американских войск с юга полуострова, а также поставила в них современные вооружения, качественно превосходившие северокорейские.

Эти меры в совокупности с выдачей льготных кредитов на приобретение американской военной техники снижали высокие затраты РК на оборону и позволяли направить их на восстановление пострадавшей от кризиса экономики, что укрепляло позиции среднего класса, наиболее заинтересованного в демократических переменах. Это в США рассматривали важнейшим социальным условием перехода к демократии. Предпринятые меры способствовали выходу экономики РК из кризиса. Главным условием ее дальнейшего развития национальный бизнес видел переход к свободной торговле. Это стремление полностью соотносилось с взглядом правительства США, поэтому представители последнего на встречах с южнокорейскими партнерами лишь напоминали о ее выгодах. Дальнейший переход Южной Кореи к свободной торговле обеспечил бы качественный и количественный рост экономики и снизил риск социальной нестабильности.

В отличие от РК в Китае присутствовали не все необходимые, с американской точки зрения, факторы. В стране отсутствовал режим, который в Вашингтоне могли бы отнести к правым, которому Соединенные Штаты могли бы оказывать какую-либо помощь на своих условиях. США и КНР не были союзниками, хотя американская сторона рассматривала Китай дружественным несоюзным государством, чьи внешнеполитические интересы были

параллельны или совпадали с американскими. Китайская экономика была слаба, а правительство не предпринимало попыток демократических преобразований.

В этой связи американское правительство обратило внимание на программу модернизации китайской экономики, которая позволяла бы создать необходимую социально-экономическую основу для будущего демократического транзита. Со своей стороны оно сделало ставку на интенсификацию торгово-экономических отношений с Китаем, для чего ему ежегодно предоставлялся режим наибольшего благоприятствования, был либерализован экспорт американских технологий, упрощены таможенные процедуры, создана двусторонняя комиссия, благодаря которой увеличился объем американских инвестиций в Китай. Это способствовало росту экономики Китая, т.е. способствовало тому, что начал формироваться один из факторов, необходимых для перехода к демократии.

Существовало, хотя и очень ограниченное и продиктованное политической конъюнктурой, военно-техническое сотрудничество США и КНР. По мнению американского правительства, поставки техники китайской стороне позволили бы снизить степень «советской угрозы» и уменьшить опасения Пекина относительно возможного нападения СССР на Китай. Иными словами, эти шаги способствовали формированию более безопасного и более благоприятного, с точки зрения правительства Соединенных Штатов, внешнего фона для проведения демократических преобразований.

Культурный фактор в китайском случае был связан не со стремлением правительства адаптировать западные политические традиции к национальным, а с программами обмена (студенческого, научного, культурного, информационного и т.д.). В ходе их реализации американская сторона стремилась, чтобы у китайского общества сформировалось благоприятное представление о Соединенных Штатах, их культуре, их ценностях.

Фактически, курс поощрения демократического развития в отношении КНР носил ограниченный характер и не способствовал формированию достаточной основы для политической либерализации. Тем не менее, американское правительство в 1987 г. в ответ на подавление демонстраций в Тибете выступило с предупреждением, что дальнейшее развитие двусторонних отношений будет зависеть от соблюдения прав человека в Китае. В дальнейшем введение широких санкций в ответ на подавление демонстраций на площади Тяньаньмэнь и неудачные попытки решить вопрос о соблюдении прав человека в КНР дипломатически показали неэффективность попыток подтолкнуть действующий режим к либерализации, а логическое завершение курса сделали невозможным.

Политика в отношении Южной Кореи завершилась успешно, т.к. были найдены способы эффективного воздействия на режим, бывший верным союзником США; правительство РК стремилось адаптировать западные политические традиции к национальным; в стране сформировались необходимые социально-экономические условия. В отношении КНР политика

оказалась незавершенной, т.к. отсутствовала возможность эффективно влиять на режим; военно-политическое сотрудничество было ограниченным и непостоянным; культурное влияние было направлено на общество, в то время как правительство не было им затронуто, кроме того здесь американский курс оказался оторванным от истории и традиций Китая; а необходимые социально-экономические условия еще только формировались.

Торопчин Г.В. Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению как пример вклада стран АТР в глобальный режим ядерного нераспространения

Toropchin G. International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament as an Example of the Asia-Pacific Countries' Contribution to the Global Nuclear Non-Proliferation Regime

Едва ли не определяющее значение для успешного функционирования современного режима нераспространения ядерного оружия имеет работа многочисленных международных организаций и форумов в этой сфере. Несмотря на то, что с правовой точки зрения основная деятельность в этом ключе осуществляется относительно давно созданными специализированными агентствами и неформальными объединениями (такими, как, соответственно, МАГАТЭ и Комитет Цангера), определённую роль играют и организации, появившиеся уже в XXI в. Одной из таковых стала Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению, изначально создаваемая на региональной основе (что соответствует одной из глобальных тенденций мирового развития в последние годы, регионализации), в связи с чем представляется целесообразным обратиться к вопросу о её создании и развитии.

Отдельно стоит рассмотреть общий международный контекст и конъюнктуру в сфере глобальной безопасности, которые, безусловно, учитывались при принятии решения о создании Комиссии. В 2007 г. известные американские деятели, в прошлом занимавшие влиятельные посты, Г. Киссинджер, С. Нанн, Дж. Шульц, У. Перри выступили со статьёй «Мир без ядерного оружия», в которой обосновывалась необходимость достижения глобального «ядерного ноля»; впоследствии аналогичную цель поставило перед собой и экспертное объединение «Global Zero». Уже в 2008 г. появились первые сообщения о начале переговорного процесса между Россией и США по новому этапу сокращения стратегических наступательных вооружений, увенчавшиеся в 2009 г. подписанием соответствующего договора.

Помимо прочего, особую актуальность в конце 2000-х гг. приобрели проблемы нераспространения именно для стран АТР. Дело не только в так называемом «ядерном ренессансе», благодаря которому многие государства динамично развивающегося региона обратились к атомной энергетике, но и в наличии в этой части света акторов, обладающих ядерным оружием: как

официально признанных ядерных держав, так и имеющих его лишь *de facto*, как, например, КНДР.

Предложение о созыве Комиссии было впервые высказано тогдашним премьер-министром Австралии К. Раддом 9 июня 2008 г., находившимся с официальным визитом в Киото: в своём официальном выступлении он сконцентрировался на сотрудничестве Австралии и Японии в ядерной сфере, и предложил объединить усилия государств в этой связи. Через месяц К. Радд и его японский коллега Я. Фукуда утвердили этот вопрос на встрече, более подробно обсудив формат будущей Комиссии. В частности, сопредседателями организации стали бывшие главы МИД Австралии и Японии, Г. Эванс и Й. Кавагути. Мандат организации составил по времени два года (т.е. свою работу она выполняла до 30 июля 2010 г.) В состав Комиссии вошли авторитетные специалисты по вопросам безопасности и разоружения из различных стран мира (напр., А. Арбатов, У. Перри, Ф. Эйсбур), многие из которых в своё время занимали крупные государственные посты (так, в числе комиссаров оказался бывший президент Э. Седильо). Несмотря на то, что при создании организации речь шла о ядерном нераспространении и разоружении в глобальном масштабе, отчётливо проявилась и важность регионального компонента в этом отношении: прочные двусторонние связи таких акторов АТР, как Австралия и Япония, обеспечили успех переговоров. Также стоит сказать и о личностном факторе: усилия отдельных политиков (в первую очередь, Радда и Фукуды) позволили более точно определить мандат и направления деятельности Комиссии.

В декларируемые задачи Комиссии входила, прежде всего, экспертная деятельность, выражавшаяся в профессиональной оценке перспектив достижения безъядерного мира: составление отчётной документации, проведение пресс-конференций, брифингов и других мероприятий по привлечению внимания мировой общественности к проблемам нераспространения. Необходимо отметить и высокий уровень информационного освещения проекта (в частности, на официальной странице Международной комиссии по нераспространению и разоружению имеется и русскоязычная версия совместной статьи Эванса и Кавагути).

Независимость организации и дух международного сотрудничества стали, с точки зрения Питера Савчака (Фонд Карнеги), главными положительными чертами, характеризующими работу Комиссии. Одним из важнейших результатов деятельности Комиссии после длительных (более года) консультаций стала выработка к 15 декабря 2009 г. отчёта, характеризующего состояние дел в области ядерного нераспространения и разоружения: отмечалась необходимость диалога гражданского общества и правительственных структур. В то же время, с точки зрения ряда неправительственных организаций, в частности, «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», несмотря на верно поставленную цель (а именно «ядерный ноль») и достижения в отдельных аспектах, изменения к лучшему происходят слишком медленно. Комиссия выдвинула план, согласно

которому к 2025 г. общее количество ядерных боеголовок необходимо сократить до 2000 (т.е. более чем на 90%). Тем не менее, и эта цифра была впоследствии названа представителями некоторых НКО недостаточной (в частности, такого мнения придерживается председатель Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия от Австралии Тилман Рафф).

Таким образом, значение, которое имеет учреждение данной международной организации, выражается в подтверждении приверженности Австралийского Союза и Японии основным принципам ядерного нераспространения. Это также говорит о стремлении некоторых стран-лидеров АТР упрочить основы архитектуры безопасности и режима нераспространения в региональном и глобальном масштабе. С положительной стороны подобное проявление инициативы отразилось и на международном престиже указанных государств. Сам факт создания Комиссии свидетельствует о том, что у стран региона есть потенциал для выработки общей позиции по вопросам нераспространения ядерного оружия и технологий двойного назначения. Наконец, учреждение организации вписывается в общую тенденцию, проявившуюся в конце 2000-х–начале 2010-х гг.: речь идёт о востребованности подобных форумов, помогающих артикулировать актуальные проблемы нераспространения.

Чубаров И.Г. Рост регионального значения глобальных городов КНР

Chubarov I. Rise of regional influence of Chinese global cities

Теория глобальных городов возникла в начале 1990-х годов на стыке урбанистики, глобалистики и экономической географии, и в настоящее время активно развивается в нашей стране и за рубежом. В рамках этой синтетической дисциплины формирование наднациональной урбанистической сети рассматривается как ключ к пониманию пространственного аспекта процесса современной глобализации. Исследователи отмечают, что «в рамках мир-системы под влиянием транснационализации и глобализации, опирающихся на информатизацию, множатся сетевые структуры, все более нивелирующие пространственную иерархию» (Мироненко Н.С., 2010). Самая общая дефиниция глобального (мирового) города – «город, важный в контексте экономической глобализации» (Derudder B., 2006). Такие города выступают узлами, в которых принимаются важнейшие мировые решения, а благодаря использованию выгод глобализации они наращивают свой отрыв от остальных центров.

Упомянутая трансформация всего мирового хозяйства (повышение роли наднациональных урбанистических структур) делает актуальным вопрос о том, какое место занимают в этом процессе города КНР. Страна, вышедшая на второе место в мире по совокупности макроэкономических показателей, обладает рядом городских центров, потенциально способных составить конкуренцию городам на каждой ступени мировой и региональной иерархии. В

самом общем плане можно говорить о формировании двух направлений идентификации глобальной городской сети – «узкого» и «широкого». В рамках первого оперируют данными о филиальной сети предприятий совокупности отраслей высокоспециализированных деловых услуг («сервисный» подход), подразделений и штаб-квартир ведущих ТНК («корпоративный») либо о мощностях различных междугородних потоков – пассажирских авиаперевозках и пр. («инфраструктурный»). В географии глобальных городов четко прослеживается их «приуроченность» к странам Триады – трех наиболее важных регионов мирового хозяйства. Исследователи выделяют Североамериканскую, Европейскую и Азиатско-Тихоокеанскую подсистемы глобальных городов, каждая из которых характеризуется собственной морфологией, динамикой и характером связей между составляющими элементами.

Значимость городов АТР в мировой системе быстро нарастает, что видно из результатов расчетов в рамках «сервисного» подхода, выполненной международной исследовательской группой GaWC. За 2000-2010 гг. число глобальных городов из АТР значительно выросло, при этом именно китайские города отличаются наибольшей позитивной динамикой, их общее количество увеличилось с 5 до 12, многие повысили свой ранг (Пекин на три позиции, Шанхай на две, Гуанчжоу на одну). В 2010 г. впервые в число глобальных городов вошел Шэньчжэнь.

Для анализа глобальных городов удобно воспользоваться также результатами международных **комплексных** рейтингов, которые на постоянной основе публикуют уже несколько консалтинговых компаний и исследовательских групп. В них города анализируются одновременно по нескольким векторам глобальности, от демографии и экономики до культуры и экологии. К их достоинствам относятся широкий круг используемых статистических данных и достаточно прозрачный механизм составления. Обобщение по специальной методике результатов нескольких наиболее авторитетных и подробных из них свидетельствует, что в настоящее время к числу глобальных городов в КНР можно отнести пять центров. Наивысшие позиции занимает Гонконг, который наряду с Токио и Сингапуром входит в число лидирующих в АТР. К ним постепенно приближаются Шанхай, Пекин и Сеул, составляющие второй «эшелон»; остальные глобальные города АТР это Бангкок, Куала-Лумпур, Осака, Фукуока, Тайбэй, а также Гуанчжоу и Шэньчжэнь.

Спецификой подсистемы глобальных городов АТР является острая борьба за доминирование, отсутствие единственного ярко выраженного городского лидера уровня Нью-Йорка или Лондона. Среди центров выделяется Гонконг, отличительными чертами которого является и сверх-концентрация представительств крупных ТНК, и практически исключительно сервисная структура экономики, и максимально либеральные экономические установки, и высокая миграционная открытость, и культурное влияние далеко за пределами

своей страны, и мультикультурная толерантная городская среда. Роль платформы, через которую международный бизнес выстраивает и координирует свою стратегию в масштабе АТР, осуществляется через сектор международных контактов (выставки и конференции) и финансовых услуг всех типов.

Роль Токио в качестве международного бизнес-медиатора значительно скромнее. В отличие от ориентированных на свободный рынок и максимально открытых городов, японская столица более консервативна и национально-ориентирована, большинство процессов здесь происходят при участии государства. Традиционная роль «вожака», ведущего за собой «клин гусей», какой видела себя Япония своё положение в Восточной Азии на протяжении всего XX в., постепенно уходит в прошлое, а вместе с ней уходит и роль Токио как важнейшего азиатского центра. Быстрый рост КНР и НИС, продолжительная экономическая стагнация Японии медленно, но верно меняют расклад сил в этой части света. Возникают новые, более благоприятные условия для других городов региона «перетянуть» на себя часть глобального влияния Токио.

В отличие от Гонконга, структура экономики которого уже полностью пост-индустриальная (доля услуг в ВВП свыше 95%), в Сингапуре успешно функционирует достаточно сильная, в первую очередь высокотехнологичная промышленность. Доля промышленного сектора в экономике составляет 27% от ВВП города-государства, из него на продукцию передовых отраслей (электроника) приходится половина объема производства и около двух третей экспорта.

Меньшим влиянием на мировых событиях характеризуется следующая тройка городов – Пекин, Шанхай и Сеул. В паре Пекин-Шанхай прослеживается достаточно четкое «разделение труда»: Пекин выступает на мировой арене как административно-политический, корпоративно-управленческий, научно-образовательный и культурно-информационный центр, в то время как для Шанхая характерны финансовые, промышленно-инновационные, торговые и транспортно-логистические компетенции. К примеру, на значимость города в обслуживании международной торговли сильно влияет развитие его портовых мощностей. За последнее десятилетие города КНР сделали настоящий рывок в первую лигу мировых портов (7 из 10 крупнейших). Ярко выражен и тренд на сокращение отставания материковых городов от Гонконга. Пекин и Шанхай уже обошли его по размеру ВРП, есть тенденция на перехват его портово-логистических функций. За 10 лет (2002-2011 гг.) объём перегруженных гонконгским портом товаров вырос лишь со 192 до 277 млн т., в итоге город опустился с 5 на 10 место в мире. По контейнерному грузообороту Гонконг по итогам 2013 г. также вышел из тройки мировых лидеров, уступив Шанхаю, Сингапuru и Шэньчжэню.

На нижнем иерархическом уровне города КНР представлены Шэньчжэнем и Гуанчжоу. Оба китайских города относительно «молоды» на мировой арене и своему подъему обязаны успеху китайских реформ. Через них реализуется роль КНР в мировом хозяйстве как ведущей промышленной и

торговой державы. Специализация двух городов – в первую очередь производство и экспорт товаров народного потребления, бытовой электроники, НИОКР. Не менее важна и роль торгового посредника, связанная с проведением разнообразных выставок и международных ярмарок (к примеру, крупнейшая в мире Кантонская ярмарка в Гуанчжоу).

Таким образом, успешная интеграция Китая в мировое хозяйство на протяжении последних десятилетий позволила ряду городов набрать критическую массу, достаточную для вхождения в число глобальных центров. Экономическое развитие КНР последних десятилетий буквально выталкивает ведущие города страны на более высокие позиции в городской иерархии, в первую очередь в регионе АТР. Сокращается дистанция и меняется конфигурация взаимодействия между городами КНР, в первую очередь между Гонконгом и его конкурентами Шанхаем и Пекином.

Ставров И.В. К проблеме устойчивого развития моногородов КНР (на примере северо-восточного региона)

Stavrov I. About the Problem of Sustainable Development of China's Resource-based Cities (China's North-East Example)

Развитие моногородов¹ (или монофункциональных, монопрофильных, моноспециализированных городов) представляет собой довольно серьезную социально-экономическую проблему для многих стран, включая Россию и Китай. Формирование городов такого типа связано с решением некоторых экономических и политических задач, таких как разработка месторождений полезных ископаемых с последующей их переработкой, города, специализирующиеся на выпуске оборонной продукции, наукограды и т.п. В Европе появление моногородов было вызвано промышленной революцией, когда моноспециализация являлась толчком для ускоренного развития отраслей производства, направленных на внутренний или международный рынок. В СССР рост числа монопрофильных городов был связан с процессами индустриализации на базе развития тяжелой промышленности. Однако функционирование этих муниципалитетов нарушается, когда меняется экономическая конъюнктура, исчерпываются ресурсы и т.п., что приводит к тем или иным формам социального неблагополучия.

¹ Под моногородами принято понимать муниципальные образования, в развитии которых определяющую роль играют предприятия градообразующего комплекса, связанные единой технологической цепью, на которых заняты не менее 25% населения или вырабатывающие не менее 50% валового продукта города [Национальная идея России. Т. 5. М., 2012. С. 2994]

В КНР сегодня насчитывается около 262 «ресурсных» города (资源型城市)¹, некоторые из них сформировались в период японской оккупации (угольные шахты и ТЭС в Фусине и др.), многие же возникли в период ускоренной индустриализации на базе развития тяжелой промышленности (г. Цзилинь, Дацин, Баотоу)². Город ресурсного типа есть один из видов моногородов, экономика которого основана на добыче и переработке полезных ископаемых, продуктов сельского и лесного хозяйства. В данной работе речь пойдет только о них.

С началом политики реформ положение моногородов в КНР постепенно стало ухудшаться, с переходом к рыночным механизмам регулирования такие города стали неконкурентоспособными. Здесь также добавилась проблема истощения ресурсов, ввиду чего была выделена особая категория «городов с истощающимися ресурсами» (资源枯竭型城市). Кризис таких моногородов привел к очевидным социальным, экономическим и политическим последствиям – снижению доходов резидентов, сокращению доступа к объектам социальной инфраструктуры (медицинской помощи, детским садам и т.п., т.к. градообразующие предприятия содержат эти объекты), миграции населения в более благополучные населенные пункты и обострение на новом месте социальных проблем. В экономическом плане это приводит к снижению доходов бюджетов всех уровней, ставит задачу модернизации существующих и созданию новых производств. В политическом аспекте это может стимулировать антиправительственные настроения на местах.

Руководство КНР, понимая весь этот комплекс проблем, стимулировало выработку организационных решений, направленных на выведение из кризиса этих городов. Одним из предвестников изменения политики в отношении ресурсных городов стало постановление, принятое на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (март 1988 г.) «Относительно разрешения проблем угледобывающих городов». Однако реальных результатов оно, судя по молчанию китайских исследователей, не принесло. Формирование политики в отношении моногородов во многом связано с активизацией региональной политики КНР в начале XXI в. В декабре 2001 г. в г. Фусинь (пров. Ляонин) был начат эксперимент по перепрофилированию экономики. В 2005 г. к нему были добавлены гг. Шуаньяншань и Дацин (пров. Хэйлунцзян), Ляоюань (пров. Цзилинь), а в 2006 г. – Ичунь (пров. Хэйлунцзян) и Байшань (пров. Цзилинь). По результатам эксперимента в декабре 2007 г. были приняты «Некоторые мнения

¹ В это число власти КНР включили города окружного значения, районы, автономные округа и аймаки (всего 126), а также города уездного значения (62), уезды (58), районы городского подчинения (16)

² Следует отметить, что данные населенные пункты были образованы в разное время, однако их моноспециализированный статус оформился в период социалистической индустриализации

Госсовета относительно устойчивого развития городов ресурсного типа», в которых были закреплены основные направления политики в изучаемой нами сфере.

В документе определены следующие цели: создание механизма компенсации и помощи производствам ресурсного типа, а также пришедшим в упадок предприятиям; поддержка скоординированного развития различных отраслей экономики ресурсных регионов; одновременное разрешение основных проблем депрессивных районов с перепрофилированием их экономики; постепенное повышение в хозяйственной жизни рыночного регулирования. К 2010 г. необходимо было разрешить основные проблемы и противоречия городов ресурсного типа, а к 2015 г. добиться их устойчивого развития.

12 ноября 2013 г. Госсоветом также был утвержден «План устойчивого развития городов ресурсного типа КНР (2013 – 2020 гг.)», содержащий конкретные показатели развития. За этот период объем ВРП в среднем должен возрастать на 8% в год и достичь 29,1 трлн. ю. Доля добавочной стоимости добывающей промышленности в ВРП должна сократиться с 12,8% в 2012 до 8,8% в 2020 гг., а аналогичный показатель по сфере услуг - возрасти с 32 до 40%. Немаловажное значение имеют и социальные показатели. Доходы городских и сельских жителей должны возрастать на более чем 8% в год и для первых составить более 29700 ю. в 2020 г. (16033 в 2012 г.), а для вторых – более 14100 ю. (7607 ю.). Доля зарегистрированной безработицы не должна превысить 5%, а также к 2020 г. необходимо полностью избавиться от трущоб. Результативность выработки ресурсов должна возрасти на 25% к 2020 г., а зона покрытия лесами – на 1,6%.

На территории Северо-Восточного Китая (СВК) расположено около 37 ресурсных городов – 15 в Ляонине и по 11 в Цилини и Хэйлунцзяне. Среди них 26 относят к городам с истощенными ресурсами. Специализация таких городов основана на угледобыче, нефтепромыслах, лесной промышленности и др. Истощение ресурсов поставило задачу как более эффективной их выработки и использования, так и переориентации всей промышленной сферы моногородов. На изменение социально-экономической ситуации в этих «депрессивных» районах влияет конкурентоспособность города, обеспеченность финансовыми, производственными и людскими ресурсами. Так, например, в рейтинге конкурентоспособности городов КНР Дацин переместился с 55 на 42 место с 2005 по 2010 гг., а Фусинь – со 176 на 223, что отчасти свидетельствует об ухудшении обстановки в последнем. В соответствии с Планом возрождения Северо-Восточного Китая (2007 г.) и его продлением на 12-ю пятилетку (2012 г.) в Фусине (пров. Ляонин) необходимо развивать сельское хозяйство и глубокую переработку его продукции, проводить разведку новых месторождений полезных ископаемых, стимулировать ветроэнергетику. В Дацине (пров. Хэйлунцзян) требуется также заниматься геологоразведкой, повышать эффективность добычи нефти в старых месторождениях, создавать альтернативные отрасли, такие как производство стройматериалов,

оборудования для нефтедобычи. В г. Байшань (пров. Цзилинь) следует активно развивать туризм, повышать привлекательность горы Чанбайшань, охранять окружающую среду.

Пока рано говорить о крупных достижениях в развитии перечисленных городов, однако в последние годы наметился опережающий рост ВВП этих городов по сравнению с общепроvincialным. Так, в 2011 г. ВВП Фусиня возрос на 16%, а провинции в целом около 10 п.п. Однако рост доходов населения был сопоставим со средними значениями: с 2001 по 2011 гг. он составил 3,46 в Фусине и 3,53 раза в целом по провинции.

Строившиеся в период социалистической индустриализации города к настоящему времени переживают кризис, осложняя преодоление социальных противоречий, возникающих в китайском обществе. Правительство КНР к настоящему времени создает определенные условия для диверсификации экономики таких городов и повышению уровня благосостояния их населения.

Гамерман Е.В. Угрозы национальной и региональной безопасности на российском Дальнем Востоке и в Северо-восточной Азии

Gamerman E. Threats to national and regional security in the Russian Far East and Northeast Asia

Саммит АТЭС 2012 во Владивостоке всколыхнул в очередной раз активность в прессе и в научном сообществе по проблематике российских сибирских и дальневосточных территорий, их развития, интеграции в азиатско-тихоокеанское пространство и т.д.; повысился градус риторики политиков и государственных деятелей в отношении восточных территорий.

В 2012 г. было создано министерство Дальнего Востока (что-то сродни Сибирскому приказу в Российской или министерства по делам колоний в Британской империях). Однако расширение бюрократического аппарата и громкие заявления о необходимости развития Дальнего Востока пока никаких результатов не принесли. За последние 10 лет принято более 50 различных федеральных и региональных программ развития Дальнего Востока, Забайкалья и Байкальского региона до 2020, 2025 и других годов. Однако, за громкими проектами и прожектами, помимо фантазии их составителей не скрывается пока ничего. Угрозы безопасности российского Дальнего Востока, безусловно, являются составной частью национальной безопасности России, а также в условиях глобализации, в отдельных аспектах являются и элементами региональной безопасности СВА и всего АТР.

Начнем с традиционных, военных аспектов безопасности. Никакой прямой угрозы военной агрессии против Дальнего Востока в ближайшей перспективе не прослеживается. Однако, все не так радужно при анализе среднесрочной перспективы.

Дальний Восток России имеет общие границы с Китаем, Японией, США, Северной Кореей. **Китай** и китайские вооруженные силы на сегодняшний день по количеству и темпам роста и перевооружения уступает только США. Китай вкладывает гигантские средства в развитие флота, также модернизацию других частей НОАК. На сегодняшний день Китай стремится к мирному окружению и стабильному внутреннему развитию. Однако, внешняя политика КНР с каждым годом становится все агрессивнее. И все вкупе с наличием проблемы Тайваня, территориальных споров с Японией и Вьетнамом не дает оснований полностью исключать вероятность военных действий вблизи российских дальневосточных территорий.

Что касается **Японии**, в плане вооруженных сил Страна восходящего солнца многие годы (с начала 1980-х гг.) испытывает комплекс неполноценности. Несмотря на то, что силы самообороны Японии в плане технического оснащения, вооружений и подготовки напоминают маленькую, но хорошо подготовленную армию, Токио в ближайшем будущем будет добиваться отмены международных ограничений и самоограничений, а также пересмотра собственной Конституции. Многое будет зависеть от позиции Вашингтона и в случае серьезного усиления Китая (приближение по военным показателям к США), вполне вероятным выглядит трансформация конституционного права Японии и создание полноценных вооруженных сил. При наличии спорных с Россией территорий – это можно рассматривать как военную угрозу безопасности российского Дальнего Востока и национальной безопасности РФ в целом.

КНДР. После смены руководства страны в 2011 г. и целого ряда громких смертных приговоров, очень похожих на политические репрессии, отсутствие военных действий на Корейском полуострове становится не столь очевидным в будущем. Юношеский максимализм Ким Чен Ына и наличие ядерных боеголовок (что может у КНДР создать иллюзию неуязвимости) могут привести к началу военных действий против Южной Кореи.

США. Планы по развертыванию системы ПРО, которые в Восточной Азии значительно более реальные, нежели в Европе, могут привести к серьезной эскалации напряженности. Система противоракетной обороны в Южной Корее, Японии и на Филиппинах приведут к серьезному антагонизму с Китаем и Россией и изменит военную составляющую региональной безопасности до непредсказуемых последствий.

РФ. После сокращения вооруженных сил на Дальнем Востоке в 1990 – начале 2000-х годов и в силу вышеперечисленных угроз безопасности, а также при наличии благоприятной экономической ситуации (прежде всего, на рынке углеводородов) следует ожидать технического перевооружения Дальневосточного военного округа, а также появления на Дальнем Востоке боевых комплексов, типа «Искандер» и «Тополь-м».

Перейдем к невоенным, нетрадиционным угрозам безопасности российского Дальнего Востока и всего региона СВА в целом.

1. Изменение климата и природные и техногенные катастрофы. Часто в литературе две эти угрозы рассматривают отдельно. Однако, как показывает практика, они неразрывно связаны. Цунами в Индийском океане 2004 года, в Японии в 2011 г., мощное наводнение на российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточных провинциях Китая (СВК) в 2013 г. делают данную угрозу очень актуальной для всего региона. Все вышеперечисленные события были с приставкой «самое» - самое разрушительное, самое большое количество жертв, самое масштабное и т.д. Кроме того, природные катастрофы способны спровоцировать и техногенные, что наглядно видно на примере Фукусимы. Связаны ли такие катастрофы с изменением климата или нет – это задача, для изучения ученых из других областей знания. В нашем же случае настораживает тот факт, что несмотря на неспособность справляться с данными угрозами в одиночку, из-за политических разногласий страны региона фактически не предпринимают каких-то совместных шагов, инициатив по предупреждению и минимизации угроз, связанных с природной стихией и техногенными авариями.

2. Миграция. На данный момент угроз, связанных с миграционными потоками в регионе не существует. Однако, если мы говорим о российском Дальнем Востоке, то здесь характерна очень слабая заселенность территорий и усиление тенденций к уменьшению постоянного населения. Учитывая отсутствие положительной динамики в среднесрочной перспективе можно говорить о такой угрозе, как отсутствие человеческого капитала и социально-экономических факторов для дальнейшего экономического освоения региона, а также поддержания той инфраструктуры, которая уже есть. Все это накладывается на отсутствие подобных тенденций у соседних государств. Более того, наоборот, существует проблема перенаселенности и высокой плотности населения в Японии, а также после смягчения китайской политики «одна семья – один ребенок» - возможное серьезное увеличение населения СВК (как за счет повышения уровня рождаемости, так и за счет легализации уже рожденных детей). Конечно, говорить о «китайской угрозе» нет абсолютно никаких оснований. Однако, РФ может оказаться в ситуации, когда в силу целого ряда факторов (часть из которых перечислена выше), придется идти на какие-то компромиссные меры, уступки, аренды территорий и принимать другие непопулярные решения.

3. Транснациональная преступность и наркомафия. Безусловно, российский Дальний Восток и СВА не являются ни Колумбией, с ее наркокартелями, ни Афганистаном с ее кокаиновой экономикой. Однако, в данном регионе есть своя специфика, которая достаточно серьезным образом дестабилизирует обстановку и является угрозой региональной безопасности. Российский Дальний Восток выступает с одной стороны транзитной зоной по транспортировке синтетических наркотиков из Китая в Японию, а также афганского опия через Центральную Азию и Сибирь в Китай и Японию. Кроме того, на самих российских территориях произрастает большое количество растительных наркотиков, которые также легко преодолевают границы.

Ситуация осложняется тем, что в криминальном бизнесе на основе сотрудничества участвуют преступные группы России, Японии и Китая.

4. Продовольственная безопасность. В условиях большого количества населения в Китае и Японии, а также актуализации природных катастроф в ближайшей перспективе может стать жизненно важным вопрос о количестве и качестве продуктов питания и воды в регионе.

Угроз безопасности на российском Дальнем Востоке и в СВА в ближайшей перспективе очень много, как военного, так и невоенного характера, и позиции и перспективы России в данных вопросах не самые радужные.

Иванов С.А. Участие властей Хэйлунцзяна в контроле и организации деятельности провинциального бизнеса в России в 1990-2000-е гг.

Ivanov S. The role of Heilongjiang authorities in controlling and organizing Heilongjiang business activities in Russia in 1990-2000s

В 2000-е гг. среди российского научного сообщества появились представления о существовании в Китае специальной политики по регулированию активности китайского бизнеса в восточных регионах РФ. Центральная и провинциальная бюрократия КНР на самом деле формально сохраняла рычаги контроля над деятельностью китайских предпринимателей. Если учитывать, что в 2000-е гг. власти Хэйлунцзяна ставили задачу осуществить прорыв в выходе провинциального капитала на российский рынок и репрезентovali провинциальное хозяйство в качестве плацдарма для экономического проникновения в РФ, то было бы логично предположить, что хэйлунцзянская бюрократия являлась одним из ключевых элементов государственной политики по продвижению экономических агентов КНР в РФ. Это умозаключение требует верификации, поэтому вопросы управляемости зарубежной экономической деятельности хэйлунцзянскими властями станут ключевыми для нашего анализа.

Проникновение хэйлунцзянского капитала в СССР/РФ началось еще с самого начала приграничного и межрегионального сотрудничества двух стран в конце 1980-х гг. В статистических сборниках и различных официальных отчётах хэйлунцзянских властей отсутствует информация по зарубежной инвестиционной активности вплоть до начала 2000-х гг., т.к. подобная деятельность ограничивалась государством, и бюрократия всех уровней (включая центральный) не осуществляла систематическую публикацию подобной информации. Существующие исследования провинциальных чиновников и ученых позволяют заполнить этот пробел и сделать вывод, что хэйлунцзянский капитал не был предметом жесткого контроля местных властей и тем более не мог стать объектом целенаправленного продвижения на российский рынок. Во-первых, далеко не все предприятия проходили регистрацию в местных и центральных органах власти, как это требовало

законодательство. Во-вторых, в связи с тем, что вплоть до конца 1990-х гг. в Китае ощущалась нехватка капитала, инвестиционные предприятия были представлены за редким исключением малым бизнесом, который было сложно контролировать. В-третьих, основной деятельностью хэйлунцзянских предпринимателей в РФ, даже заявленного в качестве производственного, была нерегулярная торговля, которая не предполагала долгосрочного закрепления на российском рынке.

В 1990-е гг. хэйлунцзянский капитал занимал те ниши экономики приграничных территорий России, которые не были освоены местным российским бизнесом, при этом закрепление предпринимателей в РФ происходило не в результате действий китайских властей, а благодаря экономической конъюнктуре. Наиболее успешной формой экономического проникновения (особенно на Дальнем Востоке и в Сибирь) до середины 2000-х гг. стали вещевые и продовольственные рынки.

С первой половины 2000-х гг. произошли достаточно серьезные изменения в характере и формах продвижения хэйлунцзянского капитала в Россию. Этому способствовало одновременное протекание трех тенденций: восстановление российской экономики, накопление капитала в Китае и как следствие появление поощрительной государственной политики по продвижению бизнеса за пределы Поднебесной.

Восстановление национального хозяйства в России создало новые возможности и вызовы для деятельности хэйлунцзянского мелкого предпринимательства. С одной стороны, хэйлунцзянские компании, безусловно, были заинтересованы в расширении российского внутреннего рынка. С другой, укрепление и консолидация национального бизнеса в России привели к вытеснению ранее наиболее успешных форм деятельности хэйлунцзянцев – народных рынков в Уссурийске, Благовещенске, Владивостоке и т.д.

Накопление капитала и появление поощрительной политики в Китае имело более серьезные последствия для деятельности хэйлунцзянского бизнеса в России. С 2003 г. стал наблюдаться значительный рост регистрируемых центральными и провинциальными властями компаний, которые планировали работать в России. Хэйлунцзян по количеству предприятий, направивших свой капитал в российскую экономику, являлся лидером в Китае.

Официальная отчетность Хэйлунцзяна о деятельности хэйлунцзянского бизнеса в России в 2000-е гг. отличалась двумя особенностями. Во-первых, она обычно не конкретизировала статистические данные, публикуя их в самом агрегированном виде. Например, ни в одном официальном отчете провинции нельзя найти, в каких регионах России, кем и на какой срок осуществлялась аренда сельхоз земель, что на них выращивалось и т.д. Во-вторых, хэйлунцзянская статистика отмечала высокую инвестиционную активность провинциального бизнеса в России, а российская не регистрировала её. В-третьих, провинциальные репрезентации не дают возможности понять,

насколько инвестиционная активность предприятий в России была связана с решениями и действиями властей.

В настоящий момент недостаточно эмпирического материала, ни чтобы детально описать деятельность хэйлунцзянского бизнеса в РФ, ни чтобы установить, насколько правы российская или китайская бюрократии в оценках хэйлунцзянского экономического проникновения. Тем не менее, на основе анализа деятельности в РФ компаний, образцовых с точки зрения хэйлунцзянских официальных репрезентаций, вполне возможно показать характерные особенности взаимоотношений провинциальных властей с компаниями. Исследование четырех конкретно-исторических кейсов: деятельности компаний «Хуафу», «Синьчэн Шие», «Лунсин» и развития торгово-экономической зоны «Канцзи» – показывает, что важным инструментом реализации их проектов в РФ стала не финансовая поддержка со стороны провинциальных властей, а льготные кредиты китайских госбанков. Эти компании действовали исходя из принципа максимизации прибыли, нередко с нарушением российского законодательства, и в их деятельности не прослеживалось стремление к поддержанию благоприятного имиджа Китая за рубежом или реализация каких-либо национальных интересов в ущерб экономической эффективности.

В целом, наш анализ позволяет дать неоднозначную оценку возможностям хэйлунцзянских властей управлять деятельностью провинциального бизнеса в России. Значительные пробелы в официальной статистике и отсутствие конкретики в бюрократических описаниях говорит о проблемах государственного учета деятельности предприятий за рубежом как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг. До начала 2000-х гг. хэйлунцзянские компании, работающие в России, в основном занимались торговлей и характеризовались малыми формами хозяйствования, поэтому не могли стать предметом жесткого контроля. Самой массовой формой проникновения хэйлунцзянских предпринимателей в Россию стали розничные и мелкооптовые рынки. В китайских и российских источниках можно найти единичные примеры превращения китайских компаний во флагманов определенных отраслей приграничных городов РФ (например, строительная компания «Хуафу» в Благовещенске). Лишь с начала 2000-х гг., когда центральная власть начала поощрять зарубежное инвестирование и через госбанки выдавать кредиты для развития данного вида деятельности, крупные хэйлунцзянские предприятия стали проникать в добывающий и перерабатывающий сектора РФ. Изученные кейсы и сравнительный анализ статистики показывают наличие значительных информационных издержек между хэйлунцзянской бюрократией и предпринимателями, работающими в России.

Олейников И.В. Современные корпоративные стратегии развития регионов Байкальской Сибири: новые возможности для международного сотрудничества со странами АТР

Oleynikov I. Contemporary Corporate Strategies of Baikal Siberia Regional Development: New Opportunities for International Cooperation with the Pacific Rim States

В первом десятилетии XXI в. центр мировой экономики сместился из Европы и Северной Америки в страны АТР. Окно азиатских возможностей для регионов Байкальской Сибири (Иркутской области и Республики Бурятия) открывает реализация проекта «Восточная стратегия», стартовавшего в 2010 г., после успешного IPO акций корпорации РУСАЛ на Гонконгской фондовой бирже. Автором концепции является О. Дерипаска, владелец финансово-промышленной группы «Базовый элемент» и En+ Group, созданной в 2002 г. для реализации проектов в сфере энергетики, цветной металлургии, горной промышленности и смежных с ними отраслей. Именно En+ Group является той частью многосоставного холдинга российского миллиардера, которая пытается выйти на перспективные азиатские рынки. Структуры En+ занимают лидирующие позиции в России и мире по производству алюминия и редкоземельных металлов, глинозема, угля и электроэнергии. Развиваются проекты в области добычи железной руды, меди, золота и атомной энергетики. En+ Group контролирует 47,41 % крупнейшего в мире производителя глинозема и алюминия ОК РУСАЛ, владеет крупнейшей российской частной энергетической компанией «Евросибэнерго», угольными активами (компания ООО «Востсибуголь»). Основные активы холдинга расположены в Восточной Сибири: Иркутской области, Забайкальском крае, Республике Тува и Республике Хакасия. Компания осуществляет инвестиции в экономику региона.

En+ Group также является стратегическим партнером ведущих вузов Восточной Сибири – ИГУ, ИГТУ (г. Иркутск) и СФУ (г. Красноярск). 6 октября 2010 г. группа компаний РУСАЛ предприняла попытку создать на территории Гонконга совместное предприятие по торговле алюминием – ведь Китай в настоящее время является крупнейшим потребителем этого металла в мире. В планах у компании «Евросибэнерго», дочерней структуры En+ Group осуществление поставок китайских трансформаторов для крупнейших гидроэлектростанций Восточной Сибири.

Проект «Восточная стратегия» предусматривает развитие сырьевых поставок предприятий холдинга (алюминий, нефть, уголь, электроэнергия) из Иркутской области и Красноярского края в КНР и Республику Корея (предусматривается развитие логистических коридоров в Забайкальском крае).

В этой ситуации, строительство высоковольтной линии передачи излишков электроэнергии, вырабатываемой Иркутской, Братской и Усть-Илимской ГЭС из Восточной Сибири в северные провинции КНР поможет

китайским потребителям использовать более экологичную электроэнергию вместо угольных теплоэлектростанций, негативно влияющих на окружающую среду. В феврале 2012 г. En+ Group, входящая в холдинг О. Дерипаски, презентовала проект «Энергомосты в регионе Северо-Восточной Азии» (NEAREST), нацеленный на улучшение взаимосвязей между энергосистемами Восточной Сибири, севера и северо-востока Китая, Японии, Республики Корея и Монголии. При общей мощности энергосистемы Восточной Сибири в 46 ГВт, средняя используемая мощность на территории регионов РФ составляет 30 ГВт, а отсутствие современных линий электропередач между Россией и КНР по мнению О. Дерипаски, не позволяет в настоящее время экспортировать излишки электроэнергии.

Наряду с проектом NEAREST дочерняя структура En+ Group – «Евросибэнерго», планирует построить три новых электростанции (Нижне-Ангарскую ГЭС, Транссибирскую ГЭС и Ленскую ТЭС) с помощью инвестиций China Yangtze Power Company (CYPC), суммарной мощностью более 2,2 ГВт.

Еще одним важным элементом проекта «Восточная стратегия» является использование естественного транзитного потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока. При увеличении поставок в направлении стран АТР Россия столкнется с неизбежной необходимостью расширения пропускной способности Транссибирской железной дороги. В случае ее расширения появляется возможность использовать Россию в качестве транзитного коридора между Европой и Азией, существенно возрастет доля контейнерных перевозок, в настоящее время транспортируемых морским путем. «Восточная стратегия» О. Дерипаски включает в себя несколько аспектов: во-первых, планируется расширение поставок российских природных ресурсов для китайских потребителей. Во-вторых, снабжение предприятий РФ дешевым и качественным китайским промышленным оборудованием. В-третьих, Россия планирует активизироваться на фондовых биржах КНР – вслед за РУСАЛОМ на Гонконгскую биржу для повышения своей капитализации будут использовать и другие российские компании. Соответственно – одна из задач российского олигарха заключается в привлечении дополнительного государственного софинансирования проекта.

Необходимо отметить, что планы, подобные проекту «Восточная стратегия», разрабатывают и другие российские бизнесмены, однако они остаются в недостаточной степени проработанными. Так, группа компаний «Метрополь» под руководством М. Слипенчука вложила значительные средства в разработку месторождений в Республике Бурятия, освоение которых обеспечивает дочерняя структура «Металлы Восточной Сибири». На территории Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края, благодаря привлечению иностранных инвестиций, в том числе и из КНР, интенсивно строятся горно-обогатительные комплексы, обрабатывающие предприятия.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на свою неоднозначность, проекты «En+ Group» и ГК «Метрополь» имеют все шансы для осуществления в

регионах Восточной Сибири, хотя некоторое негативное влияние оказывает замедление темпов развития бизнеса О. Дерипаски в связи с изменением конъюнктуры на мировом рынке алюминия. Но получают ли субъекты РФ эффективный импульс для развития при осуществлении этого плана при сохранении существующей схемы финансирования? При реализации такого рода проектов, направленных на интенсивную эксплуатацию природных ресурсов богатейшего региона, несомненно, будет осуществляться государственный контроль над инициативами частного бизнеса и иностранных инвесторов.

Лабюк А.И. Экономический пояс шелкового пути

Labyuk A. Silk Road Economic Belt

Последние годы на волне стремительного экономического и политического развития КНР специалисты стали отмечать смещение центра международной политической, экономической и культурной деятельности в Тихоокеанскую зону. Внутри страны стали зреть амбиции по созданию «китаеццентричной» модели международных отношений. Таким образом сложились предпосылки формирования идеи возрождения Великого Шелкового пути, которая на официальном уровне была озвучена в начале сентября 2013 г. председателем Си Цзиньпином в ходе его поездки в Казахстан.

В китайских СМИ Экономический пояс Шелкового пути, пролегающий по маршруту КНР - Казахстан - Россия – ЕС, предстает некой идеальной концепцией взаимодействия стран Азии во главе с Китаем. Вот основные положения:

- Проект предполагает только бизнес, никакой политики (т.е. Китай не стремится к региональному господству, не стремится установить сферу влияния и не собирается вмешиваться во внутреннюю политику других крупных государств).

- Акцент будет сделан на развитии особых «полос» (полосы транспорта и перевозки, энергопоставок, информационного и научного сотрудничества и обмена, торговли, сельскохозяйственного освоения, туристического развития, обеспечения безопасности и т.д.). Строительство этих специальных «полос» может идти параллельно или поочередно в зависимости от степени активности и восприимчивости стран-участниц, а также внутренних нужд этих стран для обеспечения гармоничного развития проекта.

- Проект представляется частью общей политики КНР.

- В экономической зоне будут обеспечены свободная конкуренция и сотрудничество.

- Шанхайская организация сотрудничества останется базовой платформой взаимодействия, несмотря на то, что план охватит большее число стран.

- Благодаря проекту Китай еще больше откроется западу, однако КНР не собирается отказываться от развития сотрудничества в восточном и юго-восточном направлениях, считая, что важнейшее значение имеет баланс всех векторов.

- У КНР нет оснований выдвигать проекты в ущерб интересам РФ. Китаю предпочтительна такая схема отношений с Россией, которая предполагает кооперацию или параллельную деятельность на основе сотрудничества.

- Участие одновременно в нескольких региональных экономических проектах стало популярной практикой. Такое будет и в Центральной Азии. Некоторые страны этого региона могут стать участниками сразу трех региональных проектов во главе с Китаем, Россией и/или США.

- Становление Центральной Азии как зоны сотрудничества отвечает фундаментальным интересам и Китая, и России.

- В рамках «Экономического пояса Шелкового пути» Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийское экономическое сообщество могут сотрудничать друг с другом, вместе с тем не исключается и американский план «Новый Шелковый путь».

- КНР обладает значительными финансовыми ресурсами. Уже сейчас Китай готов оказать поддержку странам Центральной Азии для развития инфраструктуры, восстановления и строительства общественных и железных дорог до Европы. В этот интеграционный план уже включены страны Закавказья, то есть Азербайджан, Армения, Грузия, Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия.

Интересы КНР

- Необходимость перестройки экономической структуры КНР;
- Необходимость стимулирования экономического роста;
- Стремление обойти территориальные вопросы в Южно-китайском море и, как следствие, нестабильность отношений Китая с Вьетнамом, Филиппинами и другими странами Юго-восточной Азии;
- Политика США в АТР;
- Поддержание стабильности и стимулирование развития Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) посредством укрепления связей с Центральной Азией;
- Ускорение развития западных провинций Китая;
- Формирование между государствами региона тесных комплексных отношений в экономической, политической и гуманитарной областях.
- Развитие региональной экономической кооперации

В целом концепция Экономический пояс Шелкового пути является долгосрочным проектом, затрагивающий интересы, как стран Тихоокеанского региона, так и стран Центральной Азии и Европы. Несмотря на высокие оценки этой программы (со стороны китайских СМИ), существует множество оговорок, способных повлиять на его сбалансированное развитие.

И в первую очередь возникает вопрос по осуществлению доставки грузов, поскольку в настоящее время негативных условий для формирования сухопутного коридора больше, чем существует у морского. Технологии дистанционной координации морских грузоперевозок превосходят сухопутные. К тому же коридор будет проходить через территории многих стран, следовательно, таможенные формальности будут заметно осложнять и замедлять доставку грузов.

Другим важным фактором является стабильность взаимоотношений стран, чьи интересы будут затронуты этим проектом.

а) Экономический пояс Шелкового пути vs. Новый шелковый путь. В 2011 г. США представили план со схожим названием «Новый шелковый путь» с центром в Афганистане. В саму зону должны войти Центральная и Южная Азия, страны Закавказья, а также Монголия и СУАР. С тем, чтобы после вывода войск из Афганистана в 2014 году, основываясь на его географическом преимуществе как соединяющего Центральную и Южную Азию, усилить экономические связи со странами по Шелковому пути и стимулировать становление Афганистана как транспортного и торгового центра в регионе. По мнению Пекина, ключевой целью США является желание управлять Афганистаном и нежелание вкладывать в него свои финансы. Они надеются, что средства будут предоставлены близлежащими к Афганистану государствами. Таким образом, реального противостояния двух проектов избежать вряд ли удастся. Поскольку программа Китая в случае успеха значительно помещает идеям Вашингтона о новой объединенной Азии с центром в Афганистане.

б) Экономический пояс Шелкового пути vs. Евразийский союз. По сути, идея России о развитии Евразийского союза нацелена на сохранение ведущей роли, способности к контролю и влиятельности на постсоветском пространстве. Программа КНР предполагает затронуть территории, на которых проживает в общей сложности около 3 млрд. человек. Тогда как российский проект может объединить в 10–15 раз меньшее число жителей, а значит создать в 10–15 раз меньший рынок. Вопрос о противостоянии двух проектов очень многогранен. С одной стороны проекты КНР и РФ могут существовать параллельно, а страны Центральной Азии могут участвовать сразу в обоих, поскольку Россия не занимается поставками аналогичной с Китаем продукцией (со стороны РФ идут поставки в основном нефти, газа, металлургии первого передела). С другой стороны, возникает вопрос о возможном слиянии программ. Однако говорить однозначно сложно, т.к. китайская экономика в разы превосходит российскую. Поэтому в случае объединения РФ окажется на вторых позициях, на что российское правительство не пойдет. К тому же слишком велика разница в

менталитете двух стран, что станет еще одним камнем преткновения. Таким образом, можно ожидать серии переговоров по возможному взаимодействию между сторонами.

с) *Экономический пояс Шелкового пути vs. внутренняя нестабильность и сложные двусторонние отношения между бывшими советскими республиками региона.* Отношения между Узбекистаном с Таджикистаном и Кыргызстаном весьма напряженные. За прошлый год Ташкент неоднократно, нарушая контракт, останавливал поставки газа в Таджикистан. На спорных территориях между Узбекистаном и Кыргызстаном доходит и до вооруженных конфликтов. Остывают отношения и между Узбекистаном и Туркменистаном. Пекин рассчитывает, что все выправится, когда заработает их проект, однако ясно, что он не сможет сгладить абсолютно все среднеазиатские противоречия.

Можно сделать вывод, что в настоящее время Пекин, осознавая все сложности, не будет форсировать этот проект. Вместо этого, он пока будет сосредоточен на подписании торгово-экономических соглашений и приобретении крупных долей в нефтегазовых месторождениях в странах Центральной Азии.

Веремейчик А.С. Демографическая политика КНР и её реализация в северо-восточном регионе (западная историография)

Veremeychik A. China's Population Policy and its Implementation in the Northeast Region (Western Historiography)

Интерес у западных учёных к изучению демографических процессов в КНР был обусловлен рядом факторов: значительной долей мирового населения, высокими темпами естественного прироста, политикой контроля над рождаемостью. Вопросы реализации демографической политики в Северо-Восточном Китае не становились предметом специального исследования, однако регион неоднократно выступал объектом для сбора и анализа эмпирических данных, необходимых для выявления характера и степени эффективности программ планирования семьи на региональном уровне.

Одной из первых работ, где фигурировал Северо-Восток, является статья американской исследовательницы Джоан Кауффман «Политика и практика планирования семьи в Китае: на примере четырёх сельских районов» (1989), написанная при участии китайских коллег. Данная работа основывается на материалах, полученных в ходе полевого обследования сельских районов провинций Хэйлунцзян и Фуцзянь. В ходе интервью с представителями местных властей, ответственными за работу по планированию рождаемости, а также выборочного опроса сельских женщин, авторы выявили низкую степень принятия населением «обязательств однодетной семьи» и слабость системы штрафов за «внеплановое деторождение», что позволило им говорить о действии де-факто политики двухдетной семьи.

Другим исследованием, где значился северо-восточный регион, является работа учёного-гендеролога из Иллинойского университета Гейл Саммерфильд «Гендерные и сельские реформы: политика контроля над численностью населения и прав землепользования на примере пров. Ляонин» (2007), выполненная в соавторстве с китайской коллегой. В данной работе специалисты проследили наличие дискриминации по половому признаку в процессе реализации политики регулирования рождаемости и прав пользования землёй в деревне. Анализ данных, собранных в пров. Ляонин, показал особенное проявление гендерного неравенства в 1980–1990-е гг. По мнению авторов, сегодня женщины по-прежнему выступают «мишенью» демографической политики, и в большинстве случаев остаются «безземельными» при вступлении в брак.

Упоминание о Северо-Востоке обнаруживается и в комплексном исследовании немецкого демографа, профессора Кёльнского университета Томаса Шарпинга «Контроль рождаемости в Китае: 1949–2000 гг.» (2003). В работе анализируются демографический рост, политика китайского руководства в этой области и реакция населения на протяжении пятидесяти лет, а также очерчивается проекция тенденций на будущее. Автор подчёркивает, что демографические исследования остаются сложным вопросом в Китае, особенно потому, что они раскрывают противоречия периода реформ: либерализация экономики, с одной стороны, и сохранение жёсткого контроля над социальной и политической сферой, с другой. Используя большое количество первичных и вторичных источников (статистика, законы, директивы, внутренние документы, материалы конференций и др.) местного, государственного и международного уровня, учёный стремится объективно оценить реальный эффект мер по контролю над рождаемостью. Т. Шарпинг приходит к заключению, что программу нельзя считать полностью успешной с учётом предпочтений населения в вопросах размеров семьи. Предпочитаемый размер снизился по сравнению с 1970-ми годами, но продолжает оставаться в пределах двух детей, особенно если первый ребёнок – девочка. Перечень уголовных и административных наказаний, недавно расширенный, свидетельствует о том, что сопротивление населения сохраняется.

Теперь рассмотрим труды, охватывающие широкий круг вопросов демографии и демографической политики в рамках всего Китая, позволяющие ознакомиться с условиями, в которых принимались решения о начале курса на однодетную семью, характером проведения политики планирования семьи, с её результатами и последствиями.

Американский демограф Джудит Банистер в статье «Демографическая политика и тенденции в Китае, 1978–1983 гг.» (1984) сосредоточила своё внимание на начальном периоде политики одного ребёнка. По её мнению, на рубеже 1970–1980-х гг. произошла эскалация политических мер по содействию быстрому сокращению рождаемости, что выразилось в попытках устранить направленные на повышение рождаемости экономические стимулы с заменой на

материальные преимущества для однопородных семей и санкциями в отношении супружеских пар, имеющих двух и более детей. Таким образом, китайская программа планирования становилась всё более обязательной в своём тоне и методах принуждения.

Джон Бонгаартс и Сьюзен Гринхалф в совместной работе «Альтернатива политике однопородной семьи в Китае» (1985) рассматривали возможности выполнения демографической политики, направленной на массовый переход к однопородной семье в условиях планового социально-экономического развития. Изучив эволюцию государственных мер и её потенциальных последствий авторы предложили альтернативу политике однопородной семьи, предусматривающую возможность иметь двух детей в семье, основными условиями которой являются откладывание рождения первого ребёнка на более поздний срок при минимальном возрасте для первого рождения – не менее 25 лет и интервал между рождением детей. Сделанные ими прогнозные оценки показали, что установка на двухдетную семью при откладывании рождения первого ребёнка, может быть не менее эффективной, чем политика однопородной семьи для достижения демографических целей Китая. Более того, её было бы легче осуществлять, и она могла иметь меньше отрицательных последствий для семьи и общества.

Специалист по демографии Джон Эйрд в книге «Принудительный контроль над рождаемостью в Китае» (1990) проанализировав китайские источники, содержащие принципы, инструкции, установки и модели, транслируемые центром в регионы, а также сведения о выполнении регионами центральных директив, проследил динамику политики ограничения рождаемости. В работе утверждается, что программа планирования семьи проводилась насильственно, против воли населения, даже, несмотря на официальные опровержения и периодические усилия к предотвращению некоторых наиболее крайних её проявлений, принуждение всегда являлось неотъемлемой частью программы.

Политолог, китаевед Тирэн Уайт из Колледжа Свартмор (США) в книге «Китайская продолжительная кампания: планирование рождаемости в КНР, 1949–2005 гг.» (2006) выявляет причины, приведшие к контролю над численностью населения: опасения КПК того, что рост населения будет препятствовать или замедлять ход экономических реформ. Автор подчёркивает важность такого инструмента, как регулярные массовые пропагандистские кампании, без которых контроль над численностью населения был бы невозможен. Из отрицательных последствий выделяет проблемы инфантицида, селективных абортов, приводящих к половому дисбалансу; незарегистрированные дети среди мигрирующего населения. Уайт приходит к выводу, что будущие изменения в области планирования семьи частично зависят от международного влияния, чуть более от экономических успехов, и в большей степени от разделений либо сплочённости внутри КПК.

Наконец, нельзя не отметить ещё одну работу Сьюзен Гринхалф «Только один ребёнок: наука и политика в период Дэна» (2008), где автор стремится проследить связь между наукой и политикой в критические месяцы 1979–1980 гг., в период принятия решения о введении в действие установки «одна семья – один ребёнок». Позиция автора, подкреплённая вескими аргументами, состоит в том, что решение было политическим, принятым высшим руководством, наука здесь имела подчинённый характер.

Анализ западной историографии показывает, что комплексных исследований, посвящённых вопросам реализации демографической политики в Северо-Восточном Китае, практически не проводилось. Работы, где регион выступает объектом сбора и анализа эмпирических данных, а также труды, охватывающие широкий круг вопросов демографии и демографической политики в рамках всего Китая, предоставляют хорошую основу для будущих исследований.

Плесский Н.С. Социально-географический подход к изучению качества жизни населения Китая

Plesskii N. Socio-geographical approach to the study of quality of life in China

Впечатляющие успехи Китая в экономической сфере превратили его в одну из сильнейших и быстро развивающихся стран мира. При этом состояние социальной составляющей находится в серьёзном дисбалансе с экономическим развитием. В связи с этим, изучение различных проблем качества жизни населения страны определило возрастающий научный интерес со стороны как китайских, так и зарубежных ученых. В течение 1980-х – 2000-х годов тенденции изменения качества жизни населения КНР, преимущественно оценивались через анализ макроэкономических показателей, правдоподобность которых часто вызывает сомнение. Начиная с 2006 г. значительно возросло число научных трудов по изучению субъективного благополучия и «индекса счастья» различных социальных групп населения.

В нашем исследовании предпринята попытка выявить территориальные различия качества жизни населения Китая на основе социально-географического подхода. В его рамках понятие «качество жизни населения» рассматривается как интегральное явление с системой таких индикаторов как уровень здоровья, образования, материального благополучия человека, социально-экономических, природно-экологических, культурных и других условий его жизнедеятельности, а также субъективного отношения индивида к различным сторонам своей жизни.

Для объективной оценки качества жизни населения современного Китая нами проанализировано 40 статистических показателей по 4 комплексным блокам индикаторов: 1) качества населения; 2) качества среды жизни; 3) качества развития экономики; 4) качества развития общества. Анализ статистических

данных проводился с учётом их динамики (2006 – 2010 гг.) и доступности в разрезе всех административно-территориальных единиц Китая (без Тайваня, Гонконга и Макао) с помощью метода линейного масштабирования. Полученные значения индексов отдельных индикаторов и структурных блоков дифференцировались по четырех балльной шкале: высокий, средний, низкий и очень низкий.

Для проведения субъективной оценки качества жизни населения провинций Китая использовались результаты социологических опросов Юань Юэ и Чжан Хуэя, опубликованных в Китайском статистическом ежегоднике за 2010 год. Опрос городских и сельских респондентов проводился по 17 показателям, отражающим их удовлетворенность экономической ситуацией в стране и положением ее на международной арене, изменением цен, личными доходами, своей профессией, пенсионным обеспечением, общественной безопасностью, досугом, социальной защищенностью, деятельностью органов государственного управления и др. Ответы участников социологического опроса оценивались от 1 балла (очень неудовлетворён) и до 5 (очень удовлетворён).

В целом, население Китая, и особенно сельское, «вполне удовлетворено» качеством своей жизни. Это объясняется высокой степенью доверия китайцев представителям государственного управления (более 4 баллов), сумевших за период реформ убедить своих граждан, что экономический рост увеличивает индивидуальное благополучие каждого из них. Уровню жизненного оптимизма примерно 60% «бедных» китайцев могут позавидовать граждане самых «богатых» стран мира, поскольку они сохраняют удовлетворенность качеством своей жизни, даже при самом незначительном росте личных доходов, уровня потребления и пенсионного обеспечения. Одной из главных причин оптимистической оценки китайцами своего благополучия и проблем жизнедеятельности можно считать их менталитет, сформировавшийся под влиянием национальных философско-религиозных учений. Итоги социологических обследований Юань Юэ и Чжан Хуэя практически совпадают с результатами других китайских и зарубежных социологов и политологов. Они единодушно отмечают парадоксальную для Китая тенденцию – более бедное сельское население выше оценивает качество своей жизни, чем горожане. Этот «китайский парадокс» позволил получить субъективную оценку качества жизни населения страны на провинциальном уровне, которая дополнила итоги объективной оценки (с учетом с уровня урбанизации и рурализации).

Социально-географический подход к оценке качества жизни населения Китая позволил выделить 4 типа территорий провинциального уровня.

К **первому типу** относятся густо заселенные и высокоразвитые приморские территории - Пекин, Тяньцзинь и Шанхай, выполняющие функции ведущих политических, промышленных и финансовых центров Китая. В общей сложности они концентрируют почти 4% китайского населения, из них 84% - горожане. Качество жизни населения здесь почти в 2 раза выше, чем в среднем

по стране, за счет более высоких индексов по показателям качества населения, качества среды жизни и качества развития общества. Наравне с относительно высокими статистическими параметрами условий жизнедеятельности, население крупнейших китайских мегаполисов отличается относительно низкой оценкой удовлетворенности качеством своей жизни, из-за постоянно растущих требований к уровню удовлетворения своих личных потребностей. Поэтому Пекин, Тяньцзинь и Шанхай лидируют среди других провинциальных территорий по доле «не вполне удовлетворенного» населения (более 80%) и находятся на последнем (четвертом) месте по доле «вполне удовлетворенных» сельских жителей (около 20%). Больше всего жителей мегаполисов беспокоит усиление доходной и имущественной дифференциации населения, непрекращающаяся село-городская миграция, создающая серьезные проблемы на рынке труда, перегруженность транспортной инфраструктуры и ухудшение экологической ситуации.

Во **второй тип** вошли приморские староосвоенные восточные и юго-восточные провинции Гуандун, Ляонин, Фуцзянь, Цилинь, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун. На них приходится 32% китайского населения, из них 64% - горожане. Результаты объективной оценки качества жизни населения провинций позволили отнести их к территориям со средним уровнем. Для них характерно относительно высокое качество жизненной среды, сочетающееся со средним уровнем качества населения и низким качеством развития общества. Они находятся на втором месте после Пекина, Тяньцзиня и Шанхая по доле более «претенциозного» городского населения «не вполне удовлетворенного» своей жизнью (более 60%) и на третьем – по «вполне удовлетворенному», основу которого составляют сельские жители (более 36%).

Третий тип составляют континентальные северные, центрально-южные и западные территории провинциального уровня (Чунцин, АРВМ, ГЧАР, НХАР, СУАР, ТАР, а также провинции Аньхой, Сычуань, Хайнань, Хубэй, Хунань, Хэбэй, Хэнань, Хэйлунцзян, Шаньси, Шэньси, Цинхай, Цзянси). В их границах сосредоточено около 55% населения Китая, из них 44% - горожане. Они концентрируют значительную долю минерально-сырьевых ресурсов страны, производств первичной переработки всего местного сырья, химических продуктов, сырья и полуфабрикатов. Объективная оценка качества жизни населения показала низкие значения на основе аналогичных значений индексов по индикаторам качества населения, качества жизненной среды и развития общества. Эти территории находятся на третьем месте по доле «не вполне удовлетворенного» своей жизнью городского населения (более 40%) и на втором месте – по «вполне удовлетворенному» сельскому (около 55%). Примерно 60% населения оценивает проблемы своей бедности из-за нехватки земли, аграрного перенаселения, низкого уровня механизации сельского хозяйства, раздробленности земельных участков, фактического отсутствия социальных гарантий, жестких административных мер по сдерживанию миграции в город.

В **четвертый тип** вошли традиционно слабообразованные провинции - Юньнань, Ганьсу, Гуйчжоу (10% населения страны). Больше 67% населения проживает в сельской местности и сталкивается с теми же социальными проблемами, что и крестьяне других провинций. Но при этом также «вполне удовлетворены» качеством своей жизни.

Савчук А.А. Половая диспропорция в КНР и её влияние на Россию

Savchuk A. The gender imbalance in China and it's influence on Russia

Традиционные установки конфуцианского Китая, ставящие женщину в заведомо подчиненное положение и объявляющие её существом второго сорта, получили новое развитие после принятия национальной политики сокращения рождаемости «Одна семья – один ребенок». В конфуцианской идеологии однозначное предпочтение отдается мальчикам как будущим кормильцам престарелых родителей, ответственным за поклонение духам предков. Девочки же традиционно не имеют особой ценности в глазах китайцев, что приводит к селективным абортam, убийствам новорожденных девочек и половой диспропорции в КНР. По официальным данным, приведенным в средствах массовой информации, в современном Китае не хватает порядка 50 млн. женщин, а к 2100 году эта цифра вырастет до 107 млн. В 2012 г. на 100 девочек приходилось 117,7 мальчиков, в то время как для остального мира это соотношение составляет в среднем 105-106 мальчиков на 100 девочек и естественным образом выравнивается к 20 годам. В Китае подобного выравнивания не происходит, и уже к 2020 г. 24 млн. китайских мужчин не смогут найти себе невест.

Семьи, которым разрешено завести только одного ребенка, отдают предпочтение мальчикам: ежегодно около миллиона девочек abortируют, либо убивают сразу после рождения, а десятки тысяч оказываются в приютах. Начальник госкомитета по демографической политике и плановому деторождению Ван Ся, выступившая на Всекитайском совещании по преодолению гендерной диспропорции, поставила задачу снизить к 2015 году явный перекоc в появлении на свет мальчиков и девочек, доведя соотношение между новорождёнными до 115 к 100.

Невозможность создать семью, с которой сталкиваются, в первую очередь, юноши из сельскохозяйственных отсталых районов, порождает определенную нестабильность не только китайского общества, но и всего АТР, в том числе и России. В настоящее время в Китае замечена практика похищения невест либо отдача «первых дочерей» (в сельской местности разрешено рожать второго ребенка, если первенец – девочка, то же правило распространяется и на национальные меньшинства Китая, например, корейцев) в жены наследникам более богатых семей, которые помогают материально в воспитании девочек до 21 года, после этого возраста девушка переходит в семью жениха.

Подобная стратегия представляет угрозу не только для Китая, столкнувшегося с перспективой глобального старения населения и его половой диспропорции, но и для всего АТР, в котором уже наблюдается значительное численное преобладание мужчин над женщинами. Китай, Индия, Бангладеш и Пакистан в сумме дают превышение количества мужчин почти в 72 млн., причем на Китай приходится 36 млн, а на Индию - 28 млн. (данные 2005 г.). Подобная диспропорция, во-первых, увеличивает криминогенную обстановку в регионе, провоцируя рост числа изнасилований, продажи в проституцию (либо выдачу замуж) несовершеннолетних девочек, а также рост экстремистских настроений среди молодых неженатых мужчин. Во-вторых, активно формируется азиатский рынок проституции, в том числе и основанной на секс-торговле и траффинге. Траффинг (нелегальная торговля людьми) – это современная форма рабства. В результате траффинга люди оказываются жертвами насилия, обмана или принуждения и подвергаются сексуальной эксплуатации или подневольному труду. Жертвами могут быть дети, подростки, мужчины и женщины. Секс-торговля – организованная система сексуальной эксплуатации людей, в том числе женщин и девочек. Она включает в себя сеть вербовки и доставки женщин до мест «работы», а также меры по их насильственному удержанию в сексуальном рабстве. Вся эта деятельность нередко прикрывается вывесками туристических фирм и учебных центров для манекенщиц и фотомоделей, осуществляется без всякого страха разоблачения. В 2013 г. порядка 80% всего траффинга составляла сексуальная эксплуатация женщин и детей, число несовершеннолетних девочек, проданных в сексуальное рабство, составляет порядка 1 млн. человек.

Китай, с одной стороны, сам поставляет «живой товар» на мировые рынки сексуальной работоторговли, с другой – является потребителем этого «товара», в основном из России и Казахстана. В настоящее время в мире велик спрос на славянских женщин – так называемая «четвертая волна» (первые три составляли азиатские, латиноамериканские и африканские женщины), по оценкам ООН Россия в 2008 г. заняла первое место как страна-экспортер «живого товара». По разным – и весьма приблизительным – оценкам в секс-индустрию на территории Китая вовлечены от 5 до 15 тыс. россиянок, причем это только те, кто попал в Китай по визе и в итоге оказался в поле зрения официальных властей. Рынок проституции, основанной на траффинге из стран бывшего СНГ, не поддается точной оценке, но сохранение существующей в Китае демографической ситуации, позволяет говорить о его последующем росте. Дополнительным фактором, способствующим росту траффинга в Китай, а через него – в Юго-Восточную Азию, является рост деловых связей КНР с европейскими и североамериканскими государствами, где в последние годы были приняты довольно жесткие законы против проституции и траффинга. Основной целью данных законов стала криминализация клиента как главного насильника и потребителя проституции, а не проститутки, являющейся жертвой двойной эксплуатации: экономической и сексуальной. Те

европейские и американские мужчины, которые хотят и дальше иметь платный секс и не нести за него никакой ответственности, в настоящее время переориентируются на страны ЮВА, прежде всего, Таиланд и Вьетнам. Но перенасыщение рынка секс-услуг, предоставляемого этими странами, может привести к появлению спроса на белых проституток, основной рынок которых – Россия и страны бывшего СНГ. Применительно к Китаю практика предоставления гостю белой проститутки может стать своего рода «жестом уважения» для важных персон, способом показать свое расположение, либо сама покупка белой проститутки может являться вопросом престижа для клиента.

Однако траффинг и секс-торговля – это только один аспект проблемы. Второй аспект состоит в том, что молодые неженатые мужчины зачастую вытесняются за пределы Китая в поисках работы. Наиболее близкими для них регионами являются Сибирь и Дальний Восток, являющиеся довольно привлекательными в плане трудоустройства и перспектив развития своего дела. Для закрепления в России и получения российского гражданства наиболее простым выходом представляется брак с русской гражданкой. Иногда этот брак фиктивный, но имеют место случаи, когда китайцы женятся именно с целью создания семьи. Отсутствие достоверной статистики в свободном доступе порождает волну слухов о постоянном росте числа русско-китайских браков и русско-китайских детей от этих браков. В СМИ ведутся две прямо противоположные дискуссии: о росте «желтой угрозы» и демографической экспансии в Дальневосточном и Сибирском регионах, с одной стороны, и о популярности китайских мужей среди определенных групп русских женщин – с другой. Данные высказывания вполне могут повлиять на националистические группировки и превратить русских женщин, связавших свои судьбы с китайцами, в мишень для агрессии со стороны националистов.

Таким образом, можно сделать вывод, что демографическая катастрофа в Китае, связанная с половой диспропорцией населения, перестала быть исключительно «внутренней проблемой» КНР и в настоящее время влияет и на Россию как на ближайшего геополитического и экономического партнера. Нехватка женщин в Китае – и в Юго-Восточной Азии в целом – приводит как к росту траффинга из России, так и к нагнетанию в российском обществе истерии по поводу демографической атаки китайских мужчин на слабозаселенные земли Сибири и Дальнего Востока. Последнее приводит к росту националистических настроений и росту агрессии по отношению к женщинам, живущим в смешанном браке.

Buyarov D. Religious policy of the People's Republic of China concerning ethnic minorities

В начале 1990-х гг. политика китайского правительства исходила из принципа о неприемлемости религии и содействии ее отмиранию, что было обусловлено предшествующим курсом. Но постепенно стали намечаться изменения, которые были определены необходимостью улучшения межнациональных отношений. Тем более, что для многих неханьских народов религиозные верования играли огромную роль.

В 1993 г. стали появляться научные публикации, в которых поднимался вопрос о гармонизации отношений религии и социализма, которые как бы подготавливали почву для политических решений. В ноябре 1993 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что религия и социализм взаимно соответствуют друг другу. Однако он подчеркнул, что, проводя политику свободы религиозных верований, необходимо, руководствуясь законом, усиливать управление делами религии. Однако это не означает, что религии неханьцев освободились от партийно-государственного контроля. Официально политика партии в 1990-е гг. стала обозначаться как «политика свободы религиозных верований». И, конечно, следует отметить, что силовой опыт решения проблем уступил место реалистическому подходу.

Государство стало употреблять значительные финансовые средства на восстановление мечетей, храмов, монастырей. И внешне ситуация выглядит достаточно благополучной. Но система ограничений перекрывает степень свободы в делах религии. Государство придерживается правила о допустимости лишь так называемой «нормальной» религиозной деятельности. Это означает, что запрещается религиозная деятельность вне пределов тех мест, которые для этого отведены. Правительство выступает и против вмешательства церкви в политические и административные дела, в систему образования. Государство сохраняет контроль над деятельностью религиозных организаций и допуская определенные послабления, например в вопросе религиозного образования, стремится снизить его до минимальной степени.

Правительство КНР подчеркивает, что, несмотря на политику свободы религиозных верований, «никто не в праве использовать религию для проведения контрреволюционной деятельности или подрыва общественного порядка, нанесения ущерба здоровью граждан, помех государственной системе образования». В рамках такого курса может быть запрещено любое религиозное движение, которое может нести потенциальную угрозу. Так, в Китае было запрещено движение «Фалуьгун». Основными причинами для преследования, согласно утверждению официальных лиц, стали нарушения общественного порядка, политические амбиции движения, отрицательное влияние религиозной

практики движения на умы и здоровье китайских граждан. Что касается крупных традиционных религиозных систем национальных меньшинств – ислама и тибетского буддизма, то введение запретительных мер в их отношении невозможно. Поэтому проводится политика определенных ограничений и контроля, преимущественно через кадровую политику. В КНР были созданы специальные исламские и буддийские богословские учебные заведения для подготовки служителей культа. Первейшим требованием властей к священнослужителям любых конфессий становится условие «любить государство». Поэтому начинает осуществляться специальная подготовка служителей культа. Например, еще в 1990-е гг. духовные лица уйгуров – ахуны – могли сами выбирать учеников. В настоящее время многие из ахунов (не прошедших стажировку в Пекине) объявлены «самозванцами». И, как отмечают китайские авторы, теперь в СУАР право набирать учеников имеют только проверенные кадры, работающие политически и духовно над собой и признанные правительством. По сути «нормальная» религиозная деятельность стала сводиться к возможности посещения храмов, мечетей и монастырей. КПК по-прежнему регламентировала рамки религиозной деятельности, контролировала духовенство и работу религиозных учебных заведений. В то же время политика в отношении религии приобрела более гибкие формы, государство проявило готовность идти на некоторые уступки верующим.

1 марта 2005 г. Госсовет КНР обнародовал «Положение по делам религии», которое в законодательной форме излагает постановления, касающиеся религии: религиозных общин, мест религиозных отправлений, религиозных отправлений верующих, создания духовных училищ, издания религиозной литературы, управления имуществом религиозных общин, внешней религиозной деятельности и пр. Это положение воплощает стремление китайского правительства к регламентации деятельности религиозных учреждений.

Мероприятия КПК в 1990-2000-е гг. нацелены на исправление многих ошибок предыдущего времени, когда была подорвана материальная база религиозных организаций и серьезно пострадали ряды духовенства. Однако современные реформы не приводят к ослаблению влияния религии среди широких масс неханьских народов. Скорее наоборот, религиозные чувства национальных меньшинств еще более окрепли и усилились.

Фактором, способствующим укреплению позиций религии в национальных районах КНР, является международный аспект этой проблемы. Руководство Китая пытается создать привлекательный имидж своей власти. А для этого необходимо не создавать почвы для критики со стороны зарубежных религиозных кругов и других государств. Действуя через Буддийскую ассоциацию Китая и Исламскую ассоциацию Китая, правительство КНР старается использовать религиозный фактор в своей внешней политике.

В период проведения реформ религиозные чувства неханьцев еще более усилились и окрепли. Политика КПК в отношении религии в целом

способствовала обострению национальных отношений в стране. Контроль и ограничения религиозной деятельности национальных меньшинств продолжают оставаться факторами, способствующими росту недовольства политикой центрального правительства.

В 2008 г. в ТАР прошли крупные народные волнения, которые продемонстрировали недовольство политикой центрального правительства. Анализ политики Пекина в сфере экономики, религии, образования и культуры в ТАР показывает, что проблема развития Тибета и поддержания там стабильности по-прежнему не решена. В разрешении этой задачи китайское правительство отдает приоритет развитию. Однако для тибетцев главной жизненной ценностью по-прежнему остается религия. Также большую роль играет ислам в СУАР, где также периодически возникают волнения.

Запретительные и репрессивные меры в отношении религии приводят к еще более негативным результатам – росту национализма, сепаратизма и религиозного экстремизма. Поэтому решение дилеммы «развитие-стабильность», в основе которой лежит религиозный вопрос, продолжает оставаться самой трудной задачей правительства КНР, успешное разрешение которой будет способствовать разрешению национального вопроса в целом.

Ульянова И. В. Проблема этнического сепаратизма в современном Китае (на примере Тибета)

Ulyanova I. The problem of ethnic separatism in modern China (Tibet)

На уровне исторической памяти, в коллективном и индивидуальном сознании и подсознании национально-культурная самоидентификация всегда была, есть, и, наверное, сохранится, несмотря на все попытки вытравить ее из ментальности человека. Иными словами, этнический сепаратизм, сегодня, входит в число основных «вызовов» современности, подрывающих мирную атмосферу во многих странах. Подобная проблема не обошла и КНР. От решения тибетской проблемы в значительной степени зависит мирная обстановка во всём АТР.

Суть конфликта заключалась в том, что правительство Китая против воли местного населения насильственными методами добилось включения Тибета в состав своих территорий. В конце 1950-го – начале 1951г. в ходе непродолжительных боев НОАК разбила тибетскую армию и «освободила» территорию от «империалистического» влияния иностранных держав. В результате, было подписано Соглашение из 17 пунктов, в соответствии с которым Тибету гарантировалась «районная национальная автономия», неприкосновенность политической системы, а также статуса, функций и власти Далай-ламы как духовного и светского правителя.

Тибетцы же были убеждены, что притязания КНР на их территорию беспочвенны, т.к. они очень далеко отстояли от китайцев в расовом, культурном

и географическом отношении. Более того, заняв господствующее положение в Тибете, центральное правительство перестало считаться с принятыми на себя обязательствами, начался процесс ущемления прав коренного населения, усугубившийся событиями «культурной революции» (1966-1976).

В период обострения «тибетской проблемы», неоднократно вспыхивающих антикитайских восстаний в Лхасе, правительство КНР хотело использовать Далай-ламу для умиротворения повстанцев, но его тайный отъезд в ночь на 17 марта со своим кабинетом министров и личной охраной на южный берег реки Цангпо, а далее в Индию, «уничтожил все возможности мирного разрешения конфликта». Восстания тибетцев были жестоко подавлены, а Далай-лама в 1964 г. официально был объявлен предателем. Образовав в Индии тибетское правительство в изгнании, именуемое себя Центральной тибетской администрацией (ЦТА), Далай-лама поставил цель – помогать беженцам в восстановлении свободы Тибета. Он на протяжении многих лет прилагал все возможные усилия для мирного урегулирования тибетского вопроса, вследствие чего пришел к убеждению, что для его урегулирования путем переговоров целесообразнее отказаться от требований возвращения независимого статуса и выработать политику, удовлетворяющую интересам двух сторон. В результате, им была предложена «Политика срединного пути», нацеленная на достижение подлинной автономии для коренного населения всех трех традиционных провинций Тибета в составе КНР. Она гарантирует защиту и сохранение национальной самобытности Тибету; безопасность и территориальную целостность - Китаю; безопасные границы и стабильные международные отношения - странам-соседям и третьим сторонам. Иными словами, Центральное правительство КНР должно было нести ответственность за политические аспекты международных отношений Тибета и оборону, а тибетский народ взял бы на себя управление всеми остальными аспектами жизни, такими как религия, культура, образование, экономика, здравоохранение, экология и охрана окружающей среды.

Спустя определенный период времени после предложения Тибетом перейти к политике «срединного пути», в апрельском номере (2004) «Российской газеты» было опубликовано интервью Далай-ламы, в котором ему был задан следующий вопрос: «Вы в свое время сказали, что отказываетесь от идеи независимости Тибета, и теперь говорите о необходимости его "подлинной автономии" в границах КНР. Однако вы требуете автономии не для нынешнего Тибетского автономного района (ТАР), а для "большого Тибета", который едва ли не вдвое больше ТАР и включает обширные территории, входящие сейчас административно в соседние китайские провинции. В Пекине считают, что это тот же сепаратизм, но только замаскированный...». В свою очередь, Далай-лама объяснил это тем, что китайцы до сих пор подозревают Тибет в стремлении отделиться, но на самом деле они ошибаются. И ЦТА, и население Тибета видят, что в материальном плане их территория является отсталой, поэтому нужны современные технологии, современная экономика, современное развитие. Тем

временем руководство КНР органически встраивает эту территорию в общественно-политическую структуру Китая, проводятся социально-экономические мероприятия в ТАР, начался подъем сельского хозяйства, идет распространение единых государственных стандартов в области образования и т.п.

Несмотря на столь радикальную смену взглядов Далай-ламы, сегодня правительство КНР, памятуя о непоследовательности, а порой и нелогичности заверений духовного лидера тибетцев, не идет на какие-либо явные встречные шаги и последовательно создает препятствия для любых международных контактов и визитов Далай-ламы. Нельзя оставить в стороне тот факт, что внутренние проблемы КНР порождают проблемы в дружественных ей странах. В качестве примера может послужить ситуация с российскими буддистами. Дабы не испортить дипломатические отношения с Поднебесной, начиная с 2004 г. МИД РФ отказывает в выдаче въездной визы Далай-ламе. Особо интенсивно очередного его визита в Россию добиваются представители калмыцких властей и буддистской общины, каждый раз получающие отказ, причиной которого является участие Далай-ламы в политической жизни Тибета и недоверие к нему со стороны КНР. Таким образом, все россияне, желающие встречи с главой ламаистской церкви, задаются вопросом, неужели действительно для российского правительства, управляющего поликонфессиональным государством, куда важнее сохранение дипломатических отношений с КНР, нежели интересы населения собственной

До сих пор «тибетский вопрос» остается открытым. Возможно, КНР держит ТАР в своем составе главным образом потому, что для нее гораздо безопаснее иметь границу с Индией, владея в приграничном тылу почти непроходимым для техники и войсковых подразделений горным массивом, нежели приблизить ее к внутренним областям. Отсюда следует, что тибетская проблема может быть успешно решена только в том случае, если Тибетом не будет интересоваться ни одна могущественная держава, желающая развалить китайское государство.

Зуенко И.Ю. Устройство региональной власти в КНР и проблемы российско-китайского регионального сотрудничества

Zuenko I. Local Governance System in China and problems of Sino-Russian Regional Cooperation

Современный этап российско-китайских отношений ознаменован наличием двух характеристик: с одной стороны, отношения двух стран с точки зрения стратегического партнерства являются «лучшими за всю историю»; с другой стороны, реальное экономическое и гуманитарное сотрудничество на местах остается на крайне низком уровне. Подведение промежуточных итогов Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной

Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009-2018 гг.) подтверждают этот вывод. То же можно сказать и о ключевом показателе экономического сотрудничества – объеме двухсторонних инвестиций.

Каковы причины того, что региональное сотрудничество, несмотря на позитивные установки Москвы и Пекина, «пробуксовывает»? Наряду с внутренними российскими проблемами имеет место специфика взаимодействия с китайской стороной, которая в данном случае в основном представлена органами власти. 1. Действия китайской стороны часто носят формальный характер, без наличия заинтересованности в реальном результате. 2. Особенности устройства региональной власти в КНР, непонимание специфики которой является одним из препятствий, затрудняющих развитие отношений двух стран.

Данная работа представляет собой попытку выделить ряд специфических особенностей региональной власти, имеющих значение для успеха/неудачи в сотрудничестве с российскими органами власти и управления. Практическое значение работы заключается в том, что понимание особенностей указанного рода позволит более оптимально выстроить тактику при планировании и проведении двусторонних мероприятий, а также в перспективе скорректировать стратегию развития отношений с Китаем на местном уровне.

Сформировавшаяся в течение 1980-2000-х годов система региональной власти и управления в КНР характеризуется рядом черт, являющихся специфическими при сравнении с российскими реалиями: партократический характер; наличие многоступенчатой системы административно-территориального деления; ротация руководящих кадров по партийной линии; наличие в приграничных районах административных единиц с особым статусом и преференциями, направленными на привлечение иностранного капитала и расширение объемов экспортного производства; значительная автономия местных властей в принятии решений.

Также имеют значение следующие факторы: ориентация руководящих кадров приграничных районов на достижение формальных показателей сотрудничества с иностранными партнерами; сплав интересов партийно-административной элиты и крупного бизнеса; традиционные для китайской культуры способы ведения дел, включающие обязательность личного контакта, приоритет личных договоренностей перед формальными, внимание к церемониальной стороне ведения переговоров.

В настоящий момент можно констатировать, что для российской стороны при выстраивании сотрудничества с китайскими партнерами не хватает понимания этих специфических особенностей, что приводит к следующим проблемам:

1. Наличие договоренностей с администрацией китайского района не гарантирует их реализации в случае, если они не будут согласованы с партийным руководством.

2. Сотрудничество осуществляется на уровнях административно-территориального деления, не соответствующих друг другу, что является препятствием для выстраивания стройной системы регионального сотрудничества, делает двухсторонние контакты несистемными, во многом случайными и субъективными.

3. В рамках существующей в России системы принятия властных решений многие инициативы китайской стороны обречены на провал в силу неготовности российских властей пойти на действия, противоречащие установкам общественного мнения, в целом настроенного по отношению к Китаю алармистски, а также необходимости длительного согласования с инстанциями в федеральном Центре.

4. Регулярно допускается ряд ошибок и просчетов, связанных с церемониальной стороной организации международных мероприятий (отсутствие или недостаточно привлекательный вид подарков, неправильная рассадка китайских гостей в ходе переговоров и банкетов, непонимание отдельных культурных особенностей).

На практике мы видим также, что важное значение имеет и личный фактор. Так, в период «губернаторства» в Приморском крае С. Дарькина (2001-2012 гг.) сотрудничество с северо-восточными провинциями КНР осуществлялось регулярно, в т.ч. и посредством визитов Дарькина в Хэйлунцзян и Цзилинь. В то же время отмечается тенденция, согласно которой для раннего периода его «губернаторства» более активно развивались связи с Хэйлунцзяном, а для позднего – с провинцией Цзилинь. Анализ данных показателей позволяет предположить наличие субъективного фактора, связанного с отношениями первых лиц регионов, поскольку объективных предпосылок для резкой смены вектора международной активности Приморского края не выделяется.

Нынешний губернатор Приморья В. Миклушевский, являясь ставленником Москвы и будучи, очевидно, ориентированным, прежде всего, на развитие связей с федеральным Центром, сотрудничеству с Китаем уделяет значительно меньше внимания. В первую очередь, это касается личных контактов (посредством визитов в КНР и приема китайских делегаций). Следствием является деградация трансграничного диалога, стагнация имеющихся совместных проектов и отсутствие новых, при том, что китайская сторона готова предпринимать действия, направленные на развитие сотрудничества с Россией уже и в одностороннем порядке.

При этом, следует заметить, китайская сторона также проявляет непонимание российских реалий. Во-первых, многие из вышеозначенных «ошибок», которые допускают представители органов власти и управления, характерны и для китайцев. Во-вторых, некоторые проблемы являются чисто китайскими. Например, по причине ротации руководящих кадров на высших уровнях административно-территориального деления слишком часто меняются действующие лица с китайской стороны. Так, за период «правления» в Приморье С. Дарькина провинцией Хэйлунцзян управляли по четыре различных

партийных секретаря и губернатора, а провинцией Цзилинь – по три различных партийных секретаря и губернатора. То же касается и окружного уровня. Ориентация на достижение формальных, а не фактических результатов, имитация регионального сотрудничества вместо желания разобраться в причинах неэффективности трансграничного диалога и скорректировать свои действия, является общей проблемой бюрократических систем по обе стороны границы.

Как видно, многие из описанных проблем имеют системный характер и не могут быть решены в краткосрочной перспективе. При существующих в России и Китае политических режимах крупные проекты могут быть реализованы только, если их инициатива исходит от властных инстанций и только после длительного согласования с бюрократическими структурами как на субнациональном, так и национальном уровнях. Иными словами, региональное сотрудничество России и Китая координируется чиновниками, которые действуют исключительно бюрократическими методами. Побочными эффектами этого является низкая мотивация акторов, ориентация на достижение формальных результатов, подверженность акторов ротации. Кроме того, развитие регионального сотрудничества двух стран становится заложником объективной разности устройства органов власти в двух странах, которое, по всей видимости, сохранится и в будущем. В качестве способов, способных повысить эффективность действий региональных властей, можно назвать следующие:

1. Распространить эксперимент китайских властей по привлечению в профильные подразделения народных правительств граждан России и на российские органы власти (привлекать для работы на китайском направлении граждан Китая, владеющих русским языком).
2. Внедрить практику проведения стажировок сотрудников органов власти и управления двух стран в учебных заведениях другой стороны с ознакомительными занятиями по специфике работы в органах власти и управления страны-партнера.

Гульченко В. В. Германская политика в Китае (к. XIX – н. XX вв.)

Gulchenko V. German Policy in China (end of XIX – early XX cc.)

Конец XIX - начало XX века характеризуется готовностью капиталистических держав решать проблемы экономической конкуренции непосредственной борьбой. Особое значение приобрел Дальний Восток, который стал в данный период территорией соперничества. Китай в виду своей военной и политической слабости на протяжении XIX-начала XX веков был регионом, который привлекал внимание могущественных держав. Они пытались разделить страну на «сферы влияния» с захватом военных баз и аренды различных частей его территории.

Не стала исключением и Германия: рост свободных капиталов вызвал стремление к овладению новыми рынками сырья, сбыта и размещения капиталов. Еще в 60-х годах XIX века Германия плотно задумывалась о приобретении опорного пункта в Восточной Азии. Японо-китайская война приблизила эти планы к реальности. После многочисленных и скрупулёзных исследований «претендентов» на опорный пункт, Альфред фон Тирпиц сделал выбор – Циндао. Осталось лишь дожидаться «удобного случая». «Долго ждать не пришлось: в местечке Уэн-чу на территории Шаньдуна были убиты туземцами два германских миссионера». Кайзер Германии Вильгельм II дает адмиралу Дидериксу распоряжение о подготовки флота к высадке в Циндао и направляет Николаю II письмо: «Надеюсь, ты одобришь...переход эскадры в Циндао, что бы оттуда действовать против мародеров... я обязан показать католической партии Германии, что я в состоянии защитить их». Ответ российского императора гласил: «Не могу одобрить или не одобрить твоего распоряжения направить германскую эскадру в Циндао, т.к. недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895-96».

14 ноября 1897 года эскадра адмирала фон Дидерикса прибыла в Цзяочжоу (Киао-Чао). Корабельный десант в количестве 600 человек высадился на берег и занял Циндао, не истратив ни единого патрона. Умерить германское «возмущение» по поводу убийства миссионеров смогли лишь переговоры с Пекином, в ходе которых были достигнуты некоторые соглашения. Во-первых, Циндао с прилегающими островами передавались в аренду Германии на 99 лет. Во-вторых, была оформлена концессия на право постройки железной дороги от Циндао до Цзинани, а так же оговорена эксплуатация недр в пределах десятикилометровой полосы отчуждения по трассе этой дороги. В-третьих, дано разрешение на строительство укреплений в Циндао для его защиты. В-четвертых, установление «нейтральной зоны» радиусом в 50 км, где немцы могли маневрировать своими войсками.

Одним из первых пунктов были определены условия аренды: Тирпиц рекомендовал брать земли только в необходимом количестве. При этом, земля откупалась у владельца по цене, выше реальной, а бывшие владельцы могли оставаться на ней до востребования. Создание нейтральной зоны помогло пройти германским войскам в Шаньдун для подавления беспорядков. Следствием явилось удержание господства в окрестностях.

Особенно заинтересован в Циндао был флот Германии. Ранее бухта Цзяочжоу являлась частью торгового пути, но её занесло песком. Здесь имелись рифы, что помогло в создании внутреннего рейда. Шло строительство причалов и доков. С 1898 г. здесь базировался Третий морской батальон. Через Циндао так же шла нефть с Зондских островов. К тому же, были установлены регулярные рейсы пароходов Hamburg-America Linie и Norddeutscher Lloyd с немецкими портами. Развитие пункта подкреплялось близостью шаньдунского угля и перенаселенностью провинции, что обеспечило наличие дешевых рабочих рук.

Ценности Циндао придала и законченная 1 июня 1904 г. постройка Шаньдунской железной дороги: теперь через Восточную Азию было налажено удобное сообщение между Европой и Австралией.

Но параллельно с этими преобразованиями сохранялись и старые проблемы. Лихорадка и тиф были нередкими явлениями на взморье. Германцы боролись с этим через посадку деревьев и строительство трубопровода, по которому вода из источников Лаошань стала поступать в город. Охрана окружающей среды заинтересовала китайцев. Видя это, колонизаторы организовали училища для туземцев. Результаты не заставили себя ждать: шаньдунское садоводство росло на глазах, а экспорт мяса обеспечила первая в Восточной Азии бойня современного типа.

Административная сторона так же развивалась не плохо. Изначально аренда практически не смахивала на насильственный захват, что помогло сохранить китайцам свое лицо и установить немцам доверительные отношения с местными чиновниками. Многие китайцы считали занятие этой территории Германией наградой неба.

Возвышение Циндао произошло еще и потому, что Тирпиц настоял на том, чтобы город не был отдан в ведение Колониального ведомства. Но все же МИД направило консула в Циндао следить за тем, чтобы германское влияние не распространилось на Шаньдун.

Спорных вопросов по политике в Циндао было много, но в необходимости распространения немецкого языка сомнений не было. Это была важная, но в то же время трудная задача, ведь в качестве делового языка он уступал английскому. Решением стало строительство высшей школы для распространения среди китайцев германской культуры. Действительность такого образования была подкреплена соглашением с пекинским правительством: на экзаменах в школах присутствовали китайские чиновники. Это ставило выпускников в один ряд с лицами, которые сдавали государственные экзамены. В конце XIX в. по инициативе и при поддержке правительства Германии был создан «Всеобщий школьный союз немецкого языка» (AllgemeinedeutscheSchulverein), переименованный в 1901 г. в «Союз по попечительству немецкой национальности за границей» (Verein zur Pflege des Deutschums im Ausland). До 1914 г. немецкий язык преподавали в Китае достаточно широко, ведь профессиональное образование велось в основном на немецком языке. Например, врачи из Германии преподавали в китайских медицинских институтах и даже занимали руководящие должности. Подобная политика позволила направить в Китай молодёжь, владеющую немецким языком и приобщенную к товарам из Германии.

Циндао стал наполняться германским импортом, рекламой и различными достижениями, которые вполне уживались с особенностями климата и культуры Китая. Немецкое правительство провело планировку улиц и создало план типичного баварского города, который существует и сейчас. В это время был

построен и пивоваренный завод. Немецкое влияние распространилось на всю провинцию Шаньдун, в которой возникли многие предприятия с немецким капиталом.

Немецкие империалисты вкладывали массу усилий, пытаясь сделать «кусочек своей родины» культурнее и благоустроеннее. Эти старания не прошли даром: из небольшой приморской деревушки, какой Циндао являлся в 1897 г., он вырос в значимый стратегический, политический и торговый объект. Германия пыталась создать в этом регионе колониальную империю, которая должна была обеспечить им источники сырья и рынки сбыта, а также стратегические позиции для продолжения экспансии и укрепления позиций в Восточной Азии. Но это привело к серьезному обострению противоречий с Англией, Францией, Россией, Японией и США.

Горячев Н.Н. Исторические предпосылки активизации торгово-экономических связей Перу и КНР на современном этапе

Goryachev N. Historical Prerequisites of intensifying trade and economic relations between Peru and China at the present stage

В рамках Тихоокеанского региона выделяются две исторически сложившиеся группы стран, во многом определяющих его жизнь: страны Северной и Южной Америки во главе с США и страны Азии во главе с КНР. В последнюю четверть века под влиянием интеграционных процессов, инициированных во многом благодаря созданию АТЭС, начали развиваться двусторонние контакты между отдельными странами этих групп. Одним из примеров этого является значительное расширение экономических связей между Республикой Перу и КНР.

Как известно, в системе внешнеполитических и внешнеэкономических связей Латинской Америки доминирующая роль традиционно принадлежит США. Однако активизация роли Китая, наблюдаемая с начала 2000-х годов, стала относительно новым явлением в Латиноамериканском регионе. Хотя базовый принцип политики КНР в отношении стран Латинской Америки был сформулирован ещё в 1970-е годы, наиболее активно он проявился в последние двадцать лет. Его основой стал прагматический подход к вопросам сотрудничества в экономике, независимо от идеологической и политической ориентации партнеров. Примат экономических интересов над политическими позволил Пекину в дальнейшем расширять своё влияние в регионе. На рубеже XX-XXI вв. недостаток национальных природных ресурсов для удовлетворения стремительно развивающегося промышленного сектора, а также экспортно-ориентированный характер экономики вынудили китайское правительство активизировать внешнюю политику с целью поиска новых источников импорта природных ресурсов и рынков сбыта промышленных товаров. Минеральные, энергетические и сельскохозяйственные ресурсы Латинской Америки, а также

ёмкость латиноамериканских рынков привлекли внимание Пекина, особенно в направлении стран, входящих в АТЭС. Прибегнув к принципиально иному, в отличие от США и европейских стран, подходу к развитию отношений с Латинской Америкой, в основе которого лежали экономическая взаимодополняемость и обоюдовыгодность, Китай начал постепенное расширение своего присутствия в Латинской Америке.

В этом смысле хорошим примером является Республика Перу. Хотя дипломатические отношения между двумя государствами были установлены 2 ноября 1971 года, экономическое сотрудничество между ними оставалось незначительным. На этот процесс влияло два главных фактора.

Исторически сложившаяся ориентация экономической политики Перу на США. Эта тенденция началась ещё в середине XX в. под влиянием старых и новых латифундистов, а также консервативно настроенных кругов. Этому также способствовал проамериканский уклон Американского народно-революционного альянса (АПРА, от исп. *Alianza Popular Revolucionaria Americana*, APRA), и заявление о том, что США является единственным источником технологий для Перу.

Препятствием для развития перуано-китайских отношений был кризис во внутренней политике и экономике, в который погрузилась Перу в начале 1980-х годов. Террористическая война, развязанная движением «Сендеро Луминосо», погрузила страну в хаос. Последующее правление президента А. Фухимори, длившееся 10 лет (1990-2000), хотя и было ознаменовано преобразованиями различного свойства, в том числе конституционной и экономической реформами, которыми либерально-авторитарный режим добился перевода экономики страны на более качественно высокий уровень, но не способствовало преодолению серьёзного внутривластного кризиса. Тем не менее, к началу XXI в. страна находилась в состоянии экономической стабильности, несмотря на внутренние противоречия.

Меры по стабилизации экономики совпали по времени с укреплением китайских позиций в Латинской Америке. В 1990 г. Пекин начал диалог с «Группой Рио», присоединился к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, в 1991 г. получил статус наблюдателя при Межамериканском банке развития, в 1993 г. подал заявление о приеме в эту организацию. В том же году КНР получила статус наблюдателя при Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ECLAC / CEPAL), а год спустя стала первой азиатской страной, обретшей такой статус при Латиноамериканской ассоциации интеграции (LAIA / ALADI). Результатом этих усилий стало увеличение товарооборота между КНР и Перу в период 1990-2000 гг. между КНР и Перу в 9,8 раз (с 74,6 млн. долл. США до 731,5 млн.).

После разрешения внутривластного кризиса, в Перу был разработан стратегический план развития внешней торговли (PENX), включавший в себя, помимо всего прочего, меры по достижению соглашений о свободной торговле

и стратегическому партнерству. В этой связи в Перу начался процесс сближения с Азией, и главным образом с Китаем. Произошедшее увеличение товарооборота, интерес перуанского правительства к достижениям Китая в области технологий, а также стремление Перу привлечь китайские инвестиции, стимулировали процесс изучения опыта взаимодействия КНР и других стран региона, в частности Мексики. После изучения потенциальных возможностей и путей сближения, был начат процесс официальных переговоров. Официальное предложение о заключении соглашения о свободной торговле между двумя странами прозвучало в рамках работы саммита АТЭС 2006 г. в Ханое. После проведения нескольких этапов переговоров, в 2009 г. в Пекине было заключено соглашение о свободной торговле между КНР и Перу. Это увеличило товарооборот почти на 50% за один год. Если в 2002 г. объём перуанского импорта и экспорта в торговле с Китаем составлял 260,49 млн. и 599 млн. долл. США, то в 2009 объёмы составляли уже 3458,49 млн. и 4098,4 млн. долл. соответственно, практически сравнявшись с показателями торговли Перу и США. В итоге по показателям импорта и экспорта Перу стала вторым по величине импортером КНР и третьим по величине экспортером среди государств Латинской Америки и Карибского бассейна.

В сфере инвестиций также произошли изменения, хотя и не столь впечатляющие, как в случае с торговлей. Перуанская сторона, будучи заинтересованной в прямых инвестициях (испытывая инвестиционный голод и стремясь увеличить их долю в ВВП до 27%), проводила интенсивную приватизацию государственной собственности и другие меры, стимулирующие приток иностранных инвестиций. Несмотря на то, что главными инвесторами являются Испания и США, КНР активно наращивает прямые инвестиции. В 1990-2009 годах Китай вложил в Перу 2262 млн. долл. США, а инвестиции, а на 2011 г. запланировал довести их объём до 8640 млн. долл.

Данный пример показывает, что двустороннее взаимовыгодное сотрудничество может быть эффективным даже несмотря на удалённость стран друг от друга и качественную разницу в состоянии их экономик. Главным фактором этого является взаимная заинтересованность в нём обеих стран, а также желание Перу снизить экономическую зависимость от США. Успешный опыт торгово-экономического сотрудничества Перу и КНР может быть использован и другими странами региона, например Россией.

Феденева М.С. Идея корейской Конфедерации как фактор напряженности в советско-северокорейских отношениях 1958-1960 гг.

Fedeneva M. *The idea of Korean Confederation as the factor of constraint in Soviet-North Korean relations in 1958-1960*

В последние десятилетия наблюдается рост интереса исследователей к проблемам построения грамотной, взвешенной политики в отношении КНДР.

Важно знать и учитывать как позитивный, так и негативный опыт взаимоотношения государств. Изучение трудностей советско-северокорейских связей, а также знание исторической специфики взаимоотношений может помочь сгладить «острые углы», достичь высокого взаимопонимания, учесть интересы обеих сторон при взаимодействии государств в наши дни.

Советско-северокорейские отношения начали портиться с середины 1950-х г. Причин разлада исследователи называют несколько. Во-первых, идеологические расхождения по вопросам международного развития и проблеме развенчания культа личности. Во-вторых, трудности экономических взаимоотношений: потребительское отношение КНДР к СССР, постоянные просьбы об отсрочках кредитов, просрочки и невыполнения поставок товаров по договорам со стороны КНДР [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 81, Д. 7, Л 86, 154, 118, 156]. В-третьих, политические амбиции Ким Ир Сена, стремящегося нивелировать влияние «большого брата» на собственную политику. В период 1958-1960 гг. одним из факторов напряженности в советско-северокорейских отношениях являлось разногласие по поводу создания корейской Конфедерации.

Впервые в официальных заявлениях идея корейской Конфедерации прозвучала 15 августа 1960 г. в речи Ким Ир Сена. Советский Союз поддержал данное предложение, однако оставалось не совсем ясно, какое отношение он имел к выработке этой инициативы. В исследовании Б. Шалонтая есть сведения о том, что предложить установить Конфедерацию Севера и Юга Ким Ир Сenu посоветовал Н.С. Хрущев в 1960 г. В процессе исследования был выявлен ряд документов, подтверждающих не только причастность Советского Союза к идее создания корейской Конфедерации, но и его инициативу в этом вопросе.

Первые документы, свидетельствующие о попытках СССР показать, что на Корейском полуострове фактически сложилось два корейских государства и убедить мировое сообщество в необходимости их сближения относятся к 1959 г. [АВПРФ Ф. 0102 Оп. 19, П. 32, Д 15, Л. 3]. В краткой секретной справке по КНДР от 4 февраля 1959 г., подготовленной М.В. Зимяниным, было предложено «выступить в удобное время с предложением о создании Конфедерации двух корейских государств». В записке отмечалось, что подобные вопросы должны быть «тщательным образом обсуждены с корейскими и китайскими товарищами» [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 83, Д. 33, Л 6]. В беседе, состоявшейся 27 апреля 1959 г. между министром иностранных дел КНДР Нам Иром и советским послом А.М. Пузановым, последний отмечал: «Почему бы по примеру ГДР не выступить с предложением о создании Всекорейского комитета или комиссии, или под другим названием органа, который бы постепенно подготавливал условия для объединения страны» [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 81, Д. 7, Л. 81].

К осени 1959 г. предложения по сближению двух корейских государств дополнились существенным предложением со стороны СССР – об одновременном вступлении двух Корей в ООН [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 82, Д. 14, Л 5].

Безусловно, корейский вопрос являлся острой международной проблемой. Однако на тот момент Советский Союз был более озабочен проблемами Восточной Европы, поэтому был заинтересован в минимальном отвлечении своих ресурсов на Дальний Восток, а также в осуществлении на своих восточных рубежах политики мирного сосуществования. Кроме того, интерес нашей страны в установлении каких-либо контактов с Республикой Корея диктовался совершенной неосведомленностью советского правительства о внутреннем положении на Юге, обеспокоенностью по поводу строительства в Южной Корее площадок для запуска ракет и другими мероприятиями военного характера [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 83, Д. 33, Л. 6].

Северная Корея с большой осторожностью подходила к советским предложениям относительно нового формата решения корейского вопроса и создания корейской Конфедерации. В одной из своих аналитических записок М.В. Замянин указывал, что «корейские друзья признать факта существования двух корейских государств на полуострове не желают» [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 83, Д. 33, Л. 92]. КНДР замалчивала в своей прессе любые упоминания советских официальных лиц по этому поводу [АВПРФ Ф. 0102 Оп. 19, П. 32, Д. 15, Л. 3]. Также она отказалась вносить какие-либо новые предложения по корейскому вопросу на 14 сессию Генеральной Ассамблеи ООН, несмотря на рекомендации СССР [АВПРФ, Ф. 0102, Оп. 15, П. 82, Д. 14].

Объясняется подобная настороженность КНДР, по-видимому, тем, что позиция, согласно которой Трудовая Партия Кореи (далее ТПК) является единственным легитимным представителем народа, уже давно укоренилась в северокорейской пропаганде. Отказаться от этого убеждения и признать правительство Ли Сын Мана со стороны ТПК означало бы не только закрепление фактического раскола страны, но и признание собственной несостоятельности в решении одной из самых важных государственных проблем - объединения корейской нации.

Ситуация вокруг корейского вопроса изменилась лишь в 1960 г. На смену правительству Ли Сын Мана путем переворота пришло демократическое правительство; отношение к нему КНДР было благосклонным. Признать такую власть уже не значило пойти на компромисс с капиталистами. Именно демократическому правительству, в надежде на скорейшее решение вопроса объединения, и было предложено создать Конфедерацию. Однако и здесь КНДР сохранила свою принципиальность по поводу единства страны. Формула Конфедерации была следующей: одно государство и два правительства. Однако этой идее не дано было осуществиться - демократы Юга отказались идти на контакт и поддерживать любые формы сотрудничества с КНДР.

Итак, несмотря на то, что официально идея корейской Конфедерации была выдвинута в 1960 г. Ким Ир Сенем, достоверно известно, что зародилась она, как минимум, в 1958 г., и не в КНДР, а в коридорах советского дипломатического корпуса. Целью советской стороны была стабилизация обстановки на Корейском полуострове, а также установление разнородных

контактов между Севером и Югом для максимально возможного наблюдения и контроля за сложной и тревожной обстановкой в Южной Корее. Здесь же необходимо отметить, что подобный план действий вполне вписывался в концепцию политики мирного сосуществования и отвечал интересам внешней политики СССР на Дальнем Востоке того периода. Идея Конфедерации, как союза двух независимых государств, была фактически связана с вопросом признания де-факто Республики Корея. Такой подход противоречил логике и позиции КНДР в отношении своего соседа и процесса объединения. Таким образом, в период 1958-1960 гг. мы можем констатировать наличие серьезных противоречий между СССР и КНДР по корейскому вопросу.

Лобов Р.Н. Внешнеполитическая линия Сеула в отношении Токио: роль внутривосточных факторов

Lobov R. Seoul's foreign policy towards Tokyo: role of domestic issues

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией на современном этапе можно определить как взаимоотношения "заключенных друзей". С одной стороны, между Сеулом и Токио налажены довольно тесные экономические и культурные связи, связи между научными, политическими и экспертными кругами. Тем не менее, когда речь заходит о проблемах двустороннего политического диалога, то на авансцену выходят вопросы, явно или неявно осложняющие повестку дня. Наиболее значимыми камнями преткновения в отношениях двух стран являются, с одной стороны, проблема, связанная с вопросами исторической памяти и восприятия истории недавнего прошлого, с другой стороны, - территориальный спор вокруг скал Лианкур, именуемых в РК и КНДР «островами Токто». Вышеуказанные противоречия между Сеулом и Токио могут служить в качестве «лакмусовой бумажки», определяющей состояние двусторонних взаимоотношений на настоящем этапе. Если южнокорейское руководство заинтересовано в укреплении связей с Японией, то в официальном дискурсе РК данные вопросы стараются либо переместить на задний план, либо не поминать вовсе при любой возможности. Яркий пример – политика Ли Менбака в отношении Японии. Доктрина Ли Менбака в немалой степени основывалась на приоритете развития теснейших связей с Японией, для чего требовалось оттеснить существующие противоречия во взаимоотношениях между двумя странами на задний план, возвращаясь, в частности, к принципам «тихой дипломатии» Сеула о территориальной проблеме вокруг островов Токто. Однако, усилия Ли Менбака были фактически перечеркнуты кризисом, разразившимся в августе 2012 г., после визита на Токто. С тех пор взаимоотношения между РК и Японией претерпели заметное похолодание. Новый президент РК Пак Кынхе, победившая на выборах 19 декабря 2012 г. и принявшая всю полноту власти в стране 25 февраля 2013 г., не раз заявляла о том, что главным условием урегулирования политического диалога между

двумя странами является принятие Японией «правильного взгляда» на историю двусторонних отношений. Однако в Японии рекомендациям новоизбранного президента Республики Корея следовать не спешат. Во-первых, премьер-министром Японии в декабре 2012 г. стал Абэ Синдзо, имеющий репутацию политика, стоящего на консервативных началах. Во-вторых, в настоящее время в Японии весьма распространены суждения о том, что Япония полностью искупила свою вину перед странами, явившимися объектом экспансионистской политики в XX в., а, следовательно, претензии Сеула являются ничтожными. Более того, Япония начала проводить куда более активную политику в Восточной Азии, проявляя принципиальность и настойчивость в одном из ключевых для Токио вопросов – проблеме территориальных споров. Кроме того, Япония стала проявлять большую активность и на северокорейском направлении, что, надо признать, немало раздражает Сеул, считающий, в силу некоторых причин, пхеньянское направление монопольным для себя.

Тем не менее, южнокорейская политическая элита отвечает взаимностью. Красноречиво то обстоятельство, что за год, прошедший с момента инаугурации, Пак Кынхе так и не посетила Токио, ограничившись кратковременными беседами с С. Абэ на площадках международных форумов (например, на полях саммита «Большой двадцатки» в Санкт-Петербурге). Посещение храма Ясукуни делегацией депутатов парламента Японии в апреле 2013 г. стало поводом для отмены встречи министров МИД РК и Японии. Более того, прецедент, когда южнокорейское военное ведомство запросило помощь у Японии в виде боеприпасов (в ходе миротворческой операции в Южном Судане), вызвало серьезный внутривластный скандал в самой Южной Корее.

В этой связи, для более адекватного понимания причин сложившегося порядка вещей, представляется необходимым рассмотреть влияние внутривластных факторов на формирование внешнеполитической парадигмы РК на современном этапе. И это при том, что никаких естественных водоразделов между внутренней и внешней политикой, строго говоря, не существует. Более того, в современном глобализирующемся мире стираются символические границы не то, что между внутренней и внешней политикой, но даже имеет место размывание государственного суверенитета как такового. Тем более, когда мы ведем речь о государствах Восточной Азии, где внешняя политика была поставлена на службу внутренней: как для того, чтобы государствам региона получить доступ к ресурсам для модернизации собственных экономик, так и для того, чтобы данным государствам элементарно «не мешали» проводить социально-экономическую модернизацию. Ярким примером такого государства является Республика Корея.

Следует учитывать, что одним из основополагающих элементов политической идеологии РК в течение всей ее современной (после 1945 г.) политической истории остается национализм, который зиждется на нескольких основаниях. Во-первых, это стремление к построению сильного, процветающего

и уважаемого на международной арене государства. Во-вторых, это стойкое неприятие любых попыток вмешательства в ее внутренние дела, неприятие любых поползновений к нарушению государственного суверенитета страны. В-третьих, недоверие к Японии как к государству, которое в разные периоды истории Кореи неоднократно стремилось к нарушению упомянутого суверенитета. Более того, официально период японской аннексии подается в весьма мрачных тонах, хотя, естественно, все далеко не так однозначно. Духом национализма пропитано практически все южнокорейское общество. И антияпонская направленность корейского национализма как раз и проявляется тогда, когда взаимоотношения между двумя странами обострены до предела. Учитывая, что РК являет собой страну с вполне развитыми демократическими механизмами и публичной политикой (со всеми вытекающими отсюда последствиями), вполне естественно, что время от времени определенные политические силы переходят к антияпонской риторике. Этим не брезгают как представители маргинальных политических течений, так и политики, представляющие три основных партии Южной Кореи (по состоянию на февраль 2014 г. – «Сэнури» (правящая, праволиберальная), «Демократическая партия» (основная оппозиционная партия страны, леволиберальная), а также «Объединенная прогрессивная партия». Не лишним было бы заметить, что антияпонская риторика используется преимущественно для внутреннего употребления.

При анализе системы принятия внешнеполитических решений в РК становится очевидным, что ключевое влияние на внешнюю политику страны оказывает ее президент, обладающий достаточно широкими полномочиями. Именно президент страны утверждает внешнеполитическую доктрину страны, а также формирует основную повестку дня для южнокорейской внешней политики. Однако, существуют некоторые нюансы. Во-первых, продолжительность президентской каденции ограничена пятью годами и одним президентским сроком. Во-вторых, любой политический шаг президента может быть подвергнут дискуссии со стороны депутатов от иных политических фракций в Национальном собрании РК. В конечном итоге, под вопрос ставится преемственность политического курса (учитывая роль фракций в политической жизни РК). Кроме того, немалую роль в данном случае будет играть картина мира, сложившаяся в сознании президента и его окружения.

Влияние внутриполитических факторов на формирование внешнеполитической линии РК не стоит сбрасывать со счетов. Её политическая система, в недрах которой и формируются подходы, в том числе, к японскому вектору внешней политики страны, существует не в вакууме, а, напротив, активно взаимодействует с внешней средой, в частности, с южнокорейским обществом. В то же время, в этом обществе бытует целый комплекс определенных внешнеполитических представлений, которые, с одной стороны, являются как отражением исторической памяти корейцев, так и результатом целенаправленной государственной политики.

Юрышев А. В. Роль провинции Ачех во внутренней и внешней политике
Индонезии

Yurishhev A. Aceh' role in the internal and external policy of Indonesia

АТР уже в течение долгого времени выступает в качестве наиболее динамично развивающейся, экономически и политически активной части мира. Создание и поддержание многосторонних организаций и договоров, вовлечение государств региона в процесс международной интеграции, наращивание торговых и прочих связей являются одними из наиболее приоритетных задач внешней политики мировых держав. Особый интерес представляет его азиатская часть – тенденции устойчивого и быстрого роста экономики, темпы социальных и политических изменений служат источником как дальнейшего развития региона в целом, так и многочисленных конфликтов и кризисных явлений, оказывающих влияние на мировую экономику и современную систему международных отношений.

Индонезия представляет собой одно из крупнейших государств региона и экономически наиболее сильное государство ЮВА. 4-я страна в мире по количеству населения (около 250 млн. чел, причем почти 90% которого составляют мусульмане – 1-е место в мире), с объемом ВВП 1,125 трлн. долларов США (16 место в мире за 2011 год), Индонезия относится к группе наиболее быстро развивающихся государств мира. Во время мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. экономика Индонезии практически не пострадала – показатели незначительно снизились и быстро восстановились до прежнего уровня. Обладая значительной экономической мощностью и большими перспективами ее дальнейшего роста, а также политическим влиянием в регионе, Индонезия является одним из несомненных лидеров современной Азии.

Как и у большинства азиатских государств, в силу своей истории и динамики развития Индонезия имеет немало проблем. Политическая стабильность в стране в известной мере восстановилась со времени падения «нового режима» Сухарто в 1998 г., хотя до 2005 г. она фактически попадала под определение «failedstate» – «неудавшееся государство», поскольку в этот период времени власти Индонезии не могли обеспечить безопасность ее населению, имели место массовые убийства и террор по религиозному и этническому признакам, внутренние конфликты. Сейчас немалую проблему представляет собой бедность (около 36 млн индонезийцев проживают за чертой бедности) и безработица (почти 10 млн безработных), присущие молодым и не только азиатским государствам недостатки системы управления (высокий уровень коррупции, клановость элит, низкий уровень политической культуры), а также рост радикальных исламистских настроений, выливающийся в массовые беспорядки и обострение политической борьбы, ведущейся непарламентскими методами.

Одним из вопросов внутренней политики Индонезии со времен ее освобождения от колониальной зависимости является расположенная на севере острова Суматра провинция Ачех и исторически обусловленные сепаратистские настроения ее населения. На территории этой провинции в 1591 г. появилось одно из первых исламских государств в Малайском архипелаге – султанат Ачех, в течение долгого времени являвшийся доминирующей силой в малайском мире. Во время голландского завоевания султанат утратил независимость последним из малайских государств – в 1873 г., что также питало идею ачехцев об их праве на самостоятельное государство. Кроме того, самоидентификация жителей Ачеха отличается от общеиндонезийской по этническому и религиозному признакам: на основе анализа ачехского языка имеются основания считать, что в отличие от других малайских народов ачехцы состоят в родстве с мон-кхмерами. Что касается религии, то ислам (более 97% населения являются суннитами) представляет собой неотъемлемую часть ачехской идентичности, но синкретичности и терпимости к другим монотеистическим религиям, прописанных в официальной идеологии Индонезии (принципы «панча сила»), в ачехской религиозной культуре нет. В целом ачехцы придерживаются более консервативных взглядов, чем прочее население Индонезии.

Открытие на территории Ачеха залежей полезных ископаемых (в основном природного газа) и их дальнейшая разработка также привела к обострению сепаратистских тенденций ввиду того, что изначально вся прибыль от продаж уходила в центральный бюджет и иностранным компаниям, и даже работников набирали в других провинциях, объясняя это недостаточной квалификацией ачехцев.

Все эти факторы привели к тому, что практически сразу после войны за независимость с Голландией в Ачехе началось движение за отделение от Индонезии. В 1951 г. отмена существовавшей до этого автономии Ачеха привела к мятежу, а в 1976 г. было создано «Движение за Свободный Ачех» (ДСА), которое с переменным успехом боролось за независимость от Индонезии. В 1999 г. после смены режима Сухарто ДСА особенно активизировались. В 1999, 2004 и 2006 гг. были приняты законы, постепенно расширявшие автономию Ачеха: согласно закону №11 от 2006 г., правительство особого автономного района Ачех обладает полной компетенцией в сфере государственного управления, за исключением некоторых областей (оборона и безопасность, юстиция, внешняя политика и т. п.), которые оставались в компетенции центрального правительства. Также закон предписывает обязательность соблюдения шариата для всех мусульман провинции, а шариатские суды, чьи полномочия в остальной Индонезии ограничены вопросами брака и наследования имущества, получили возможность рассматривать дела, относящиеся к уголовному, гражданскому и семейному праву. Кроме того, установлен порядок распределения прибыли от добычи полезных ископаемых: местное правительство получает 15% от добычи нефти и

30% от газа и вместе с центральным правительством подписывает договоры о разведке и добыче с иностранными компаниями.

В настоящий момент главная проблема, связанная с провинцией Ачех – это постоянное усиление исламского радикализма. Хотя такая тенденция имеется и в остальных районах Индонезии, Ачех в силу специфики своего исторического развития и современных условий (социальные и экономические проблемы, ущерб от землетрясения 2004 г.) является одним из эпицентров этого радикализма. Руководство провинции поддерживает идею превалирования исламского права над светским: так, с 60-х гг. постоянно принимаются законопроекты, закрепляющие административную и уголовную ответственность за несоблюдение норм шариата – супружеская неверность, внебрачные отношения, гомосексуализм, публичные объятия, запрещено производство и продажа спиртных напитков, а также созданы специальные отряды «Вилаятул Хисбах», призванные следить за соблюдением законов шариата. Наряду с происходящими событиями в остальных частях Индонезии (заккрытие церквей и запрет на христианские религиозные праздники, теракты, беспорядки на религиозной почве), подобное усиление консервативных исламистских тенденций в обществе, сопровождающееся вспышками насилия и дискриминационными действиями по отношению к немусульманскому населению (в том числе и к иностранцам-туристам) способствует дестабилизации обстановки в стране, а также в частности служит источником противоречий между ориентированным на построение светского государства центральным правительством и местными властями.

Кроме того, эти кризисные явления вредят имиджу Индонезии на международной арене. Несмотря на то, что связь исламистских группировок Ачеха и международных террористических организаций не доказана, деятельность террористов в стране и регионе (со времен борьбы ДСА ачехские экстремисты причастны к морскому пиратству) беспокоит как другие государства ЮВА, так и США. С учетом практики вмешательства в случае террористической опасности и последних тенденций к расширению масштабов гуманитарных интервенций (операция в Ливии), активность экстремистов может привести к серьезным последствиям для всей Индонезии.

Роль Дальнего Востока России в контексте исторического развития страны

Авилов Р.С. Подготовка инженерных частей гарнизона Владивостокской крепости перед Первой мировой войной (1910–1914 гг.)

Avilov R. The education of engineer forces of Vladivostok Fortress's garrison before the World War I (1910–1914)

В последнее время в отечественной исторической науке существенно возрос интерес к Первой мировой войне. В то же время, основное внимание по-прежнему уделяется анализу причин войны, внешнеполитических процессов и хода боевых действий. Но для того чтобы лучше понять причины и ход боевых действий нужно самое серьезное внимание уделить изучению боевой подготовки войск в предвоенное время. Однако именно эта тема постоянно отходит в исследованиях на второй план. Особый интерес в этой связи вызывает подготовка инженерных частей, как наиболее сложная и требующая постоянного руководства и контроля со стороны командования. Гарнизон Владивостокской крепости в данном случае можно рассматривать как своего рода модель для изучения процесса обучения инженерных частей во всей российской армии. Это тем более оправдано, что с началом Первой мировой войны все эти части были отправлены на театр военных действий.

После проведенной в 1910 г. общероссийской военной реформы состав инженерных частей владивостокского гарнизона практически не менялся. По официальным данным на 1 сентября 1914 г. в него входили: Владивостокская крепостная саперная бригада в составе Владивостокских крепостных: саперного и минного батальонов, военно-телеграфной роты, военно-голубиной станции 1-го разряда и местной станции искрового телеграфа, а также 6-й Сибирский саперный батальон (1-я–3-я саперные роты, 4-я и 5-я телеграфные роты), находившийся в составе 4-го Сибирского армейского корпуса.

Обучению указанных частей уделялось огромное внимание не только комендантом Владивостокской крепости, но и Командующим войсками Приамурского военного округа в 1910–1914 гг. генерал-лейтенантом П.А. Лечицким, который неоднократно лично инспектировал гарнизон крепости. По итогам каждого такого визита им отдавались «не подлежащие оглашению» приказы по войскам округа с тщательным разбором увиденных им недостатков и рекомендациями по их устранению. Анализ этих приказов, а также отчетов Инспектора полевых инженерных войск Приамурского военного округа, показывает следующее.

Наихудшим образом ситуация обстояла с обучением телеграфистов. При инспекционной проверке Владивостокской крепостной телеграфной роты в 1912 г. обнаружилось, что упражнения по передаче телеграмм там проводились «по печатным депешам». Это давало самые плачевные результаты, поскольку после

такого обучения телеграфисты разбирали четко написанные от руки депеши или с большим трудом, или не разбирали вообще, а соответственно, и не могли их передать. Между тем, было очевидно, что, в военное время «для передачи будут поступать не печатные депеши, а исключительно писанные, притом часто карандашом, а не чернилами, прямо с седла, а не каллиграфические».

Несмотря на постоянное внимание командования округа, Инспектор инженерной части Приамурского военного округа генерал-лейтенант Н.П. Червинов в 1914 г. с ужасом констатировал, что проверка умений и навыков телеграфистов в телеграфной роте 6-го Сибирского саперного батальона показала, что телеграфисты 1-го разряда передали телеграмму с малой скоростью, всего около 2,5 слов в минуту и при том с ошибками, без обратной проверки и выдачи квитанции, а телеграфисты 2-го разряда передали телеграмму не полностью и без полной обратной проверки, т.е. телеграфисты были не только слабо подготовлены, но и не знали элементарных правил передачи телеграфной корреспонденции.

Не лишена была недостатков и подготовка саперов. Так, произведенная 28 июля 1911 г. проверка полевых занятий Владивостокского крепостного саперного батальона показала, что учебный редут, которому было придано «значение образца сомкнутого укрепления, по которому нижние чины должны изучать разные части его» был не только спроектирован с ошибками («наружный ров мелкий и узкий, дающий возможность через него свободно перескочить с винтовкой в полном снаряжении»), но еще и неправильно применен к местности! Ради приближения редута к лагерю батальона, дабы не тратить лишнего времени на ходьбу от лагеря к редуту и обратно, его расположили на склоне сопки, обращенном к неприятелю, обеспечив последнему возможность свободного обстрела всего внутреннего пространства укрепления. В боевых условиях, такое «образцовое» укрепление практически сразу стало бы коллективной могилой войск, его оборонявших.

В 1914 г. inspectирующий эту же часть генерал прибыл в то время, когда во 2-й роте велись занятия по изучению на модели устройства долговременного форта. Когда было отдано приказание продолжить остановленное обучение, к изумлению Н.П. Червинова, 3 взводных унтер-офицера принялись обучать на одной модели одновременно около пятидесяти нижних чинов! Указанное безобразие было приказано немедленно прекратить, так как такой способ ведения занятий «у одной модели 4-мя взводами и безуспешен, и недопустим».

Серьезные проблемы были и с формированием в ротах так называемых команд специалистов: плотничной, кузнецов-слесарей, минеров, железнодорожной и др. Ротные командиры умудрялись не всегда точно знать штатный состав своих команд и небрежно относились к их формированию. В 1911 г. в том же 6-м Сибирском саперном батальоне в 1-й роте в плотничной команде оказались не те, кто был знаком с близкими к плотничному ремеслам (столяры, бондари, токари, пильщики), а представители других профессий. Хотя очевидно, что нижним чинам этих специальностей легче обучиться

плотничному делу, чем кузнецу, слесарю или меднику. Для последних плотничное дело являлось совершенно чуждым, и заниматься им по окончании службы они бы не стали, но числились в запасе плотниками и с отметкою о знании этого дела были бы призваны в случае начала войны из запаса. При этом во 2-й роте плотники, столяры и бондари были зачислены в команду кузнецов-слесарей, хотя во всех ротах нижних чинов знающих подходящую специальность было очень много. Стандартной ошибкой, в очередной раз замеченной в этом же батальоне в 1914 г., было назначение в команды минеров рослых нижних чинов, которые из-за высокого роста при переходе к практическим занятиям просто не могли нормально работать в подземных минных галереях. Низкорослых нижних чинов проверяющий в этом году обнаружил... в команде плотников, где ученики оказались «все низкорослые, в противоположность нижним чинам команды минер, хотя последние никакого соответственного плотничному делу ремесла не знают и поэтому беспрепятственно могли быть назначены в команду минер».

Любопытную информацию о степени достоверности сведений, приведенных в отчетах об инспекционных осмотрах частей Владивостокской крепости, дают данные инспекционной проверки в 1911 г. Владивостокской военно-голубиной станции. Предназначена она была для поддержания, посредством военно-голубиной почты, связи с внешним миром при полной блокаде крепости. В целом станция содержалась чисто, корм для птиц был отличный: гаолян, рис и конопляное семя. В присутствии Н.П. Червинова выпустили в г. Никольск-Уссурийский 84 голубя, которые, как гласил отчет, «благополучно все прилетели через 50 минут, о чем мною была получена телеграмма». И это при том, что присылка новых голубей для «освежения крови» не производилась с 1904 г. Получается, что скорость Владивостокского почтового голубя была равна примерно 120 км/ч, в то время как средняя скорость военно-почтового голубя составляла 40–60 верст в час, т.е. 42,7–64 км/ч. Впрочем, были и рекорды – 800 км за 8 часов, но не в России. Невольно закрадывается вопрос: как же во Владивостокской крепости этих голубей тренировали, если они спокойно обгоняли аэропланы той эпохи? Или генерала просто надули, сдублировав соответствующее сообщение в Никольск-Уссурийский по телеграфу?!

Исследование процесса обучения инженерных частей гарнизона Владивостокской крепости наглядно показывает ряд проблем, характерных для российской армии в целом. Низкий уровень грамотности призывного контингента заметно снижал качество обучения нижних чинов в специальных командах. Недостаточное внимание низшего офицерского состава к формированию команд специалистов, приводило к несоответствию у нижних чинов специальностей гражданской и военной, следствием чего были: невозможность в полной мере использовать уже имевшиеся у них знания, низкое качество обучения и быстрое забывание военной специальности после перечисления в запас. Слабый уровень подготовки телеграфистов, был вызван

как их низким образовательным уровнем, так и не всегда правильной постановкой обучения в частях. В итоге, рядовой состав, не знакомый с телеграфным делом до призыва на военную службу, практически никогда не удавалось доучить до уровня телеграфистов 1-го и 2-го разряда, хотя они и числились таковыми по документам. Командование крепости и округа прилагало для ликвидации всех замеченных упущений и недостатков в обучении войск огромные усилия, которые во многом были успешными, однако не могли решить нескольких коренных проблем российской армии.

Крутоус И.В. Помощь населения Приморской области армии и пострадавшим от военных действий в годы Первой мировой войны (по материалам печати)

Krutous I. Assistance of Primorsky region population to the army and victims of military action in the First World War (based on press)

Начало Первой мировой войны в 1914 г. вызвало резкий рост патриотических настроений среди населения Российской империи. Желание помочь фронту, а так же семьям воинов испытывали и жители юга российского Дальнего Востока.

Население Приморской области, несмотря на огромную отдаленность от фронта, оказывало посильную поддержку стране во время Первой мировой войны. В первую очередь речь идет о помощи раненым, беженцам и семьям воинов, ушедших на войну. Любая деятельность в этом направлении находила отражение в местной прессе. На страницах газет и журналов на начальных этапах войны развернулось обсуждение отдельных вопросов помощи фронту и пострадавшему населению. Многие организационные вопросы, касавшиеся благотворительной деятельности, поднимались в письмах читателей, в комментариях редакций. В данной работе на основе анализа местной прессы («Владивостокских епархиальных ведомостей», «Восток», «Войну-Сибиряку»), издававшейся во время Первой мировой войны, описана помощь раненым и семьям воинов в Приморской области.

Первые недели войны вызвали всплеск патриотизма среди населения Приморской области. Во многих государственных структурах, различных светских и духовных учреждениях население вело себя патриотично, показывало готовность к жертве, к справедливости и состраданию. Сбор пожертвований начался в первый месяц войны, и организовывался светской и духовной властью. Первые два месяца пожертвования, собираемые среди различных слоев населения, не находили применения и просто накапливались. В сентябре 1914 г., во «Владивостокских епархиальных ведомостях», было помещено предписание Владивостокской духовной консистории всем настоятелям церквей и монастырей организовать сбор пожертвований (примечательно, что от сбора пожертвований официально были освобождены церкви коренных жителей Камчатки и корейские церкви). Предполагалось, что

собранные деньги будут переданы в консисторию 1 января 1915 г. И только через месяц, в конце октября 1914 года духовной консисторией было издано указание, предписывающее часть пожертвований собранных церквями перечислять в пользу Воинского благотворительного общества белого креста.

В сентябре-октябре 1914 г. повсеместно стали создаваться различные общества призрения и помощи семьям мобилизованных воинов. Где-то, как например, в селе Раковка, общества создавались под руководством церковных властей, а где-то решения о создании обществ принимались населением на городских и сельских сходах населения. Во Владивостоке Комитет сбора пожертвований был создан 5 сентября 1914 г. городскими властями.

Различными были формы помощи семьям призванным на службу воинов. Помимо помощи рублем, поддерживали нуждающиеся семьи пищей и товарами первой необходимости. Оказывалась поддержка жильем. Восточное лесопромышленное общество предоставило семьям своих работников, призванных в армию, общую квартиру с отоплением и освещением. Одним из видов помощи была организация оплачиваемых работ для жен запасных. Так при Владивостокском кафедральном соборе женам запасных за каждые сшитые кальсоны платили 10 коп., за каждую рубаху 25 коп. из церковных денег. Организовывались оплачиваемые работы и для беженцев.

Различными были способы сбора средств. Естественно, наиболее распространенными были добровольные денежные пожертвования, но некоторые общества придумывали и другие способы. Например, 14 сентября 1914 г. в с. Полтавка добровольным обществом помощи была организована лотерея, в которой главными призами были бык, коза и баран из личных подворий сельчан. Для участия в лотерее были приглашены жители китайского города Сан-ча-го. Прибыль от лотереи, составившая сто рублей, была передана в местный комитет помощи семьям запасных.

В отдельных населенных пунктах проводились театральные постановки и выступления артистов, доход от которых передавали на нужды семей воинов. Организовывались женские кружки, шившие белье раненым и солдатским семьям. Собирались по дворам чай и табак для посылки на фронт.

Проводился сбор денег по подписным листам среди рабочих и служащих. Представители отдельных профессий организовывали свои общества помощи. Спустя месяц после начала войны в неофициальной части «Владивостокских епархиальных ведомостей» (№ 16, 15(29) авг. 1914) было опубликовано письмо учителя В. Шапиловского, в котором автор призывал коллег «отчислять из своего, хоть и скудного, содержания» 1% на военные нужды. После письма было помещено примечание редакции, призывающее духовенство епархии по примеру учителей отчислять часть своего ежемесячного содержания. Даже чистильщики сапог вносили свою лепту, ими были организованы дни, в которые все заработанные ими деньги передавались на нужды раненых. Во Владивостоке дважды устраивались «Дни печати», когда общественные объединения издавали

газеты, доход от продажи которых предавали в комитет призрения. Выходили однодневные газеты «Воину-Сибиряку» и «Артист - солдату».

Имели место и частные пожертвования богатых граждан. Так управляющий лесными концессиями Уссурийского края Я.П. Мак-Ларин передал местному священнику сто рублей для семей воинов.

Наиболее затратной формой помощи было создание госпиталей и лазаретов для раненых. Еще осенью 1914 г. Приамурским комитетом по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям, на пожертвования и общественные деньги, были организованны два медицинских центра: Приамурский этапный лазарет, на создание которого ушло 14 тыс. руб., ежемесячное содержание которого обходилось в 4350 руб. и Приамурский передовой отряд, отправленный оказывать медицинскую помощь непосредственно на фронте. Оборудование последнего отряда обошлось комитету в 40 тыс., содержание составляло 10 тыс. в месяц.

Целая дискуссия развернулась на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» (№21, 1(15) нояб. 1914) по поводу создания госпиталя имени законоучителей. В письме в журнал «Законоучитель» протоиерей А. Голосов призвал законоучителей средней школы уделить 4% содержания на организацию лазарета имени законоучителей. Письмо было перепечатано «Владивостокскими епархиальными ведомостями». В следующем выпуске ведомостей было опубликовано письмо учителя с. Полтавки протоиерея А. Загородного, указывавшее на то, что наравне с законоучителями из средних школ участвовать в создании госпиталя должны и их коллеги из низших школ Приморской области. Созданию госпиталя было посвящено и письмо священника станции Муравьев-Амурский А. Троицкого, предложившего обсудить возможность содержания нескольких коек в госпитале за счет дальневосточного духовенства.

Отдельным направлением помощи пострадавшим от войны была помощь беженцам из западных областей Российской империи. Первые беженцы попадают в Приморье осенью 1915 г. Размещение и снабжение беженцев быстро становится одним из важнейших вопросов для всех районов Приморской области. Помощь беженцам также оказывалось как специально созданными обществами, так и по частной инициативе.

Таким образом, можно говорить, что население Приморской области не осталось в стороне от общероссийского движения помощи, распространившегося с началом войны. Наиболее зримую помощь получали пострадавшие от войны, раненые, а так же семьи мобилизованных солдат.

Заколотная А.С. Начало колонизации Дальнего Востока России в работах дореволюционных авторов

Zakolodnaya A. The beginning of the colonization of the Far East of Russia in the works of pre-revolutionary authors

После подписания в 1858 г. Айгунского и в 1860 г. Пекинского договоров с Китаем Россия присоединила к себе Дальний Восток. В появившихся через несколько лет после присоединения региона работах авторы делали попытки проанализировать достигнутые результаты, высказывали свое мнение на перспективы дальнейшего развития.

Вероятно, одним из первых изданий, посвященных Дальнему Востоку, является работа «Путешествие по Амуру на пароходе Аргунь» (1860) неизвестного автора, в ней он поздравляет Россию с мирным «решением одного из старинных «вопросов» внешней политики». Он полагал, что в будущем Приамурский край станет «житницей всей Северо-Восточной Сибири, Русской Америки», а также хлебным или продовольственным рынком для Японии и Китая, Амур же превратиться в «великий торговый путь для Восточной Сибири». Для достижения этих целей, по мнению автора, необходимо было организовать переселение сюда русского населения на добровольной основе и «развить» судоходство по Амуру. В будущее автор смотрел с оптимизмом: начало колонизации региона было положено переселением казаков из Забайкалья, по Амуру ходили несколько «казенных» пароходов, частная промышленность проявляла интерес к развитию здесь судоходства и торговли.

И.В. Мевес (1863) считал, что Амурский край – это территория с огромными перспективами и его развитие должно идти следующим образом: прежде всего необходимо развивать здесь сельское хозяйство, способное производить достаточное количество «дешевого хлеба», что в дальнейшем привлечет сюда рабочие руки из европейских губерний страны и создаст базу для формирования местной промышленности. Достигнутые результаты, по мнению автора, неоднозначны. С одной стороны, «в молоке, яйцах и зелени в Благовещенске нет недостатка», с другой – лишь немногие переселенцы достигали Благовещенска и Хабаровки, многие из них разорялись, так как на месте невозможно было приобрести скот и необходимый для занятия сельским хозяйством инвентарь. Все проблемы, по мнению И.В. Мевеса, возможно решить за счет правильного подбора переселенцев и выделения средств на их первоначальное устройство в крае.

К.И. Максимович (1862) считал, что Амурский край обладает хорошими условиями для развития здесь сельского хозяйства. Такие выводы он сделал на основании следующих фактов: крестьяне, прибывшие в край в 1855 г. и поселившиеся в «верхнем Амуре», получали хорошие урожаи хлеба и овощей, а данные о почвенно-климатических условиях нижнего Амура.

В работе Д. Афанасьева (1863) рассмотрены переселения крестьян в 1855 и 1860 г. Первая партия сумела создать самостоятельные хозяйства, вторая же – наоборот, зависела от государственных дотаций. Автор считал, что основные причины крылись в местах выхода и морально-нравственных качествах переселенцев. В 1855 г. были переселены выходцы «из России и Сибири», вторая же партия полностью состояла из крестьян из европейской части России, затративших на дорогу 2 года и прибывших на Амур истощенными. С другой стороны, сам состав переселенцев 1860 г., большинство из которых были «люди, у которых более других проглядывается страсть к бродяжничеству, а следовательно и к безделью». Тем не менее, Д. Афанасьев полагал, что государство сумело решить На Дальнем Востоке ряд важных задач: обеспечило нужды плаванья по Амуру, организовало доставку почты и снабжение служащих хлебом, обеспечило охрану границ. Дальнейшие усилия государства автор призывал направить на развитие морских промыслов и торговли, так как именно эти меры с одной стороны, благоприятно скажутся на материальном благосостоянии местного населения, а с другой - будут способствовать привлечению в край новых самостоятельных переселенцев.

Д. Скуратов (1863) полагал, что за прошедшее с момента присоединения края время удалось сделать очень мало, но «если принять в соображение с одной стороны географические и климатические условия этого края, а с другой малое развитие и безлюдность самой России, то нельзя, кажется, не согласиться, что мы и не могли сделать более». Автор отметил, что за короткий срок от «Забайкальской области до устья Амура и от устья Уссури до границы нашей с Китаем» ряд поселений. Он считал, что совершенные при переселении ошибки были вынужденными из-за отсутствия необходимого опыта и знаний. Д. Скуратов имел неоднозначный взгляд на будущее края. Он считал, что колонизация не возможна за казенный счет, государство может создать лишь «зародыши будущей колонизации, точки опоры», но если крестьяне на свои средства не начнут приезжать сюда сами, то нельзя рассчитывать на скорое заселение Амурского края. А чтобы переселенец сюда прибыл, условия местности быть для него привлекательными. Условия Амурского края Д. Скуратов привлекательными не считал, и этим объяснял низкие темпы заселения. Будущее края он связывал с развитием здесь коммерческого флота и торговли. Для этого имелись все условия (незамерзающие гавани, строевой лес, залежи каменного угля).

В 1867 и 1869 гг. были опубликованы путевые заметки книги Д.И. Стахеева. Большинство из увиденного автором не вызвало у него положительных эмоций. Путешествие до Благовещенска, как писал Д.И. Стахеев, было достаточно скучным, большая часть территории была пустыня, лишь изредка встречались казачьи станицы разной степени зажиточности, из которых лишь несколько (Албазинская, Черняева, Иннокентьевская) походили на настоящие оседлые селенья. Остальные же «сливаются в общую массу казенных поселений, плохо устроенных и зачастую не на месте поставленных»,

т.е. в большинстве своем казачьи станицы представляют собой нищие селения. Особенность жизни в Благовещенске – это скука, первоначально задумано было огромное количество проектов, но ни один из них так и не был реализован. Автор не ставил перед собой задачи дать оценку предпринимаемым правительством попыткам заселить дальневосточный край. Однако приведенные в мемуарах сюжетные зарисовки как оценивали относились к переселению его непосредственные участники. Автор описывает маленькую станицу, жители которой жаловались на свою жизнь: пахотной и луговой земли практически нет, станица расположена среди гор. Дополнительные трудности доставляли населению так называемые «сынки», приписанные к казачьему населению штрафные солдаты. Д.И. Стахеев привел свою беседу с переселенцами, выходцы из Нолинского уезда не советуют своим односельчанам переселяться «...скажи, что худо мол переселяться, больно худо». Таким образом, можно предположить, что большинство прибывших Приамурский край относились к переезду сюда отрицательно, они не видели улучшений в своем материальном состоянии. Д.И. Стахеевым дано одно из самых пессимистических и мрачных описаний окружающей действительности.

Оценки первых лет колонизации края были неоднозначными. Дореволюционные авторы не сходились во взглядах на природно-климатические условия края, одни считали их выгодными для занятия сельским хозяйством (И.В. Мевес, К.И. Максимович), и видели будущее края в развитии этого вида деятельности. Другие, как например Д. Скуратов, полагали, что край малопривлекателен для переселенцев и этим объясняли его малозаселенность. Большинство же авторов связывали будущее региона с развитием торговли и судоходства.

Землянский И.А. История развития библиотек общественных организаций и ведомств Приамурского края в начале XX века

Zemlyanskiy I. History of libraries in public organizations and departments of Amur region at the beginning of XX century

Освоение Дальнего Востока вызывало приток в край представителей многих национальностей. С их стороны наблюдалось естественное стремление к поддержанию контактов между собой, что, в частности, видно на примере «Грузинского общества взаимной помощи в Амурской области», организаторы которого предусмотрели и создание библиотеки-читальни.

Русская колонизация Дальнего Востока в конце XIX в. и, особенно, в начале XX в. обусловила приход из-за рубежа китайского, маньчжурского и корейского населения. Некоторые корейцы принимали русское подданство на основании Сеульской конвенции 1884 г. и их наделяли землей на общих основаниях с русскими поселенцами. Китайцы и корейцы (как и японцы) также стремились создать на Дальнем Востоке свои общественные организации,

использовали национальную книгу и печать. В 1909 г. во Владивостоке типографией А.К. Петрова был напечатан «Устав Китайского общества взаимного вспомоществования». В нём наряду с другими практическими целями предусматривалось содействие соотечественникам через устройство школ, народных библиотек, выписку книг и периодических изданий. Такие же задачи были заложены в «Устав китайского общественного собрания ревнителей благоустройства китайских подданных в городе Владивостоке». В 1911 г. в Хабаровске электротипография товарищества «Приамурье» выпустила «Устав Хабаровского китайского общества взаимного вспомоществования». Вместе с сугубо практическими задачами – защитой населения от хунхузов, материальной помощью соотечественникам – устав предусматривал необходимость обеспечения китайских жителей Хабаровска произведениями печати. Такие же просветительские цели ставились сообществом корейцев, о чём можно узнать из «Устава общества развития труда (Куон-Онхой)», выпущенного в 1912 г. типографией В.К. Иогансона во Владивостоке.

В г. Владивостоке в честь столетия со дня рождения Николая Васильевича Гоголя Первореченское участковое попечительство по презрению бедных, носящего имя писателя, к дню празднования – 20 марта 1909 г. приурочило открытие в данном районе города библиотеки-читальни. Заведующим её стал член Совета попечительства, состоящего в штате Приморского областного по крестьянским делам присутствия – Михаил Михайлович Орлов, которого сменил 19 ноября 1909 г. псаломщик Никита Иванович Кавера.

21 июля 1911 г., по инициативе благотворительных организаций, возникла бесплатная библиотека-читальня Общества содействия распространению народных развлечений и народного образования в г. Николаевске-на-Амуре. Ответственным лицом за соблюдением правил и правительственных распоряжений по библиотеке общества был избран Василий Мокеевич Иванов, которого 12 марта 1913 г. сменил на этой должности Василий Григорьевич Корпусов, утверждённый военным губернатором Приморской области Манакиным после представления кандидатуры библиотекаря обществом.

В 1911 г. в г. Петропавловске-на-Камчатке организовалось общество, учредившее общедоступную библиотеку-читальню. 7 апреля 1911 г. утверждением устава исполняющим делами губернатора Камчатской области Перфильевым была открыта общедоступная библиотека-читальня в г. Петропавловске-на-Камчатке.

Из ведомственных библиотек г. Хабаровска были известны две библиотеки для служащих в этих учреждениях лиц, а именно: 1) при Амурской Казённой Палате и 2) Амурской Контрольной Палате. Библиотеки эти содержались на сборы, поступающие от чинов и вольнонаёмных служащих этих учреждений за право чтения. Плата была различная – от 25 коп. до 1 руб. в

месяц. На вырученные средства выписывались отдельные сочинения русских писателей.

Иногда библиотеки ведомства ставились принадлежностью общественного объединения. Так, например, 6 ноября 1905 г. господину начальнику Южно-Уссурийского уезда К.С. Васильеву поступила просьба комитета Южно-Уссурийского Благотворительного общества, выражаемая в передаче библиотеки, состоящей при Южно-Уссурийском полицейском управлении, для открытия в г. Никольск-Уссурийском публичной народной библиотеки. Просьба была удовлетворена. При предоставлении правил библиотеки Южно-Уссурийского Благотворительного общества имени Н.В. Гоголя её открытие 29 мая 1906 г. разрешил Военный генерал-губернатор Приморской области. Директором бесплатной библиотеки общества был избран комитетом общества, чиновник местного Казначейства Михаил Григорьевич Гордиенко.

Вот поэтому, благодаря деятельности общественных объединений, создание библиотек и читален стало всенародным делом, что позволяет утверждать, что на Дальнем Востоке, как и в центральных районах России, во второй половине XIX – начале XX вв. формировалось гражданское общество.

Землянский В.Л. Парламентская система Приморской области во время
Временного Приамурского правительства в 1921-1922 гг.

*Zemlyansky V. The parliamentary system of Primorsky territory in the period of the
provisional Priamursky government in 1921-1922*

26 мая 1921 г. во Владивостоке, который являлся центром Приморской области ДВР, произошел военный переворот. Образовавшееся в тот же день Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с С.Д. Меркуловым провозгласило себя верховной властью на территории Приморья. 30 мая 1921 г. правительство С.Д. Меркулова распустило Народное собрание Приморской области, где большинство депутатов составляли представители левых партий. Новая сессия (3-я по счету) Народного собрания Приморской области открылась на территории ДВР – в Имане в августе 1921 г. Правительство, сформированное из участников Съезда несоциалистических организаций, решило провести выборы в представительный орган власти по новому законодательству. Принятая еще в марте 1921 г. резолюция Съезда предполагала наличие «законодательного народно – представительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

В июле 1921 г. на территории Приморья, контролируемой ВПП, прошли выборы в Приамурское Народное собрание. В избирательном бюллетене было представлено 10 партийных списков. Выборы проходили по смешанной системе. В сельской местности действовала мажоритарная, а в городах пропорциональная избирательная система. Правом участия в выборах в

Народное собрание обладали граждане с 21 года, а избраться в парламент можно было с 25 лет. Исключались из избирательного процесса коммунисты, анархисты, максималисты и приверженцы их программ. Явка на состоявшихся выборах составила около 20% от зарегистрированных 150 тыс. чел. Планировалось, что в парламенте окажется 160 депутатов, но было избрано только 87. Выборы не обошлись без нарушений. Комиссией личного состава Народного собрания были выявлены ошибки при подсчете голосов по Суйфунскому району.

21 июля 1921 г. состоялось открытие Приамурского Народного собрания, являвшегося высшим законодательным органом власти в Приморье. Принятые парламентом законы вступали в силу лишь после одобрения правительством. Во время перерывов между сессиями парламента законодательную функцию исполняло ВПП, с последующим утверждением законов Народным собранием. Высший представительный и законодательный орган власти кроме своей законотворческой деятельности рассматривал проект бюджета, предоставленный правительством, договоры с иностранными государствами и другие вопросы.

С началом своей деятельности Народное собрание вступило в борьбу с правительством за право формировать Совет уполномоченных ведомствами (СУВ), который осуществлял исполнительную функцию. Развернувшееся соперничество ВПП и парламента сковывало создание единого антибольшевистского фронта на территории Приморья. Провластные группировки настаивали на том, что если депутаты не могут договориться по второстепенным вопросам и находятся в межфракционной борьбе, то парламентариям требовать формирование ответственного перед Народным собранием СУВ не имеет смысла. Этот конфликт не смог разрешиться до роспуска парламента.

Парламентарии из оппозиционных фракций поднимали острые вопросы, связанные с политической жизнью в Приморье. В августе 1921 г. крестьянская фракция выдвинула требования освобождения политических заключенных, начала переговоров правительства со стачечным комитетом рабочих, восстановления гражданских свобод (свободы слова, печати, собраний и т.д.), восстановления городских и земских органов самоуправления, а также пропорционального представительства в парламенте от сельского и городского населения. Депутаты – крестьяне предлагали установить отношения и пойти на переговоры с Народным собранием Приморской области в Имане с тем, чтобы решить спор о власти путем созыва единого Приморского областного Народного собрания, избранного по закону 1917 г.

Фракция правых эсеров выступала за освобождение арестованных представителей левых группировок и прекращении их незаконного преследования. 5 августа 1921 г. эсеры во время заседания Народного собрания подали запрос о задержанных членах левых партий. Председатель Народного собрания К. Т. Лихойдов заявил, что в запросе стоит подпись депутата

Позднякова, в отношении которого не закончена проверка полномочий. В течение 40 минут шла дискуссия о праве Позднякова на участие в заседании. Вопрос был решен в пользу депутата-эсера. Непрерывающаяся полемика между оппозицией и поддерживающими власть депутатами была остановлена правительством, которое распустило Народное собрание в декабре 1921 г.

Зимой 1921 г. Белоповстанческая армия под командованием В.М. Молчанова начала наступление на территорию Дальневосточной республики. После занятия Хабаровска белоповстанцами в город приехала делегация Народного собрания с целью агитации горожан принять участие в довыборах в парламент. Приамурье находилось в руках ВПП только пару месяцев. В феврале 1922 г. армия В.М. Молчанова оставила Хабаровск.

В январе 1922 г. Приамурское Народное собрание возобновило свою работу. Провал Хабаровского похода, выход Народно-революционной армии ДВР к границе нейтральной зоны, занятой японскими войсками, вызвали серьезный кризис в политических и военных кругах Приморья. Народное собрание пошло на открытую конфронтацию с правительством. Большая часть армии (каппелевцы) поддержала парламент, но другая часть вооруженных сил (семеновцы) и флот встали на защиту ВПП.

В начале мая 1922 г. парламент Приморья принял новый закон о выборах, по которому активное избирательное право распространялось на представителей всех политических сил, в том числе РКП(б). 29 мая того же года ВПП распустило Народное собрание. Политический кризис разрешился в июне 1922 г. с прибытием нового главы правительства М. К. Дитерихса, который подтвердил роспуск парламента и созыв Земского собора.

Приамурское Народное собрание обладало законодательной властью с существенными ограничениями. От участия в выборах отстранялись представители ряда левых партий, процедура избрания вызывала недовольство у самих парламентариев (непропорциональности представительства сельского и городского населения и т.д.). Оппозиционные фракции на протяжении всей работы Народного собрания ставили вопрос об ответственности СУВ перед парламентом, но не смогли этого добиться, что говорит об отсутствии рычагов влияния на верховную власть. Вопрос о главенстве правительства или парламента был решен в пользу военной диктатуры. Таким образом, властные полномочия Приамурского Народного собрания носили ограниченный характер, но в то же время парламент играл существенную роль в политической жизни Приморья.

Рихерт Д.К. Контрабанда на юге Дальнего Востока (1920-е гг.)

Rikhert D. Contraband in the south of the Far East (1920s.)

Долгое время в социально-экономическом развитии Дальневосточного региона присутствовала такая черта как контрабанда. Этому способствовали

особые геополитические условия региона, природные богатства, слабость экономического развития, отдаленность от мест производства товаров народного потребления, незащищенность границ. Контрабандой признавалось перемещение какого-либо имущества через государственную границу с сокрытием от таможенного контроля, а также хранение, перемещение и продажа в пределах 21-верстной полосы всех товаров и предметов, в том числе и для личного употребления.

Важнейшим условием развития преступности в сфере контрабанды, являлся геополитический фактор – близость границ с Китаем. Продажа китайским населением своего товара началось задолго до революции: царская власть не препятствовала свободному товарообмену между русскими и китайцами в силу невозможности обеспечить дальневосточников товарами первой необходимости. С установлением Советской власти на Дальнем Востоке и запретом ввоза китайских товаров изменились и методы провоза товаров, но не уменьшилось их количество.

Контрабанда ввозилась преимущественно на парусных судах и распространялась по побережью Амурского и Уссурийского заливов русскими, китайскими, корейскими контрабандистами, а так же местными жителями. Для провоза контрабандных товаров на территорию России в Китае формировались организации контрабандистов, в которые входили как китайцы, так и русские.

На Дальнем Востоке процветали все виды контрабанды: экономическая, политическая и военная. Контрабанда подрывала основы разрушенной в годы войны и интервенции экономики края. В сфере торговли разрушала связь между городом и деревней, создавала благоприятные условия для утечки за границу реальных ценностей в виде золота и пушнины. Занятие контрабандой прочно вошло в жизнь дальневосточников и приобрело массовый характер.

Главным местом сбыта товаров, являлись прибрежные села, а также золотодобывающие прииски и хлебные районы Дальнего Востока. В обмен на золото, контрабандисты реализовывали доставленные на прииски продукты, имущество, спирт. Также они вывозили в Китай хлеб, который обменивали на иные товары.

Борьба с контрабандистами в 1920-е годы была возложена на органы милиции, уголовного розыска, таможен и погранохрану. В некоторых случаях к борьбе с контрабандистами подключались и работники ГПУ. Обыски, выемки и аресты совершались в соответствии с "Правилами о порядке производства обысков, выемок и арестов в пределах 22 км пограничной полосы". В начале 1923 г. отделом управления Дальревкома была разработана инструкция органам милиции по борьбе с контрабандой. Для систематического изучения причин развития этого явления, разработки практических мер борьбы и координации всех органов и учреждений, задействованных в борьбе с ним, на Дальнем Востоке в апреле 1923 г. была создана Дальневосточная окружная комиссия по борьбе с контрабандой. На нее возлагалась задача изучения местных условий и контрабандного движения, регулирование и согласование деятельности

различных ведомств. В губерниях были образованы аналогичные районные комиссии. Начальники губернских уголовных розысков руководствовались инструкцией "О порядке содержания под стражей задержанных с контрабандой лиц".

До середины 1920-х гг. органы милиции наравне с таможенными учреждениями, ГПУ вели плановую систематическую работу по пресечению контрабанды. Порядок участия милиции в этой работе был определен в инструкциях, циркулярах, изданных Дальревкомом, милицией Республики и НКВД СССР. Порядок материального премирования сотрудников милиции, обнаруживших и задержавших контрабанду, был установлен постановлением СНК СССР, положением о таможенной охране, приказами Центрального архивного управления НКВД и Отделом управления Дальревкома. Для борьбы с контрабандой в сельской местности создавались конные милицейские отряды, периодически высылались объезды смешанных местных отрядов от всех органов дознания. По большим трактовым дорогам в приграничных районах выставлялись пограничные заставы, в отдаленных от границы местностях - секретные посты сотрудников ГПУ и милиции.

За 1923 г. и перв. пол. 1924 г. органы милиции приморской губернии раскрыли 2484 случая контрабанды. Сотрудники милиции и уголовного розыска Никольск-Уссурийского уезда Приморской губернии конфисковали 100 пудов опиума, 2028 ведер спирта, 400 пудов сахара и более 2 млн. штук папирос. В Забайкальской губернии только за три месяца 1925 г. (сентябрь - ноябрь) задержали 121 контрабандиста. Общая сумма конфискованных контрабандных товаров составила 21650 руб. За этот же период сумма штрафов составила 34570 руб.

В 1924 - 1925 гг. общий объем контрабанды по Дальнему Востоку составил 20,05 млн. руб., в т.ч. было задержано правоохранительными органами товаров на сумму 2 млн. руб. В связи с усилением борьбы против контрабанды наблюдается сокращение преступной деятельности. Уже в 1925 - 1926 гг. ее объем составил 1,619 млн. руб.

С принятием Таможенного устава 1924 г. несколько изменились функции милиции и ее взаимоотношения с таможенными учреждениями. Органы милиции освобождались от обязанностей, не вытекающих из их основного назначения: от всех обязанностей по вручению гражданам повесток, постановлений и объявлений таможенных учреждений, а также от непосредственного взыскания штрафов и контрабандной пени, налагаемых таможенными учреждениями в тех городах и селениях.

С 1 апреля 1926 г. по 1 марта 1928 г. в органах ОГПУ и милиции было заведено 904 дела на 1734 чел. по контрабандным видам преступления. Решением особого Совещания при Коллегии ОГПУ по этим делам было осуждено 1131 чел., из них расстреляно - 7 чел., заключено в концлагерь - 190 чел., выслано за пределы ДВК и пограничных губерний в Сибирь, на Урал, в

Казахстан и за пределы СССР - 934 чел. Наибольшее количество преступлений было совершено крестьянами, 591 чел. были осуждены.

В 20-е годы XX в., проблема борьбы с контрабандой была одним из основных вопросов для государства. В зависимости от периода, деятельность контрабандистов то уменьшалась, то возрастала. Со временем власть приняла ряд необходимых мер, которые повлекли за собой спад потока контрабанды. С одной стороны – это издание законов и положений для служителей порядка, которые устанавливали методы борьбы с преступниками, с другой – активизация отечественного производства товаров широкого потребления, рост благосостояния населения, а так же усиление охраны границ, что привело к стабилизации ситуации в регионе.

Каюмов В.С. Корейский писатель Чо Мёнхи на Дальнем Востоке России (1928 – 1938): к проблеме воссоздания жизненного пути

Kaiumov V. Korean writer Cho Myung Hee on Russian Far East. The problem of recreating life and career

Чо Мёнхи родился 10 августа 1894 г. в деревне Пёгамни уезда Чинчхон провинции Чхунчхон-Пукто на юге Кореи. Его отец был известным в Корее конфуцианским учёным второй половины XIX в. В 1899 г., когда Чо Мёнхи исполнилось пять лет, отец умер, поэтому решающее влияние на гражданское и творческое формирование личности мальчика оказал старший брат Чо Гонхи, патриот, поэт, знаток китайской литературы. И Чо Мёнхи с раннего детства овладевал знанием родного корейского и одновременно китайского языков, корейской и китайской литературы, искусства. Благодаря обширной домашней библиотеке много читал.

1924 г. стал поворотным в творчестве Чо Мёнхи, он полностью включился в литературную жизнь Сеула и вошёл в число молодых литераторов «Школы нового направления», ищущих новые пути развития корейского искусства. Активная творческая и общественная деятельность Чо Мёнхи сопровождалась постоянными преследованиями со стороны японских властей. Под угрозой ареста в 1928 г. он был вынужден покинуть Корею и, по совету друзей, перейдя границу, просить советского гражданства. В первые три года Чо Мёнхи работал преподавателем в корейской школе деревни Пуциловка, близ Уссурийска, и активно занимался литературным творчеством, публицистикой.

Следует подчеркнуть, что активно пропагандируемое Чо Мёнхи изучение национальной литературы оказало огромное влияние на корейцев Приморья, способствуя сохранению у них чувства неразрывной связи с исторической родиной.

Активная организационная, творческая, редакторская и наставническая деятельность Чо Мёнхи на любом уровне – и областном (приморском), и краевом (ДВК) – была весьма плодотворной. А.А. Фадеев, уже знакомый с Чо

Мёнхи и его деятельностью и творчеством по Владивостоку, рекомендовал его в члены Союза советских писателей и на работу в писательскую организацию Хабаровска.

В начале 1935 г. редакции корейской газеты «Сонбон» («Авангард») и китайской «Рабочий путь» переехали из Приморья в Хабаровск. Вместе с ними и Чо Мёнхи с семьей. Его поселили в «писательском доме», в помещении редакции журнала «На рубеже». В краевом центре ДВК – Хабаровске активность многогранной деятельности Чо Мёнхи в Дальневосточном отделении Союза советских писателей возросла ещё более. Его считали «квалифицированным писателем», прислушивались к его мнению, ему поручали ответственные задания. В отечественной историографии Чо Мёнхи заслуженно называют основоположником советской корейской литературы, а в Республике Корея – зачинателем литературы нового направления. Творческий масштаб этой личности и её влияния на развитие корейской художественной культуры специалистами соизмеряется с феноменом М. Горького и влиянием его творчества на развитие русской, советской, мировой литературы и театра. Родители Хван Мёнхи принадлежали к дворянскому роду. Но разорение заставило их оставить Корею и искать лучшей доли в России. С получением российского подданства семья обрела земельный надел в деревне Пуциловка. При крещении Хван Мёнхи получила русское имя Мария Ивановна. Поскольку она рано потеряла мать, а отец постоянно и тяжело болел, Марии приходилось много работать в поле и присматривать за младшими братьями. Только когда братья подросли, Мария смогла отправиться на учёбу во Владивосток, где успешно освоила программу на курсах ликбеза и выучила русский язык.

После свадьбы молодожёны переехали в Уссурийск, где Чо Мёнхи работал в педагогическом техникуме, партийной школе и сельскохозяйственном техникуме преподавателем рисоводства. Затем семья жила некоторое время во Владивостоке и с 1935 г. в Хабаровске. К осени 1937 г. в семье уже было трое детей – пятилетняя Сона (Валентина Минхеевна), Миша – четырёх лет и только что родившийся Володя.

В 1956 г. Чо Мёнхи был реабилитирован. При Московском отделении Всероссийского союза писателей был создан комитет по изучению культурного наследия Чо Мёнхи. В него вошли ученики писателя – Цой Екатерина и Хван Иннокентий, которые, по рассказам дочери Чо Мёнхи Валентины Минхеевны, в течение года изучали в библиотеке им. В.И. Ленина архивные материалы, газеты и т.д. В результате проведённой работы, в СССР был издан сборник рассказов «Река Нактонган», а чуть позже сборник рассказов и стихов Чо Мёнхи на корейском языке.

Журавлёв П. В. Сырьё в обмен на инвестиции: проблема взаимоотношений Дальневосточного региона и Центра в советскую эпоху (1920-е – 1980-е гг.)

Zhuravlyov P. Raw materials in exchange for investments: problem of relationship of the Far East region and Center during the Soviet era (1920s-1980s.)

Период Гражданской войны и интервенции оказался разрушительным для дальневосточной экономики, убытки составили свыше 600 млн. золотых рублей, поэтому дальнейшее развитие Дальнего Востока без помощи Центра было невозможно. Ликвидация ДВР сопровождалась утратой экономической самостоятельности Дальнего Востока. Правда, политика НЭПа давала региональным управленцам некоторую самостоятельность в своих действиях. Однако попытки культивирования местничества были Москвой решительно пресечены.

В 20-е гг. Центр уделял особое внимание Дальнему Востоку. В 1923 г. на него приходилась треть общесоюзной золотодобычи. В то же время он оставался реципиентом инвестиций Центра. Председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник недвусмысленно давал понять, что без притока капиталов из Центра дальнейшее развитие дальневосточной экономики невозможно.

И центральная, и региональная элиты на рубеже 1920-х – 1930-х годов рассматривали Дальний Восток как источник сырья, идущего на экспорт и приносящего прибыль стране. Так, 25 июля 1930 года ЦК ВКП (б) в своём постановлении потребовал от дальневосточных парторганизаций поставить вопросы экспорта на первый план в своей работе.

Основные задачи 1-й пятилетки (1928/29 – 1932/33 гг.) применительно к Дальнему Востоку ставились следующие: в максимально возможной степени развить золото- и лесопромышленность, энергетику и металлургию, зверопромыслы (пушнина) и сельское хозяйство (технические культуры). Для этого первоначально предполагалось направить 94,2 млн. р. (без учёта золотопромышленности), однако впоследствии реально потраченная сумма возросла до 2600 млн. р. Количество средств, вложенных в дальневосточное хозяйство в 1930-е годы, в пересчёте на душу населения, превышало аналогичный показатель для страны в целом в 2 – 2,5 раза. На регион в годы 1-й пятилетки приходилось 2,1% от капиталовложений по Союзу, во 2-й пятилетке эта доля возросла до 6,2%.

Взаимоотношения между Центром и регионом в период существования ДВК носили противоречивый характер. Верховная власть, провозгласив необходимость модернизационного «рывка» и опережающего развития окраин по сравнению с центральными районами страны, самой логикой своих решений вынуждала себя вкладывать в них значительные средства в эти окраины. Правда, позиции дальневосточников ослаблялись наличием значительного бюджетного дефицита, восполняемого вливаниями из общесоюзной казны. К примеру, в 1927 – 28 бюджетном году дефицит составил 28,3 млн. р.

В послевоенный период руководство страны, озабоченное скорейшим восстановлением экономики, стало уделять Дальнему Востоку гораздо меньше внимания. За всю пятилетку 1946 – 1950 гг. доля капиталовложений в экономику территории составила лишь 5,1% от общегосударственных.

В период «оттепели» взаимоотношения между регионом и Центром оставались неравноправными. Зачастую местные управленцы были не в состоянии не то, что выбить новые ресурсы, но и сохранить уже достигнутое. Скажем, после посещения в октябре 1954 г. Дальнего Востока правительственной делегацией во главе с Н.С. Хрущёвым была отменена 20%-ная надбавка к зарплате, введённая для дальневосточников ещё в 1936 г.

Первая половина 1960-х гг. была временем интенсивных инвестиций: за 1961 – 1965 гг. в регион было вложено столько же, сколько за 1946 – 1958 гг. Тем не менее, сырьевая ориентация экономики сохранялась: при составлении семилетнего плана развития народного хозяйства (1959 – 1965 гг.) акцент делался на приоритетном развитии добывающих (добыча и переработка угля, нефти, леса, алмазов, древесины) и отчасти перерабатывающих (целлюлозно-бумажная промышленность) отраслей. Помимо этого, стояла задача организовать бесперебойную доставку добытого сырья в западные районы СССР.

В эпоху «застоя» регион по-прежнему оставался донором сырья для более развитой промышленности Европейской части СССР. Отраслями специализации являлись добыча цветных металлов и золота, рыбная промышленность и заготовка и переработка древесины.

После отказа от интенсивных административных преобразований команда Л.И. Брежнева нуждалась в поддержке со стороны регионов, дабы успешно решать вопросы борьбы с замедлением темпов социально-экономического развития, наметившимся к середине 1960-х гг. По этой причине 20%-ная надбавка к заработной плате в 1966 г. была восстановлена. От пятилетки к пятилетке союзные дотации в регион возрастали: 14,7 млрд. р. в 1965 – 1970 гг., 29 млрд. р. в 1976 – 1980 гг.

На каждом партийном съезде эпохи «застоя» принимались решения, направленные на приоритетное развитие добывающих и ряда перерабатывающих отраслей хозяйства Дальнего Востока (горнодобывающей, дерево- и нефтеобрабатывающей, рыбной, звероводческой). Разумеется, они служили и интересам региона: предусматривались развитие инфраструктуры (строительство БАМа, сооружение глубоководного порта Восточный) и строительство Бурейской, Зейской и Колымской ГЭС, Приморской и Нерюнгринской ГРЭС.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» делалась ставка на «дальнейшее развитие производительных сил» и «быстрейшее вовлечение в хозяйственный

оборот природных богатств», и только потом – на «улучшение условий жизни населения».

В 1970-х гг. в условиях консолидации региональных элит и начала их борьбы с Центром под лозунгом ликвидации территориальных различий в уровне жизни населения Москва вынуждена была дотировать местную экономику с целью сократить разрыв в уровне жизни между дальневосточниками и жителями других регионов СССР. Тем не менее, явственно стали проступать признаки кризиса прежней дотационно-сырьевой модели развития. Если в 1960-е ежегодные темпы роста дальневосточной промышленности равнялись 109,1%, то в 1970-х они снизились до 105,3%.

Период «перестройки» мало что изменил во взаимоотношениях Дальнего Востока и Центра. Выступая с речью во Владивостоке (июль 1986 г.), М.С. Горбачёв высказался о необходимости новой региональной политики, «видное место» в которой займут восточные районы Союза. Более того, он раскритиковал распространённый взгляд на Дальний Восток как на регион-донор ресурсов.

Однако принятая в 1987 г. Программа комплексного развития экономики и социальной сферы Дальневосточного региона вновь делала акцент на развитии сырьевых отраслей. Предполагалось к 2000 г. в 3 – 3,2 раза увеличить объём вывоза ресурсов в другие регионы СССР, а также за рубеж. Всего на развитие экономики Дальневосточного экономического района планировалось направить 198 млрд. р. Треть данной суммы должна была быть вложена в развитие социально-культурной сферы (расширение сети учреждений образования, предоставление каждой семье отдельных квартиры/дома). Представители центральных ведомств, и, в частности, первый заместитель председателя Госплана СССР А. Реут, подчёркивали, что это «огромный аванс, который дальневосточники, забайкальцы должны возратить государству, как принято говорить, с процентами: отсюда, с Дальнего Востока, страна наша должна в дальнейшем прирастать богатствами».

Вскоре региональная элита поняла, что принятие Программы ничего не изменит во взаимоотношениях с Центром. В июле 1989 г. первый секретарь Читинского обкома Н.И. Мальков открыто заявил: «пока положение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке не меняется. Этот район - важная сырьевая база всей страны...».

Таким образом, шаги нового руководства по изменению статуса региона в общесоюзном разделении труда оказались всего лишь блефом. Модель взаимоотношений Москвы и дальневосточников оставалась неизменной. А начавшийся в конце 1980-х сначала внутривластный, а затем и экономический кризис вообще отодвинул на задний план вопросы развития Дальнего Востока.

Кузнецов Д.В. Российское общественное мнение о Китае как фактор укрепления отношений между РФ и КНР

Kuznetsov D. *Russian Public Opinion about China as the Factor of Strengthening of Relations between the Russian Federation and the Peoples Republic of China*

В условиях XXI столетия развитие российского общественного мнения о Китае в целом вкладывается в рамки общего тренда, развитие которого на протяжении практически всего XX в. наблюдалось в мировом общественном мнении. Он заключается в том, что к началу 2000-х годов представители мировой общественности постепенно пришли к пониманию того, что современный Китай играет важнейшую роль в мировой политике и экономике. Главным образом, это случилось под влиянием тех успехов, которые были достигнуты после перехода в 1978 г. «политике реформ и открытости» – программе широкомасштабных по своему характеру реформ.

Между тем, в отдельных странах мира, в том числе и в России, являющейся ближайшим соседом Китая, складывается уникальная по своим характеристикам конфигурация общественного мнения. Если обращаться к более подробному анализу конфигурации российского общественного мнения о Китае, то окажется, что она имеет целый ряд особенностей.

В 2000-е годы позиция российского общественного мнения по отношению к Китаю являлась в целом благоприятной. Она полностью соответствовала той политике, которую в 2000-е годы проводила РФ в отношении КНР. В течение всего этого десятилетия руководство нашей страны расценивало Китай в качестве важнейшего стратегического партнера на международной арене, стремясь к дальнейшему расширению российско-китайских отношений. Сохраняется этот курс и в настоящее время.

Между тем, в своем отношении к Китаю россияне демонстрировали определенную противоречивость: расценивая Китай в качестве друга России, определенная часть россиян считала, что от него исходит угроза. Приходится констатировать, что среди определенной части россиян, преимущественно тех, кто проживает в европейской части России, действительно распространилось подобное мнение, что связано с ускорившимся в 2000-е годы процессом развития Китая, усилившим его позиции в мировой экономике и политике. Отдельное беспокойство у этой части россиян вызывают вопросы, связанные с китайскими мигрантами.

Важно подчеркнуть, что отмеченная тенденция преимущественно развивалась в начале 2000-х годов. В настоящее время, такие взгляды получают гораздо меньшее распространение среди жителей России, к тому же они по большей части не соответствуют действительности.

При всех заметных проявлениях опасений россиян по поводу угрозы, результаты опросов показывают, что в обществе положительное отношение к этому государству продолжает преобладать. Отсюда одной из важнейших

характеристик общественного мнения является признание большинством жителей России необходимости развития двусторонних отношений.

Что касается российского общественного мнения, то в его конфигурации можно выявить следующие особенности. Во-первых, представления россиян о Китае и китайцах, а также культуре Поднебесной, не всегда соответствуют действительности. Во-вторых, россияне демонстрируют в целом благоприятное отношение к Китаю. В-третьих, россияне расценивают Китай в качестве дружественного государства, хотя в 2000-е годы отношение к нему периодически становилось более настороженным. В-четвертых, для россиян характерно признание необходимости развития двусторонних отношений между РФ и КНР. Однако Китай – это важный, но вовсе не единственный партнер России на международной арене.

Подчеркнем, что позиционирование Китая на официальном уровне в качестве важнейшего партнера России на международной арене составляло основу для складывания именно такой, благоприятной по своему характеру позиции российского общественного мнения относительно межгосударственных отношений. Представляется, что обозначенная выше конфигурация российского общественного мнения может выступить в качестве важного фактора дальнейшего укрепления двусторонних отношений между РФ и КНР. Тем более, что в настоящее время можно говорить о том, что не только в России, но и в Китае, в том числе на уровне массового сознания, оформилась благоприятная установка на развитие этих отношений.

Вышеуказанное подтверждается результатами проведенных в последние годы опросов общественного мнения. Весьма любопытными представляются результаты опроса, проведенного в течение июля – сентября 2008 г. одновременно в Шанхае и Санкт-Петербурге. Как подчеркнули китайские и российские социологи, отношения народов двух стран друг к другу соответствуют уровню развития двусторонних отношений в последние годы.

Причины, по которым россияне и китайцы в своем большинстве видят наиболее близкое по отношению к друг другу государство, по всей видимости, заключаются также и в том, что на современном этапе российско-китайские отношения, при всех имеющихся проблемах, обладают мощной базой для успешного двустороннего сотрудничества.

Безусловно, следует согласиться с тем, что в настоящее время российско-китайское взаимодействие характеризуется широким спектром областей сотрудничества, включающих весьма интенсивные контакты на высшем уровне, сотрудничество в сфере торговли, в сфере безопасности, взаимодействие в энергетической сфере, гуманитарные связи, сотрудничество на международной арене, в том числе в рамках Совета Безопасности ООН, совместное участие в международных и региональных организациях, таких как ШОС, БРИКС и др. В большинстве своем это взаимодействие обладает эффективностью, принося безусловную выгоду обеим странам.

Отношения между РФ и КНР, характеризуемые обеими странами как «стратегическое партнерство и взаимодействие», не могут не восприниматься положительно и большинством жителей обеих стран. В результате Китай расценивается россиянами, а Россия расценивается китайцами как государства, которые в наибольшей степени отвечают стратегическим интересам двух стран. Свой вклад, по всей вероятности, вносит и наличие общей платформы, отражающей стремление руководства РФ и КНР, а также большей части населения стран не допустить возникновения однополярного мирового порядка с абсолютным преобладанием в качестве «супердержавы» США. Антигегемонизм, направленный против вполне конкретных действий, предпринимаемых на международной арене США, столь характерный для позиции жителей России и Китая в 2000-е годы, является еще одним фактором, способствующим укреплению симпатий россиян в адрес Китая, а китайцев в адрес России.

Представляется, что руководство РФ и КНР, в проведении своей политики по развитию российско-китайских связей в самых разных сферах, безусловно, должно учитывать этот момент, стараться укреплять сложившиеся на уровне массового сознания тенденции, способствующие укреплению двусторонних отношений между РФ и КНР и, в то же самое время, преодолевать те моменты, которые могут осложнить развитие этого процесса.

Особая роль в этом принадлежит представителям российской и китайской общественности. Диалог между жителями России и Китая, развитие контактов в гуманитарных сферах – науке, образовании, культуре, туристические поездки, - все это будет только способствовать дальнейшему укреплению двусторонних отношений.

Пискунов С.А. Переселенческая политика на Дальний Восток СССР: опыт второй половины 1980-х гг.

Piskunov S. The resettlement policy on the Far East USSR: experience of the second half of 1980s

Изменение как внутренних, так и внешних ориентиров политики страны во второй половине 80-х гг. XX в. внесло коррективы и в государственное переселение. Еще с 1967 г. решение вопросов территориального перераспределения рабочей силы было сосредоточено в органах по использованию трудовых ресурсов, с 1976 г. – органах по труду. В августе 1987 г. Государственному комитету РСФСР, по аналогии с союзным, были расширены функции: с этого времени в сферу его ответственности было включено и решение социальных проблем. Это означало, что плановое привлечение семей в аграрный сектор Дальнего Востока, находившейся по-прежнему под государственным контролем, окончательно стало одной из задач, имевшей далеко не первостепенное значение.

Более того, согласно совместного постановления ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 г. в регионах предписывалось создание хозрасчетных центров и бюро по трудоустройству, взимающие за оказанные услуги плату с хозяйств, что, применительно к сельскохозяйственному переселению, было совершенно новым явлением. Однако, несмотря на то, что в условиях перехода к рынку и отказа от бюджетного финансирования ряда проектов и программ, в отношении региона были сохранены и, в некоторой степени преумножены, меры стимулирования переселения – льготы. Так, размер единовременного денежного пособия для изъявивших желание работать в хозяйствах региона составил в 1989 г. 2 000 руб. на главу и 500 руб. на каждого члена семьи, тогда как в 1973 г. размер выплат варьировался, соответственно, от 200 до 300 руб. и 75 руб.

В аграрный сектор Дальнего Востока по-прежнему прибывали семьи не только из городов и рабочих поселков в рамках одной административно-территориальной единицы, но и из-за ее пределов, в том числе из союзных республик. В тоже время, в условиях формирования рыночных отношений актуальным стал поиск источников дешевой рабочей силы. Так, в 1988 г. хозяйства Приморского края приняли 100 рабочих из Северной Кореи и 70 из Китая.

Таким образом, вторая половина 1980-х гг., отмеченная в СССР структурными изменениями, явилась особым этапом для переселенческой политики, что дает основания говорить о зарождении принципиально иной, отличной от прошлого советского опыта, модели взаимоотношения «государство – плановый мигрант».

Савченко А.Е. Закончилась ли перестройка¹? (Итоги первых двух лет полевых исследований на юге Дальнего Востока)

Savchenko A. Has the perestroika come to end? (The results of the first two years field research on the Russian Far-East)

Приближающееся тридцатилетие перестройки, это повод задуматься над вопросом, от ответа на который зависит взгляд на Россию наших дней. Современный период, отмеченный стабильностью многих структур общественной жизни, или стагнацией, как в последнее время его называют – что это в исторической ретроспективе трёх десятилетий? Это некая пауза в трансформационном процессе или же завершение самого процесса?

В настоящее время можно говорить о противоречивой картине драматических изменений и устойчивости, переплетения процессов деградации с ростками развития на обломках рухнувшего модернизационного проекта 1985 года. Эта картина будет яснее, если представить её в виде трёх пассажей.

¹ Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № №13-01-00199

1) **Несостоявшийся рывок** – почти каждый крупный населённый пункт несёт в своём архитектурном облике следы различных волн модернизации. Перестройка, начинавшаяся с масштабных программ производственного и социального строительства, оставила свой след в виде однообразных жилых микрорайонов девяти и пятиэтажных панельных домов (построенных в стремлении выполнить программу «Жильё-2000») и многочисленного «недостроя» разбросанного по городам и посёлкам. Незавершённый жилой дом, поликлиника, детский сад или цех какого-нибудь завода, начатый во времена перестройки и остающийся недостроенным до сих пор – это типичная примета дальневосточного города. В последнее время, эти раны затягиваются – в крупных городах уже трудно найти недостроенный жилой дом, но ещё попадаются здания социальных и производственных объектов. Впрочем, начиная со второго десятилетия 2000-х гг. достраиваются и они. Сегодня мы как бы вернулись по второму кругу к прежним задачам. Но можно ли теперь сказать, что постепенно, растянув на три десятилетия, мы завершаем то дело, которое планировалось совершить коротким броском? Скорее, мы можем видеть некоторую подмену и провал первоначальных замыслов, когда вместо планировавшегося завода – построен торговый центр, вместо коттеджного посёлка для шахтёров – элитные дома, на месте шахты – располагается авторынок. А превращение прежде действовавших заводов в торговые центры – это явление стало и вовсе массовым. Провести чёткую разделительную линию между шумпетеровским «созидательным разрушением» и деградацией здесь едва ли возможно.

С позиции сегодняшнего дня, перестроечные планы по развитию страны выглядят чистой воды маниловщиной, тем не менее, перед нами материальные свидетельства того, что рывок планировался мощный, а обилие недостроенных и изменивших своё назначение объектов говорит о том, что и сегодня, спустя тридцать лет мы всё ещё живём под знаком крушения проекта модернизации образца середины 1980-х.

2) **Фрагментация пространства** – однородно-серая советская реальность уходит всё дальше в прошлое. Рефлексия на этот счёт отразилась в концепции «четырёх России», которая, ухватывает суть, но неизбежно жертвует деталями. За последние 10 – 15 лет отчётливо проявились выигравшие и проигравшие территории и они далеко не всегда соотносятся с численностью населения – критерием, который в концепции «четырёх России» выступает основным. Определённо можно сказать, что выиграли населённые пункты расположенные близко к мегаполису, или зоне внешних контактов, на транспортных путях, в первую очередь – крупные города с разнообразной экономикой.

Разница между городом и пригородом, между мегаполисом и его спутником – которая в конце 1980-х выглядела порой как «пропасть» постепенно стирается. В этом, пожалуй, как нигде больше чувствуется тот гигантский рывок, который сделали за последние тридцать лет средства

коммуникаций, их революционное воздействие на структуры повседневности, прежде всего, на сокращение расстояний.

В тоже время, разница между выигравшими и проигравшими территориями приобретает катастрофические масштабы. При этом, «проигравший» посёлок может находиться от мегаполиса на расстоянии города-спутника, но вдали от основных транспортных артерий. Выигравшие и проигравшие территории трудно ранжировать по неким объективным количественным критериям, так как демографический упадок характерен для подавляющего большинства территорий Дальнего Востока, а проживающие в депрессивных населённых пунктах люди могут работать в ближайших городах и даже вахтовым методом, зарабатывая намного выше среднего по региону. Речь идёт скорее об общем ощущении упадка в виде деградации структур повседневности: разоренных предприятиях, брошенных домах и социальных объектах, разбитых дорогах заросших травой придомовых территориях с открытыми канализационными колодцами.

В тоже время, во многих, даже наиболее депрессивных населённых пунктах, особенно в городах, есть приметы улучшения ситуации. Чаще всего это будет социальный объект (дом культуры, детский сад или поликлиника) реконструированный с помощью федеральных средств, жилой дом, построенный по программе «Ветхое жильё» или реконструированный при помощи «Фонда содействия реформированию ЖКХ». Приметой последнего времени стала пёстрота крыш многоквартирных домов в малых городах и посёлках – серый шифер заменяется новыми материалами. Но это на сегодняшний день лишь «точки», которые не отменяют ощущения общего упадка провинции.

3) *Утрата смысла* - это последнее, но на наш взгляд наиболее важное для дальнейших рассуждений наблюдение. Города, где закрыта добрая половина крупных предприятий; посёлки без производства, полузаброшенные военные городки, сёла, существующие только потому, что не все смогли уехать, заводы, где большая часть площадей превращена в торговые центры, а производство теплится за счёт случайных заказов, выполняемых на старом оборудовании, работниками пенсионного возраста - всё это приметы незавершённого перехода, продолжающейся социальной смуты. Для значительной части территорий, производств, и, следовательно – людей, оказалась утрачена перспектива.

В определённом смысле люди оказались пленниками созданной в советское время производственной и социальной инфраструктуры, которая предопределяет веер возможностей для жизненных траекторий.

Следствия этой ситуации многообразны, но наиболее значимыми, влияющими на общую картину выступают два из них. Первое, это логистические издержки, растянутость – когда люди, живущие в депрессивных населённых пунктах вынуждены тратить много времени и ресурсов чтобы добраться в другой населённый пункт до места работы. Исследователям ещё предстоит подсчитать – сколько ресурсов способна высвободить оптимизация

структуры расселения. Но парадокс в том, что само сокращение расстояний, отмеченное выше, делает выживание этих мест возможным, снимает напряжение, но и консервирует данную «переходную» реальность.

Второе следствие, это маргинализация населения периферии, которая представляется вообще довольно парадоксальным явлением в современной российской реальности, в которой общим местом стала нехватка рабочих рук. При этом, масса людей не может найти себе достойного места в жизни, оставаясь вне сферы формальной экономики, вследствие разрушения экономических структур целых городов и посёлков.

На Дальнем Востоке, на уровне структур повседневности видна цена, заплаченная за провал модернизационного рывка сер. 1980-х, как и то, что эту цену мы платим до сих пор, - перестройка ещё не изжита. Этот исторический поворот совершается ценой колоссальной растраты потенциала, целые производства, посёлки, а вслед за ними и люди оказались «лишними» и многие из них до сих пор существуют в этом переходном состоянии. При этом, незавершённость этих процессов сообщают обществу и стране инерцию социальной динамики – страна в любом случае будет иной уже в ближайшей перспективе, в силу исчезновения переходных структур.

Антропология и археология Дальнего Востока России и стран АТР

Guan Yaxin. Characteristics of the Spread of Russian Culture in Northeast of China in 1897-1917

*Гуань Ясинь. Особенности распространения русской культуры в Северо-Восточном Китае (1897 - 1917)**

After the war of Jaxa, China and Russia signed "Nerchinsk Treaty" in 1689, which clearly delineated the eastern section of Sino-Russian border and created 150 years of stability and development in border areas of northeast of China. During this period, Sino-Russian cultural exchange slightly declined. After the first Opium War, Russia took advantage of the opportunity which Qing government had no time to pay attention to the northeast of China and sent troops to invade Heilongjiang and Ussuri region in China, and stressed Qing government in 1858 and 1860 to sign "Sino-Russian Treaty of Aigun" and "Sino-Russian Treaty of Beijing", which ceded over 1,000,000 square kilometers of territory in north of Heilongjiang and in east of Ussuri. To achieve an effective rule of Far East, Russia both immigrated and built Trans-Siberian Railway. At this time the population had also increased in border areas between China and Russia, but the spread of Russian culture was still in its bud in the

* Печатается в авторской редакции

northeast of China. After Sino-Japanese War, as an excuse to "defense of Japan", Russia induced Qing government in 1896 to sign "Sino-Russian secret Treaty" and had made privileges of construction of main line of Middle East railway in the northeast of China. In 1897 the Middle East railway began to build, a large number of Russian immigrants entered the northeast of China, which provided preconditions for the spread of Russian culture. The spread of Russian culture in the northeast of China in 1897-1917 was in the early stages and had the following characteristics:

First, Russian culture was implanted in the northeast of China. After Russia had made the privilege of construction of main line of Middle East railway in the northeast of China, in 1898 Russia had also obtained the privilege of construction of Middle East feeder railway in the northeast of China. On June 9th, the Middle East railway's administration moved to Harbin from Vladivostok. With the construction of Middle East railway, in addition to administrative personnel, engineering and technical personnel and their families of the Middle East railway's administration, industrialists, businessmen, writers and artists, educators and clergy gathered along the Middle East railway and immediately began to spread Russian culture.

There are two main types of cultural transmission: One type is not much relationship with the people, it is often one or several cultural events spread from one place to another by means of prints and modern media; the other type is accompanied by a certain amount of immigration, in general it is comprehensive and continuous contact of two cultures. Russian culture spread in the northeast of China and the latter dominated and had an absolute advantage. In 1903, the Middle East railway was open to traffic, Russians who lived along the Middle East railway reached 30,000. In 1910, Russians in the northeast of China had 50,000. In 1911, Russians in the Middle East railway reached 70,000. In 1912, Russians in Harbin reached 40,000. Before the October Revolution of 1917, Russians in Harbin reached over 60,000. No matter what identity Russians came to the northeast of China, Russians could not get rid of the roles as colonizers. Russians built their own residential area in towns and cities in the northeast of China, this residential form both reflected Russia's domestic life and preserved Russian culture, Russian people and Chinese people formed a situation of "big mixed, small communities". To some extent, it can be said that each of the Russians living areas implanted Russian culture in the northeast of China, Chinese people became passive recipients of Russian culture.

Second, the spread of Russian culture in the northeast of China was diversity. Russia was not only civilized nation of Eurasian features, but also had country of many ethnic or tribal. With the construction of Middle East railway, Russians into the northeast of China had both Russian cultural commonalities and the national or tribal cultural characteristics. Information on ethnic or racial makeup of Russians in the northeast of China in 1897-1917 was very little, but then the data could provide some evidence. For example: "Harbin-Fujiadian: Economic and Statistical Overview"(1925, Aoqieliejing) made statistics on occupational status of Russian population in Harbin and its suburbs (excluding Fujiadian) in 1922-1923, in addition to Russian people, as well as Russian Jews, Poles, Latvians, Estonians, Finns, Czechs, Germans and other

ethnic. The Russian people who lived in Harbin was the vast majority of Russians, as well as Ukrainians, Latvians, Armenians, Estonia race, ethnic Tatars, Georgians, Muslim, ethnic Lithuania, Moldova and Belarus. This could conversely view actual situation on ethnic or racial makeup of Russians in the northeast of China in 1897-1917, and each of different ethnic or racial makeup based on different origins, historical development made them form different production life, customs, religion, language and so, thus it highlighted hybridity and diversity of Russian culture in the northeast of China. For example: Russian Poles and Jews in Harbin established their own churches, schools, associations, etc. This showed the complexity of Russian culture in the northeast of China and Russian cultural diversity demonstrated in front of the Chinese people.

Third, the spread of Russian culture in the northeast of China was regional. After Russia forced to rent Lvda, in August 1898 Russia established a military colonization agency, China's Liaodong Peninsula had become part of Russian territory, where the spread of Russian culture had become the forefront of northeast of China. After the rise of the Boxer Rebellion, Russia participated in Power Allied Forces to capture both Beijing and Tianjin, also sent troops to invade the northeast of China, then made Blagoveshchensk and Jiangdong 64 Tuen tragedy of massacre of Chinese civilians, then Russian troops gathering in the Sino-Russian border were responsible for attacking Heilongjiang and Jilin, Russian troops stationed in Lvshun were responsible for capturing Mukden, Russian troops returning from Beijing and Tianjin were responsible for capturing the west of Mukden, Russian troops rendezvoused in Tieling in August 1900. So far, the northeast of China was occupied by Russian troops. Japan not only was still unwilling to interfere in Liaodong Peninsula from Russia, Germany and France, but also hated for Russian monopolizing the northeast of China. To obtain the rule of the northeast of China, Japan and Russia launched a war in 1904, Russian troops was defeated. Japan and Russia started from the position of the outcome of war, readjusted respective interests in the northeast of China, delineated each other's sphere of influence, north of Changchun (Kuanchengzi) was Russian sphere of influence, south of Changchun (Kuanchengzi) was Japan's sphere of influence. The spread of Russian culture by way of Russian troops occupying the northeast of China was barbaric and mandatory, and doomed the short-lived nature of this mode of transmission. After the Russo-Japanese War, Russian sphere of influence holed up to the north in the northeast of China, it became the core area of Russian culture transmission.

In 1897-1917 Russian culture in the northeast of China spread as a medium in different carriers. The first was the construction of church. Most Russians believing religion was Orthodox, churches provided places for Orthodox activities. There were 8 Orthodox churches in Harbin in 1899-1917; there were 16 Orthodox churches along the Middle East railway in 1901-1917, which fully reflected architectural style of Orthodox churches in Russia, the "frozen music" was played here. The second was founder of the press. Russians not only published in Russian journals and newspapers, but also published Chinese "Far East newspaper", 71 kinds of Russian publications

were founded along the Middle East railway in 1901-1917. These publications promoted the spread of Russian culture. The third was to open school. Russians run into both public and private schools. Russians opened more than 20 types of schools in Harbin in 1898-1917. Russian people still opened schools in Lvda, Piziwo, Jinzhou, Yingkou and other places in 1900-1903. These schools objectively promoted transmission of Russian culture. Finally was introduction of customs. Russian people not only brought their architectural custom but also their eating habits in the northeast of China, such as Russian bread and soup, kvass, in addition, the language used in the northeast of China appeared Russian loanwords. The Russian customs should influence production and life of the people in the northeast of China.

Russian culture in the transmission of the northeast of China in 1897-1917 by way of colonial aggression implanted in the northeast of China, which was an abnormal state of cultural transmission, the people in the northeast of China became passive receptors of this culture. Russians in the northeast of China formed a large and small residential area, they brought the whole Russian culture to a place they lived in, which opened up other means for people in the northeast of China to contact, to understand, to absorb Russian culture. It would lay the foundation for subsisting, inheriting and blending of Russian culture in the northeast of China.

Краюшкина Т.В. Китайские этиологические легенды как составляющая контента русскоязычных Интернет-ресурсов: стереотипы и их влияние

Krayushkina T. The Chinese Etiological Legends a Part of the Content of Russian-Speaking Internet Resources: Stereotypes and Their Impact

В настоящее время можно говорить о стабильном вхождении произведений устного народного творчества народов дальнего и ближнего зарубежья в информационное поле российских читателей разных возрастных групп посредством Интернет-ресурсов. Локальная традиция Приморского края в силу ряда причин являет собой совокупность фольклора коренных народов Дальнего Востока и народного творчества переселенцев: восточнославянских народов, других народов России (татар, башкир, мордвы и пр.) и представителей зарубежных государств (китайцев, корейцев, японцев), в начале XXI в. в Приморье активно переселяются армяне, азербайджанцы, узбеки. Изучение локальной традиции – важная задача современной фольклористики. Устное народное творчество Приморья, уникальное по своему составу, и сейчас продолжает впитывать в себя произведения фольклора других народов (или псевдопредставлений об их фольклоре). В этом плане по ряду причин особенно любопытно вхождение в информационное поле жителей Приморья произведений устного народного творчества Китая, начавшееся во второй половине XIX в. и продолжающееся в начале XXI в. Следует обратить внимание на следующий момент: как правило, фольклорные произведения наших соседей определяются не по национальному признаку, а посредством принадлежности

их государству – Китаю – именуются китайскими (впрочем, то же самое явление имеет место быть и при заимствовании фольклорных произведений других государств). Так формируется один из ложных стереотипов, транслируемых посредством Интернет, где национальная принадлежность подменяется гражданством.

Еще А.П. Георгиевский в работе «Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк» (вып. IV, 1929 г.) приводил китайскую легенду о женьшене – пан-цуй. Текст обильно насыщен китайскими верованиями и представлениями, в нем упоминаются китайские персоналии, как известные (великий китайский пророк Ляо-цзы), так и не являющиеся таковыми (китайский ученый Ляю-хан-ван). Незначительное количество Интернет-ресурсов приводит в пересказе легенды, записанные известными приморскими фольклористами, в том числе и А.П. Георгиевским, при этом дается ссылка на источник (книжное издание). Большинство же Интернет-ресурсов в лучшем случае содержит ссылку на заимствование текстов с других Интернет-ресурсов.

Перенятые из фонда китайского устного народного творчества этиологические легенды о женьшене активно сохраняют китайские имена персонажей, развитие сюжета, характерное для китайских легенд, а также бытовые реалии, присущие нашим соседям. Кроме того, ссылка на принадлежность Китаю в текстах легенд придает особого рода авторитетность (ее не стоит путать с явлением другого порядка – достоверностью) излагаемым событиям (к примеру, перевод с китайского языка слова «жень-дань-шень» позиционируется как «корень-молния»).

Следует обозначить существование такого специфического компонента устного народного творчества, как псевдонациональный фольклор: т.е. это такие произведения устного народного творчества, которые приписываются тому или иному народу, но при этом таковыми не являются. Кроме псевдонационального фольклора существуют ссылки на псевдонациональную принадлежность мотивов произведений устного народного творчества, что свойственно современному фольклору Приморского края. Это работает на придание авторитетности описываемым событиям. К таким – псевдонациональным явлениям с темой авторитетности – можно отнести мотив одной из современных легенд: якобы на о. Петрова тисами написан иероглиф, в переводе обозначающий «дерево». Легенда о горах Приморья – Брате и Сестре – содержит более значимую ссылку на авторитетные источники, при этом специфической чертой авторитетности служат не только явления действительности, но и количество упоминаемых источников: якобы эти горы являются Золотыми Воротами, из которых ожидается исход Великого духа, сведения об этом будто бы содержатся в неких записях, хранящихся в буддистских храмах Китая, Тибета и Японии.

Определенного рода ценность сведениям придает и ссылка на существовавшие в истории явления и высокий социальный статус персонажа: якобы принцесса династии Цин раз в год приплывала на о. Петрова и для

сохранения молодости и красоты умывалась водой из родника. Если легенды о женьшене включаются в Интернет-ресурсы, посвященные Приморью, то легенды о локусах Приморского края печатаются преимущественно на сайтах туристических компаний или в блогах жителей нашего края, посещавших заповедные места; это повышает привлекательность первых в глазах потребителей услуг и работает на повышение значимости вторых в глазах возможных читателей.

В этом ключе особенно популярны и многочисленны китайские этиологические легенды о чае. Они активно используются для заполнения контента Интернет-ресурсов, посвященных продаже чая, сладостей и предметов быта, связанных с чаепитием, на порталах, посвященных еде, красоте, здоровью, а также в библиотечных ресурсах. Отличительной чертой легенд о чае является стабильное заимствование из других Интернет-источников, при этом тексты могут копироваться или подвергаться обработке, причем не всегда высокохудожественной, хотя встречаются и образцы, написанные на литературном языке. Это свидетельствует о смещении (и смешении) стереотипов, связанных с устным народным творчеством: с одной стороны, печатный источник подразумевает наличие текстов на хорошем языке, но при этом ставится под вопрос принадлежность литературно обработанных текстов фонду народного творчества; с другой стороны, недостаточно хороший язык в представлении специалистов, заполняющих контент Интернет-ресурсов, служит своего рода показателем причастности цитируемых легенд фонду народного творчества. Отбор текстов в Интернет-магазинах обусловлен смешением потребления материального и духовного: имеющимися в наличии сортами чая, предлагающимися к продаже (публикуются легенды о выставленных на продажу сортах чая), а также представлениями об эстетической составляющей китайских этиологических легенд.

Легенды о чае подразделяются на три группы. В первую группу входят тексты о возникновении чайного куста и о приготовлении напитка. Во вторую группу легенд включаются тексты об открытии особых свойств листьев и об изобретении самого популярного напитка, при этом, как правило, повествуется о случайном открытии чая или же этот момент вовсе не входит в сюжетную линию. В нескольких легендах упоминается приблизительная или – реже – точная дата открытия чая. Третья группа легенд объединяет тексты, посвященные возникновению, открытию или наименованию сортового чая. Самыми популярными оказались легенды об улуне «Да Хун Пао» («Большой красный халат») и о сорте чая «Гуань-инь». Легенды о других сортах чая – «Серебряные иглы с гор Бессмертных», «Милость Дракона», «Главарь Обезьян из Тай Пин», «Белый пион», «Изумрудные спирали весны» и пр. – встречаются реже и имеют меньшее количество вариантов, чем легенды о «Да Хун Пао» и «Гуань-инь». В текстах сделан акцент на древности легенд, это должно придать им (соответственно, и рекламируемым сортам чая) в глазах читателя особую ценность. Китайские этиологические легенды о чае выступают носителями

стереотипов об определенной культурной составляющей Китая: в них содержится информация о мифологии, а также сведения о культуре чаепития и прочих элементах бытовой культуры.

Таким образом, использование китайских этиологических легенд в русскоязычных Интернет-ресурсах указывает на сложившуюся систему стереотипов, касающихся (или формируемых и оказывающих влияние посредством Интернет-ресурсов) представлений русскоязычной публики о фонде китайского народного творчества, специфике жанра китайской этиологической легенды, особенностях языка переводных фольклорных текстов, а также мифологических, бытовых и предметных реалий Китая, отраженных в легендах.

Lang Yuanzhi. The Russian influence on the food culture of the Northeast China in modern times (1858-1931)*

Лан Юаньчжи. Русское влияние на культуру питания в Северо-Восточном Китае в новое время (1858 - 1931)

As the saying goes: “Hunger breeds discontentment”. Diet is the most basic human survival needs. Food culture directly relate to the natural environment which people live, the local culture and the mode of production, and also are formed by all three factors’ interaction. In modern times, because of the cultural exchange was unprecedented in the Northeast Asian cultural circle, each nation’s culture was influence on the local culture in the Northeast China, Which the Russian culture influence on the local culture in the Northeast China was the first one. Now, Harbin also has her nick name “The Oriental Moscow”. Also in the diet, a great impact on the food culture in the Northeast China was by the Russian food culture in modern times. Today, the Russian food cultural elements can still be seen in the food culture in the Northeast China.

1. The traditional food culture in the Northeast China. In ancient Northeast China, the diet was based on the Manchu customs, except the southern region was based on the Han customs where was deeply affected by the Han culture. The Manchu’s early production methods were fishing and hunting. Affected these, the Manchu’s diet was based on meat, and eating grains and the wild plants which collected form mountains. The cooking methods were very simple, cooking, drying, baking were the main habits, no frying. Manchu people like to eat pork, They cut pork into large pieces, put into the pot boiling, cooked and fished out, cut into small pieces, dipped in a variety of condiments to eat. With the large quantity of Han Chinese migration into the Northeast China, the Manchu people eating practices are slowly changing imperceptibly, they not only changed the traditional way of eating, and gradually learned to fry, boil and other cooking techniques, but also in the diet has also

* Печатается в авторской редакции

changed, grains gradually replaced meat and occupied the dominant position. At the same time, although the Manchu diet was affected by the Han diet, but some of their nation's specialties were still being preserved, and was accepted by the Han people, and became the traditional food culture in the Northeast China. Such as: the Shandong pancake, the Steamed bread, the Steamed stuffed bun and so on came from the Han food culture, and the Folium perillae cake, the Saqima cake, the Bean flour cannelloni, the Sour noodles and so on came from the Manchu food culture, they all had already become the favorite foods in the food culture in the Northeast China.

2. The Russian influence on the food culture of the Northeast China in modern times. In modern Northeast China, the western food and food culture gradually passed into the Northeast China, the traditional food culture in the Northeast China was affected. Shenyang, Changchun, Harbin and other cities in the Northeast China had emerged the western restaurants. These western restaurants only sold dishes, also sold a variety of snacks, breads, cigarettes, wine, beverages, ice-cream, candy, canned foods and other daily foods. In western food culture, a great impact on the food culture in the Northeast China was by the Russian food culture in modern times, especially in the north region of the Northeast China. "Guangxu 26th year in Qing dynasty (1900) Ulublevsky built China's first brewery in Harbin --the Ulublevsky brewery and the first Western-style meat cans of food factory--the Churin meat cans of food factory; Guangxu 29th year in Qing dynasty (1903) the first relatively complete western restaurant in the Northeast China--the restaurant of the Chinese Eastern Railway Club opened; Guangxu 31st year in Qing dynasty (1905) the western-style beverages factory (soft drinks, yogurt, etc.) and the western-style ice-cream factory (popsicles, ice-cream, etc.) also began to appear. In the Xuantong 1st year in Qing dynasty (1909) there were three western-style ice-cream factories in Harbin, Heilongjiang region popsicles production had more than 3 million in 1938".

The Russian influence on the food culture in the Northeast China's food culture reacted on not only the type of diet, but also in everyday language. For example, the bread is called "Lieba" (хлеб), prismatic bread called "Saika" (сайка), soft drinks called "Gvass" (квас), butter called "Masila" (масло), sour cream called "Ximidan" (сметана), liquor called "Vodka" (водка), etc. At the time, these Russian words had become something convention in the Northeast China's language, also had become a kind of unique linguistic phenomenon, today, these Russian words are still in use by people in many parts of the Northeast China.

The Russian food culture spread into the Northeast China, not only enriched the local people eating species, but also changed the traditional concept of the western food culture. The local people recognized that the scientific and the specialties about nutrition, diet, and other aspects of dining of the western food, but also the Russian food culture impacted on the traditional food culture in the Northeast China to a certain extent. The city people's eating habits and diet changed according to these in many parts of the Northeast China, and this effect even continues today. But generally the traditional food culture in the Northeast China still occupied the absolute dominance in the whole modern times.

3. The Russian immigrants were the fundamental driving force in the changes on the food culture of the Northeast China in modern times. From 1858 to 1931, the Russian immigrants had continued to go to the Northeast China. The number of immigrants reached to the maximum value during the Chinese Eastern railway was constructed. After the Japanese occupy the Northeast China in 1931, these immigrants came back to settle in the Soviet Union or to other countries. A lot of Russian immigrants engaged in commerce and industry after residing in the Northeast China. In 1922, according to the Economic Research Institute of the Chinese Eastern railway statistics, in the north region of the Northeast China the Russians owned 8 in which the flour mills 31, accounting 25.8% of the total; 4 in which the wineries 7, accounting 57.1% of the total. In 1923, in the north region of the Northeast China the Russian owned vodka and alcohol factories 38, 8 in Harbin; grain brewery 4, 5 in Harbin; In Harbin, the company owned by Russians accounted for more than half.

It is because a lot of these Russian immigrants arrived in the Northeast China, through their daily diet and operation of the catering industry, brought the Russian food culture to the local food culture, thereby affecting the traditional food culture in the Northeast China in modern times. Accordingly, the Russian immigrants were the fundamental driving force in the changes on the food culture of the Northeast China in modern times.

4. The Russian food cultural elements today in the food culture of the Northeast China. The Russian food culture looks pristine and nature, in fact, it is very elegant, noble and modesty, these cultural traits is consistent with the local personality traits in the Northeast China, therefore, the Russian diet is very popular in the Northeast China. The food Culture in Northeast China today has many elements of the Russia's food culture. In many places have opened the Russian restaurants, Russian cafe, cold drinks rooms and bars, there are all Russian-style. The Russian sausage, "Lieba" bread, Russian vodka are more popular in China, are the food that people frequently purchased in their daily lives.

The Russia's food culture is the largest influence compared to other Russian culture on the modern Chinese culture in the Northeast China, it is not only an important part of the Northeast Asian Culture, but also representatives of the folk cultural exchanges between China and Russia, and significantly deep the friendship between China and Russia.

Мишукова О. В. Сайгё – японский поэт, монах, философ

Mishukova O. Saigyo – a Japanese poet, priest, philosopher

Сайгё (подлинное имя – Сато Норикиё, 1118–1190) – создатель стихов *танка*, один из известнейших поэтов средневековой Японии. Поэт глубоко переживал общественные конфликты и много писал об этом. Возможно, явившись непосредственным свидетелем бесчеловечности в эпоху огромных потрясений, смены власти и междоусобных войн, он написал стихи о

буддийском аде. Став монахом, бывший самурай понял и объяснил связь между религиозной традицией и социальным хаосом, показав, таким образом, насколько сильные страсти могут заключаться в обетах монаха.

Отец поэта принадлежал к аристократическому военному роду ветви Сато, берущей начало от Фудзивара-но Хидэсато, который в годы смуты Дзёхэй и Тэнгё, относящихся к числу самых драматических эпизодов в истории Японии, сыграл решающую роль в подавлении восстания на северо-востоке страны, разбив войска Тайра-но Масакадо, провозгласившего себя Новым Императором.

В самом начале жизни Норикиё хотел следовать семейной традиции. Он писал в своих стихах о ранних увлечениях и мечтах участвовать в конкурсах, известных как *ябусамэ*, в которых лучники, сидя на лошади, несущийся с бешеной скоростью, стреляли из лука, попадая в цель. В юношестве Норикиё был высоко оценен за исключительные способности в конном виде спорта *кэмари*. В восемнадцать он становится капитаном имперской гвардии *хокумэн но буси* (личная охрана) экс-императора Тоба. Помимо военных искусств, члены Северной стражи обучались поэзии, игре на музыкальных инструментах и считались компаньонами императора.

Ему было двадцать три года когда он принял решение перестать быть воином и встал на путь монашеской жизни.

Сайгё жил в период, когда одной из главных черт общества было становление военного правительства и появление военизированной культуры. Гражданская война в средневековой Японии, в ходе которой погибли многие друзья поэта, привела к установлению первого в истории Японии сёгуната. Император Тоба, ставший в 1129 году экс-императором-монахом, отказался от борьбы с кланом Фудзивара, и стал активно признавать новые владения за феодальными домами. В результате императору удалось стать крупнейшим землевладельцем в стране, однако это укрепило экономическую базу феодальных домов, открыв путь к дальнейшей децентрализации власти. Особенно преуспел в собирании земель дом Тайра. После смерти Тоба в столице началась междоусобная борьба за власть — Смута Хогэн (1156) и Смута Хэйдзи (1159) — в которой решающую роль сыграли Тайра во главе с Киёмори. А после этого в 1185 г. глава клана Минамото – Ёритомо, разбил Тайра и установил военное правительство (*бакуфу*), в г. Камакура.

Война Гэнпэй (1180—1185) и последующие битвы привели выживших к прочно укоренившемуся чувству непостоянства мира. Буддизм обещал мирские выгоды, будущее спасение, чувство опоры среди беспорядков и неопределенности. Возросло не только влияние буддийских сект, усилилось и влияние синто — веры в местных богов *ками*. Возрастание популярности буддизма и культа местных богов привело к вере в *хондзи суйдзюку*, согласно которой синтоистские боги были местными проявлениями (*суйдзюку*) первоначальных будд (*хондзи*). Буддизм оказал влияние и на жизнь Сайгё.

На протяжении всей жизни Сайгё продолжает писать стихи *танка*. Более всего известна его поэзия о странствиях, уединении, сакуре и луне. Он совершал путешествия в Митиноку на северо-восток Хонсю, а также на Сикоку. Философская лирика с преобладающей темой бренности бытия, собрана в авторской антологии «Горная Хижина» под рубрикой «Разные песни». Для них характерен свой набор поэтических приемов, образов и лексики. Во время путешествия на Сикоку, Сайгё посетил места памяти Кукая¹. В горах, где когда-то жил Кобо дайси, в хижине, сплетенной из трав, глядя в направлении моря он сложил следующее пятистишие:

浪のうつをとをつつみにまかふれは入日のかけのうちにゆらるる

[Ошибка! Источник ссылки не найден., № 1447 с.6]

Кумори наки яма

Безоблачные горы окружили море.

Нитэ уми но

Я вижу отраженный

Цуки мирэба

Лунный свет во льду:

Сима дзо коори но

В нем острова зияют

Таэма нарикэри

Вечной тьмою.

Это стихотворение не только красиво, но и отражает Абсолютную правду буддизма в символах.

Сайгё находится достаточно высоко и его взгляд направлен вниз, на массив мелких островов. Непревзойденная яркость Луны создает необычайную прозрачность воды. Поэт не столько описывает естественную красоту, сколько превращает увиденное в видение: рождение идеи из мандалы природных форм. Это стихотворение можно назвать «метафизическим». В *танка* Сайгё восприятие пространства – субъективный фактор, где максимальная интенсивность субъективного ощущения, вызвана объективным явлением. При этом, между объектом и ощущением совсем нет пропорционального соотношения, оно совершенно несоразмерное и произвольное. Из этого возникает, с одной стороны, для объекта – чувство полного обесценивания, с другой стороны, для субъекта – иллюзорное восприятие действительности. Сайгё выражает буддийскую идею единства Формы и Пустоты. Когда он смотрит на море, луна отражается, освещая поверхность воды прозрачно-белым цветом, и в ней появляются острова как сгустки тьмы, которые кажутся не выпуклыми, а вогнутыми. Их темный силуэт в пространстве моря делает их похожими на дыры. Внешне плотные формы островов становятся пустыми, тогда как текучая вода становится плотной. Слово *таэма*, использованное в последней строке для обозначения тьмы, также относится к буддийской идее пустоты.

Время, напротив, появляется как следствие перехода границы бытия. Вещь, как отражение пространства, прекращая существование в нем, обретает

¹ Кукай, создатель буддийской эзотерической школы Сингон, к которому он испытывал глубокое уважение и называл «Кобо дайси» (Великий Учитель Кобо)

существование во времени, поэтому пространство может трактоваться как порождение времени. Однако, согласно буддийскому учению, абсолютным существованием является существование по ту сторону пространства и времени, где кажущееся двойственным становится всеобщим единством. Следуя этой идее, философы Сингон считали, что «мир Будды», как и сознание, пронизывает все миры и объединяет их в себе, поэтому в «мире Будды» скрыт «мир ада» (и все остальные «миры»); «мир ада», в свою очередь, несет в себе «мир Будды» (как и другие восемь «миров»).

В этой танка поэт отобразил идею единства изменчивости и неизменности. В китайской Книге Перемен («И цзин») сказано, постоянство заключается в изменении и означает, что само изменение постоянства происходит по неизменному пути – вращению по кругу. Постоянство – в законе Середины, удерживающей мир в равновесии. Мир видимый есть процесс, мир невидимый есть покой; реален не столько вещный, феноменальный мир (то, что есть, непременно исчезнет). Все соотнобразуется с природным ритмом: Солнце уходит, луна приходит. Луна уходит, солнце приходит.

Сайгё видит мир как путь, как глубоко религиозную практику, которая отражает и воплощает путь Абсолюта, его проявление в непостоянных формах природы.

Песня является примером того, как поэт может выхватить из контекста жизни мгновение, и рассмотреть его во всех деталях. Его цель – выпасть из движущегося времени и перейти в безвременье. Однако обращенность к природе в ее действительных проявлениях делает его поэзию доступной для понимания, в ней сосуществуют узнаваемое, явное и тайное, сокрытое. Это пятистишие отражает философские категории пространства и времени в японской литературе средневековья.

Мищук С.Н. Предпринимательская деятельность мигрантов на юге Дальнего Востока России

Mishcnuk S. Migrant entrepreneurship in the South of the Russian Far East

Предпринимательская деятельность является одной из возможных форм самозанятости мигрантов. По нашему мнению, этническое предпринимательство может рассматриваться в двух аспектах: в широком и узком. В широком смысле подразумевается ведение предпринимательской деятельности резидентами или нерезидентами страны, имеющими опыт миграции. В узком смысле, предпринимательская деятельность будет носить элемент этничности, если сам организатор бизнеса является мигрантом (или потомком мигрантов), привлекает в качестве рабочей силы иммигрантов и основная доля производимой им товаров и услуг ориентирована на представителей отдельной этнической группы. В большинстве случаев

российские исследования этнического предпринимательства основаны на первом подходе.

В развитых странах происходит учет доли самозанятых мигрантов по отношению к доле самозанятых среди местного населения. Проводить такой учет возможно при регистрации иммигрантов как иностранных граждан или учете их национальной или гражданской идентичности. В российской практике учет этнических предпринимателей не ведется. Оценку их роли в принимающем сообществе можно оценить лишь используя «неформализованные» методы исследования (опросы, наблюдения, и т.д.).

В 2013 г. в рамках гранта «Миграционные процессы и формирование этнического предпринимательства на юге Дальнего Востока России» нами проведен экспертный опрос этнических предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в южных субъектах Дальнего Востока России (ДВР). Цель исследования заключалась в выявлении роли этнического предпринимательства в процессе адаптации мигрантов в принимающих сообществах южных регионов ДВР. Исследование основывалось на серии проблемно-ориентированных интервью с предпринимателями, являвшимися представителями различных этнических общин южных регионов ДВР.

Место для разговора определялось респондентами и чаще всего они предлагали свой офис. Исходя из того, что содержание вопросов для интервью было лишь основным направлением для беседы, их продолжительность и структура с каждым предпринимателем была оригинальной и отличалась от других. Выбор респондентов осуществлялся по принципу «снежного кома», что являлось единственно возможным способом выхода на доверительную беседу. Всего проведено 21 интервью, общая продолжительность которых составила 15 часов 13 минут. В опросе участвовали мигранты первого (непосредственно иммигрировали в Россию) и второго поколения (родились в России, но хотя бы один из родителей иммигрировал в Россию).

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что этническое предпринимательство на ДВ России не является анклавным явлением, ориентированным лишь на «узкий круг» этнического меньшинства. Созданные предприятия ориентируются на широкий круг потребителей, включающих представителей разных этнических групп. На наш взгляд, создание «закрытых этнических» товаров или услуг на ДВР осложняется узким рынком сбыта такой продукции. Несмотря на высокие темпы миграционного прироста из стран СНГ, иммигранты проживают достаточно разрозненно, что не дает возможности ориентироваться лишь на «этнический» спрос.

Для Дальнего Востока характерно формирование двух видов этнического предпринимательства: созданного выходцами из стран Дальнего зарубежья (в основном из Китая) и иммигрантами из стран СНГ. В первом случае, отмечалась финансовая поддержка при организации бизнеса (в первую очередь со стороны имеющейся системы кредитования в КНР). В случае с иммигрантами из СНГ

поддержка касалась социального капитала (трудовые этнические ресурсы), помощи в решении организационных вопросов [1].

В целом содержание ответов на вопросы интервью было схожим для обозначенных групп.

Если говорить о статусе предпринимателей мигрантов, то они в целом имеют то же положение в обществе, что и предприниматели из «местных». Статус мигранта определяется не столько его предпринимательской деятельностью, сколько теми связями и положением, которое он занимает в обществе. Они стремятся поддерживать связи с органами власти, что позволяет решать ряд вопросов по приобретению гражданства, оформлению необходимых документов и т.п. Кроме того, такое положение дает возможность лоббировать свои интересы.

Большинство предпринимателей рассматривают себя своими на территории Дальнего Востока России, называют ее Родиной, а место своего рождения – исторической Родиной. В целом, нельзя сказать, что респонденты культивируют и всячески подчеркивают свою этническую принадлежность. В бизнесе данный фактор не оказывает решающего значения, поэтому здесь все играют по одинаковым правилам. «Ну, партнер и партнер. Это неправильно, что ты русский, а я - китаец». (Китаец, 37 лет, ЕАО). В то же время у них сохраняется ощущение чужака. Растворения в российском обществе не происходит. Молодое поколение более спокойно реагирует на межэтнические связи и их значение, более толерантно относится к особенностям взаимодействия отдельных национальностей (армяне и таджики). «Мне все равно кто. Я вон хожу в армянский ресторан с друзьями. Хороший ресторан. Мне отец говорит: «Чтоб тебя там не было!» Это у них какой-то конфликт, а у меня друзья разные» (Азербайджанец, 25 лет, Амурская область).

Стратегии мигрантов в отношении бизнес-практик первоначально строятся на родственных связях. Впоследствии мигранты выбирают более жизнеспособный прибыльный вид деятельности, при этом нет каких-либо ограничений в выборе вида бизнеса. Причина смены вида бизнеса – его нерентабельность. «В мире нет ничего постоянного. В 1990-е годы быстро все менялось. Было выгодно рыбой торговать, возить ее из Владивостока. Потом транспортные выросли, и все» (Армянин, 38, Приморский край).

Все респонденты отметили, что, говоря о предпринимателях, не имеет значения их этническая принадлежность. Данная категория играет роль на первом этапе вхождения в новое принимающее сообщество, где необходима поддержка родственников при поиске места проживания, места работы, оформления необходимых документов. По прошествии некоторого времени, мигранты начинают решать свои проблемы самостоятельно и обращаются к землякам уже не за помощью, а с целью пообщаться со своими, отметить национальные праздники. «Мы в России работаем. Мы всегда вместе (*люди из фирмы - автор*). Мы же друзья. Если вы хотите создать свое место, то уважайте традиции, культуру. Если ты им дал уважением, то и у вас работа будет. Если вы

по-китайски хотите жить, то и живите в Китае» (Китайка, 43 года, Амурская область).

В заключение отметим, что в большинстве случаев предприниматели-мигранты не заинтересованы в подчеркивании своей «этничности», более того, для них характерны общие принципы ведения бизнеса, в том числе и нарушение российского законодательства. Каждый из мигрантов согласился бы с мнением, что «... любой предприниматель в России – это и белый и черный. Тут российского гражданина оформляешь не на всю сумму, потому что если его оформлять на всю – это разорительно. А иностранцев...» (Армянин, 40 лет, Приморский край).

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, МК-4317.2013.6

Оголихина М.Ю. История становления и развития ночных игр: ночная игра «Энкаунтер» как элемент межкультурной коммуникации

Ogolikhina M. *The history of appearance and development of the night games: night game «Encounter» as an element of intercultural communication*

Ночные игры представляют собой не только деятельность, формирующую мировоззрение, характер и модель поведения участников, но и являются новым способом осуществления межкультурной коммуникации.

Совокупность статей в сети Интернет, периодической литературе, материалы сюжетов телевизионных программ новостного, развлекательного и познавательного характера раскрывают содержательный аспект ночных игр, но не дают научного анализа проблемы. Кроме того, в зависимости от позиции автора они зачастую отличаются однобокостью подхода, апологетического, зачастую рекламного, либо осуждающего. Многие проблемы, такие как взаимодействие понятий «ночные игры» и «межкультурная коммуникация», ранее не изучались. Эти факты позволяют определить проблему ночных игр в контексте современной культуры как недостаточно изученную и обуславливают необходимость научно-концептуального рассмотрения и теоретической разработки феноменологии ночных игр.

На данный момент существует несколько десятков определений понятия «игра». Слово «игра» для разных людей наделено различными смыслами, содержанием и значениями. Специфический объект изучения, каким является игра, длительное время не получал широкого признания в научном сообществе. Связано это с тем, что явление, непосредственно не связанное с борьбой за существование отдельного человека, обычно не причисляется обществом к задачам первостепенной важности. Отсутствие серьезного интереса к исследованию игры имеет, таким образом, историческую основу в самом характере человеческой общности с ее первостепенным уважением к производительному труду, к рациональности, практичности, науке в целом и

относительной легковесности в отношении к игре, иррациональности, досугу и развлечениям вообще.

Многие исследователи вообще не утруждают себя определением понятия игра, считая его само собой разумеющимся, ясным и однозначно воспринимаемым явлением. Другие же ограничиваются кратким перечислением самых общих и поверхностных признаков или определяют ее метафорически. Третьи отмечают большую сложность выявления тех аспектов, которые делают игру игрой.

В статье мы рассмотрим специфическую категорию игр, т.н. ночные (поисковые) игры – командные или одиночные игры на местности с элементами городского ориентирования, проводящиеся преимущественно в ночное время. Следует отличать ночные поисковые игры от «городских игр» как категории ролевых игр живого действия (движение «ролевику»).

Отдельные проекты ночных игр имеют общие и специфические правила и формы проведения. В игре принимает участие несколько команд, состоящих из одного или нескольких экипажей (автомобили с полевыми игроками) и штаба.

На сегодняшний день не существует единого определения и названия для подобных игр. Выделяют следующие варианты названий: городские поисковые игры, ночные экстремальные игры (от организаторов игрового проекта NightFest), активные городские игры (от организаторов Encounter), ночные игры (от организаторов игры DozoR), автоквест (от организаторов Автоквест), городские игры (от авторов игры QuestCentral), а также экстремальный квест, городской квест, спортивно-интеллектуальные игры, любительские спортивно-интеллектуальные гонки, интерактивные городские игры и т.п.

Ввиду неопределенности понятия, в настоящей статье мы используем как равноправные такие термины как «ночные игры», «квест», «активные городские игры». Все эти термины в той или иной мере отражают специфику данной формы досуга, однако ни один из них не утвердился в качестве господствующего и общепринятого, и каждый из указанных терминов оставляет за своими пределами часть форм популярных игровых проектов, и в то же время является чрезмерно широким.

Свое происхождение ночные поисковые игры ведут от проекта «Игра» («The Game» (англ.)), организованного в 1973 г. в г. Лос-Анджелесе Д. Ласкином и П. Карлайлом. Суть игры заключалась в решении головоломок, решая которые необходимо было передвигаться по городу в течение ночи.

Наиболее популярным и коммерчески успешным является проект Encounter (от англ. Encounter – «столкновение», «случайная встреча», «первый опыт»)) – международный игровой проект, существующий с 2004 г., объединяющий разнообразные ночные игры.

Игры под брендом «Энкаунтер» проводятся в России, Украине, Беларуси, Азербайджане, Венгрии, Германии, Грузии, Казахстане, Латвии, Литве, Польше, Китае, США и других странах. На данный момент в сети активных городских

игр (ночных игр) «Энкаунтер» зарегистрировано 316 игровых доменов в 22 странах мира. Только в России зарегистрировано 180 игровых доменов

На сегодняшний день невозможно определить точное количество действующих и закрытых проектов, организующих ночные поисковые игры и близкие к ним мероприятия. Тем не менее, очевидно, что ночные игры в короткие сроки пережили период возникновения, относительно широкого распространения и, вместе с тем, спада, связанного с ограниченностью игрового пространства.

Несомненной представляется принципиальная общность ночных игр: все они включают интеллектуальные, актерские, ролевые, творческие уровни, элементы экстрима. На всех игровых проектах действуют правила честной игры, часть из которых закреплена в правилах, другие существуют негласно. Правила честной игры схожи с общепринятыми спортивными правилами и затрагивают взаимоотношения между игроками, игроками и авторами городских игр, между участниками и жителями населенного пункта, представителями власти и т.п.

Игра, как правило, четко не отделена от окружающей практической жизни, существуют переходные формы от игры к труду, искусству, спорту. Такому широкому представлению о природе игры как нельзя лучше соответствует сущность ночных игр, с характерным для них агонистическим элементом, ориентацией на процесс, неутилитарным характером и т.п.

С целью исследования ночной игры «Энкаунтер» как элемента межкультурного взаимодействия, было проведено анкетирование пользователей глобальной сети Интернет. Целевой аудиторией опроса являются участники ночной игры «Энкаунтер». В анкетировании принял участие 191 респондент.

Проанализировав результаты, мы можем утверждать, что ночная игра «Энкаунтер» является для игроков не только способом удовлетворить свои потребности в развлечении и отдыхе, но и несет в себе нечто большее, в частности способствует развитию коммуникативных навыков участника, его умственного и физического уровня развития. Подавляющее большинство опрошенных отмечают, что их круг общения значительно расширился именно благодаря участию в ночных играх. Ответы респондентов позволяют нам сделать вывод, что ночная игра «Энкаунтер» оказывает огромное влияние на развитие данного навыка, т.е. влияет на развитие личности, на ее инкультурацию в обществе. Следует отметить, что коммуникация не ограничивается собственно игровым пространством. Признавая существенные изменения молодежного досуга, которые базируются на новой форме реальности, новом информационном поле, пространстве общения в сети Интернет, можно отметить формирование широкого коммуникативного поля, в которое оказываются включены в той или иной мере все представители игрового сообщества экстремальных ночных игр. Общение игроков выходит далеко за рамки чисто игровых взаимодействий, формируя своеобразную общность.

Так же данные, полученные в ходе опроса, подтверждают, что ночная игра «Энкаунтер» является многонациональной игрой и носит международный характер, включает в себя активную рекреацию, неформальное общение, индивидуальное потребление ценностей культуры, все это позволяет выделить консолидирующую функцию игры.

Раскрытие природы и структурных особенностей ночных игр позволит заполнить ряд теоретических пробелов и создать условия для дальнейших научных разработок в этой области.

Хорошайло А. Ю. Деятельность организаций по сохранению национального самосознания соотечественников, проживающих на территории Китая

Khoroshajlo A. Organization's activities aimed at keeping national identity of compatriots living in China

В современный век глобализации границы между нациями и культурами начинают постепенно размываться. В этой связи, одной из масштабных межнациональных площадок консолидации различных групп людей, выходцев из любых уголков земного шара, становятся страны АТР.

Понятие «Русские в Азии» становится всё более употребляемым за последние годы. Одним из самых популярных направлений для эмиграции россиян в восточном направлении является Китай. По данным официальной статистики за период с 2008 по 2012 гг. из России на постоянное место жительства в Китай эмигрировало 5223 человека. По предварительным данным на 2013 г., число выбывших составило 6550 человек, что превышает показатель предыдущих пяти лет. Кроме того, в настоящее время в Китае постоянно проживает более 10 тысяч граждан России и около 18 тысяч потомков русских эмигрантов, которые являются гражданами КНР.

Живя длительное время на территории иностранного государства, россиянам требуется поддержка со стороны своих соотечественников за рубежом. Если коснуться темы национального и культурного объединения русскоговорящих в Китае, то в этом направлении функционируют несколько организаций, осуществляющих свою деятельность во многих крупных городах и провинциях, связанных между собой.

С начала 2000-х годов, в крупных городах Китая — в Шанхае, Пекине, Харбине, Гонконге и некоторых других, были открыты так называемые «Русские клубы». Инициативные группы, проанализировав новые тенденции, пришли к выводу, что для сплочения русскоязычной общины нужна идея, объединяющая соотечественников, мероприятия, в ходе которых будет происходить обмен опытом, тесное общение и обсуждение насущных проблем общины. «Русский клуб в Шанхае» является самым первым, а также наиболее крупным. Его деятельность началась в 1998 г. по инициативе группы российских граждан, и стала катализатором создания подобных объединений в

других регионах Китая. Клубами накоплен значительный опыт проведения мероприятий культурного характера, ведения научной работы, поддержки соотечественников, попавших в сложные ситуации. Работа Клубов ведется в основном благодаря энтузиазму его членов, и существует на спонсорские отчисления. В 2002 г. при участии Клубов был создан ресурс «Восточное полушарие» - самый крупный портал Рунета, посвященный жизни в Китае.

В середине 2000-х годов возникла необходимость в координации объединений соотечественников для более функционального взаимодействия между ними. 18 мая 2007 г. был сформирован Координационный совет соотечественников в Китае (далее КССК). Он был создан с целью укрепления взаимодействия между русскоязычной диаспорой и исторической Родиной, для сохранения этнокультурной самобытности проживающих в Китае соотечественников, защиты их прав, консолидации в интересах создания духовно-культурного русскоязычного пространства, а также для координации объединений соотечественников в Китае. Идея создания КССК пришла из Москвы, поэтому на проведение мероприятий выделяются деньги из российского бюджета. Если «Русские клубы» объединяют всех русских в Китае, то КССК – руководителей этих клубов.

С момента, когда в мае 2007 г. в российском посольстве в Китае состоялась первая конференция в рамках учреждения КССК, они собираются каждый год. На конференциях в основном обсуждаются перспективы взаимодействия соотечественников; проблемы образования и воспитания несовершеннолетних. Большое внимание уделяется охране русского исторического наследия в Китае и сохранению русского языка как средства самоидентификации. По возникающим юридическим проблемам создан интернет-справочник «Скорая юридическая помощь в Китае» для понимания законодательства страны пребывания. В декабре 2013 г., в преддверии 20-летия принятия Конституции Российской Федерации в Российском культурном центре в Пекине на круглом столе на тему: «Конституция Российской Федерации и защита прав соотечественников в Китае», было принято решение о создании полноценного Центра правовой поддержки.

В 2010 - 2011 гг. КССК поддержал идею по приведению в надлежащее состояние захоронений, памятников и памятных знаков, сохранившихся на русском кладбище в пригороде Харбина.

Проводились и другие мероприятия по патриотическому воспитанию. Одним из них является ежегодная акция «Георгиевская ленточка в Китае», с целью популяризации интереса к российской истории.

Кроме того, тесно сотрудничая с потомками русских эмигрантов, КССК выступил с инициативой о проведении конференции "Владивосток — точка Возвращения», для собирания свидетельств о судьбах русской эмиграции. Эта идея нашла поддержку руководства ДВФУ.

Вместе с тем, существует ряд проблем адаптации русскоязычной диаспоры в Китае.

Во-первых, на территории Китая затруднена регистрация иностранных общественных организаций. Это возможно в случае наличия у китайских властей непосредственного интереса, либо после согласования процесса на государственном уровне.

Во-вторых, в настоящее время актуальна проблема сохранения русского традиционного образования в Китае. Учреждений, способных удовлетворить требования в обучении по российским образовательным стандартам в стране недостаточно, школы при посольстве и консульстве России в Пекине и Шанхае способны принять лишь малую часть желающих. Вследствие возрастания численности детей, возникают новые формы обучения русскому языку. Возможность аттестации учеников частных школ становится затруднительной. Появляется необходимость в контроле над стихийно возникающими учебными заведениями и их деятельностью.

В-третьих, положение православной церкви в Китае остается сложным, хотя в последние годы отмечается положительная динамика в этом вопросе. Визит Патриарха Кирилла в мае 2013 года положил начало грядущим переменам. Кроме того, в крупных городах Китая богослужения уже в течение нескольких лет проводятся регулярно. КССК выступает за более глубокое сотрудничество с РПЦ. Образ церкви традиционно объединяющий, но сегодня скорее в социальном аспекте, нежели религиозном.

Также стоит проблема сохранения памяти о восточной ветви русской эмиграции. На территории большинства русских кладбищ в Китае были похоронены известные деятели эмиграции, и памятники многим из них не сохранились. КССК разрабатывает идею установления мемориала в Харбине, который мог бы стать свидетельством уважения потомков к эмигрантам первой волны.

В завершении отметим, что соотечественники, проживающие в Китае, сталкиваются с рядом проблем, как юридических, так и социальных, но общественные объединения стремятся создать благоприятные условия существования россиян на территории Китая, понимая и принимая тенденции, навеянные глобализацией. Важнейшей задачей остаётся сохранение национальных истоков и традиций путём сотрудничества внутри диаспор. На поиск путей решения данных вопросов и будет направлена дальнейшая работа объединений соотечественников на территории Китая.

Хуан Лу. Повседневная культура китайских студентов в ДВФУ

Huang Lu. Everyday culture of Chinese students in FEFU

Многие исследователи отмечают, что проникновение в повседневность с целью её изучения и анализа представляет собой серьезную трудность. Все здесь кажется знакомым и само собой разумеющимся. Повседневность проявляется в разных средствах массовой информации, в телевизионных передачах, в

различных формах Интернет-коммуникаций. Культура повседневности проявляет себя в таких специализированных формах культуры как наука, искусство, религия, философия, политика, право, мораль. Эту культуру можно описать с помощью понятий: социум, быт, нравы и обычаи, ритуалы и привычки, стиль, традиция, а также «жизненный мир».

Австрийский социолог и философ А. Шюц считает, что повседневность – это один из миров опыта, для которого характерны следующие черты: а) бодрствующее напряженное внимание к жизни; б) воздержание от всякого сомнения в существовании мира; в) преобладающей формой активности является трудовая деятельность.

Н.Н. Козлова отмечает, что в рамках классических подходов к изучению культуры повседневности повседневность полагается низшей реальностью, значением которой можно пренебречь.

Обычно граница между обыденной культурой и культурой повседневности не устанавливается, для большинства исследователей - это синонимы. Однако М.В. Луков предлагает под «обыденной культурой» понимать ту сферу культурной жизни, которая связана с бытом и обыденным сознанием. Под «культурой повседневности» – весь объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас. Мы будем считать понятия «обыденная культура» и «культура повседневности» синонимами.

В последние годы вырос спрос на талант, многие люди предпочитают учиться за границей. По данным опроса, проведенного в Китае, с 2008 года ежегодный рост доли числа обучающихся за рубежом составляет 24-27%. Общее количество обучающихся за рубежом в 2010 году достигло 28470000, из них многие молодые люди для продолжения своего образования выбирают Россию. В ДВФУ также существует группа таких студентов. Они приехали из разных городов Китая. Эти студенты сначала путешествовали, но восприняли традиционное образование в России. Однако в связи с существенными различиями в культуре и языке, их ожидали большие изменения в жизненных привычках.

Для китайского народа, как правило, большую роль играют одежда, питание, обыденная жизнь и возможность передвигаться. Попытаемся сравнить условия жизнедеятельности китайских студентов, проживающих в России с условиями их проживания в Китае и попытаемся установить, в чем наблюдается разница.

Во-первых, это одежда. По сравнению с Китаем во Владивостоке наблюдается очень долгая холодная зима. Таким образом, китайские студенты вынуждены носить тёплую одежду. Весна и лето во Владивостоке очень короткие. Стиль одежды является относительно простым, практически все привозится с собой из Китая.

Во-вторых, это питание. Как мы все знаем, Китай является страной, которая имеет пять тысяч лет своей истории и культуры. Аналогично, такую же

долгую историю в Китае имеет и культура еды, смена которой вызывает очень большой стресс. Так что для китайских студентов разница в питании является очень ощутимой. В китайских университетах существуют много столовых и ресторанов. Обычно рядом с университетами существует специальная улица – Снэк-стрит, где можно найти закуски из всех частей Китая и разных стран мира. Это позволяет студентам колледжа выбрать то, к чему они привыкли. Студенты могут насладиться своими любимыми блюдами. Но в России, в связи с различиями в привычках в еде, многие китайские студенты не хотят ходить в столовую или в ресторан. У нас остается только возможность – пойти на китайский рынок, а затем готовить в общежитии себе еду из собственных закупленных продуктов. Но, к сожалению, среди студентов есть много людей, которые не умеют готовить. Поэтому им приходится всегда есть лапшу.

В-третьих, это условия проживания в общежитии. Обычно в Китае живут по 6 или 8 человек в одной комнате. А в России в одной комнате обычно живут 2 или 1 человек, и зимой в комнате очень тепло. И 24 часа в кранах есть горячая вода, и 24 часа доступно электричество. В китайских университетах таких условий нет.

И последнее, это возможность ходить, передвигаться. Условия для осуществления передвижения в России и Китае почти одинаковы. Для своих передвижений китайские студенты останавливают свой выбор на автобусе или метро. И только меньшинство студентов водит собственную машину.

Кроме того, есть много и иных культурных различий. Например, в Китае студенты называют преподавателя только по фамилии, добавляя слово «преподаватель». А в России преподавателя зовут по имени-отчеству. Так в России проявляется уважение к преподавателю. Но в Китае назвать только имя преподавателя – это означает проявить неуважение к нему.

Таким образом, национальная культура оказывает влияние на восприятие, мышление, поведение всех членов общества и определяет их принадлежность к данному обществу. Поведение людей, принадлежащих к другим культурам, вовсе не является чем-то непредсказуемым, оно поддается изучению и прогнозированию. Понять друг друга и национальные культуры друг друга, осуществить поиск общего при наличии разногласий является гарантией постоянных межкультурных коммуникаций.

Цзя Хуэйминь. Общее понятие китайской традиционной культуры

Jia Huimin. General concept of Chinese traditional culture

Китайская традиционная культура – это национальная культура, которая образовалась в результате развития китайской цивилизации. Она отражает национальную самобытность и внешние особенности китайцев, включает разные идеологические теории и концепции, возникавшие в национальной истории. Это – культурная кристаллизация китайской нации на протяжении

тысяч лет своего исторического развития.

Можно указать примечательные особенности традиционной китайской культуры:

- В истории китайской традиционной культуры были короткие промежутки, когда традиционная культура прекращала свое развитие, и были промежутки, когда культура менялась, но не так сильно. В основном культурные традиции сохранялись. Эта культура передавалась из поколения в поколение.

- Китайская традиционная культура отличается от других национальных культур мира.

- Китайская традиционная культура имеет долгую историю. Она насчитывает почти 5000 лет.

- Эта культура является богатейшей по своему содержанию и глубокой по смыслу.

Содержание традиционной китайской культуры представлено многими ее областями. Центральное место занимает философия – конфуцианство, даосизм, буддизм и др. В качестве основных примеров, иллюстрирующих содержание традиционной китайской культуры, можно назвать музыкальный инструмент «цинь», шахматы, живопись, картины, традиционные праздники, традиционную китайскую литературу, китайскую поэзию, китайскую оперу, музыку, архитектуру, иероглифы, медицину, религиозные учения, народные искусства, местные обычаи, костюмы, музейные редкости, китайскую диету и кулинарию, мифы и легенды, веру в оборотней и чертей, китайские парные надписи, ритуалы, культуру напитков и т.д.

Современная концепция китайской традиционной культуры включает три составляющих: Китай, традиция, культура. Ее самой главной характеристикой является национальность (государственность) и этнос. Китай – это колыбель национальной культуры. В древности народ Хуася (4000 лет до н.э.) создал страну в долине реки Хуанхэ. Сами Хуася считали, что находятся в середине мира, поэтому и назвали страну Китай (слово «Китай» обозначает «серединная страна»). Со времен династии Юань (1279-1368) Китай объединил всю территорию своего господства.

Основанием современной китайской традиционной культуры служат традиционные культуры 56 наций, населяющих страну. За долгие годы вместе с расширением территории и развитием китайского общества между разными народами укреплялись связи, все элементы национального сообщества стали более тесными. В настоящее время название «Джонхуа Миньцу» (китайская национальность) стало общим названием всех национальностей на территории Китая.

С точки зрения культурной социологии, «традиция» – это социальные исторические факторы, которые имеют свои характеристики и передаются из поколения в поколение. Например, это идеология как этика, обычаи и привычки, литература и искусство, правила и нормы и другие составляющие, передающиеся из поколения в поколение. Стоит отметить, что культура как

идеология постоянно находится в процессе становления и отбора. Поэтому не все культуры в историческом развитии могут называться традиционной культурой. Мы называем традиционной культурой культуры, собирающие, сохраняющие и продолжающие определенные традиции, которые имеют важное историческое значение и жизнеспособность. Традиционная культура – это кристаллизация истории, но она не просто экспонат музея, а имеющая собственную жизнеспособность вещь.

В науке существуют разные точки зрения о содержании китайской традиционной культуры. Одна школа считает, что традиционная культура сложилась и развивалась в процессе долгой истории, это культура сформировалась и развивается на протяжении более 3-х тысяч лет, начиная с периода Чжоу и Цинь (XI в. до н.э. - 206 г. до н.э.). Представители другой школы считают, что традиционная культура развивается до сих пор. В соответствии с еще одной концепцией, «традиционная культура – это устойчивое ядро, укоренившееся в своем национальном грунте, но в то же время – это динамичное ядро, это смешанный процесс между прошлым и настоящим, когда новое мышление и свежие идеи разных периодов проникают в это ядро». Некоторые ученые полагают, что традиционная культура отражается не только в стилизованной теории, но и широко выражается в обычаях, привычках, способе жизни, психологической характеристике, эстетическом интересе и ценностных представлениях и т.д. Китайская традиционная культура не только представляет китайскую культуру феодальной эпохи, но современную культуру. Другие ученые считают, что китайская традиционная культура – это широкое соединение разных культур.

Культура разных этносов возникла и развивалась в разных географических и экономических условиях, в разных структурах общества, а потому содержит разные характеристики.

Общий характер географической среды повлиял на развитие китайской культуры следующим образом:

1. Сложность и различия географической среды отразились на богатстве и разнообразии китайской традиционной культуры.
2. Географическая среда сформировала закрытость и независимость китайской традиционной культуры.
3. Географическая среда сформировала непрерывность китайской традиционной культуры.
4. Особенности сельскохозяйственной среды повлияли на формирование традиционной культуры, которая стала основой сельскохозяйственной цивилизации.

Экономические основы китайской традиционной культуры – сельскохозяйственная экономика и кочевая экономика.

Характеристики сельскохозяйственной культуры:

1. Люди живут стабильно, в дружбе и согласии, психология оборонительная, не почитают насилие (войну), любят мир.

2. Земля, как основание стабильности, привязанности к родине, обладает свойством сплоченности и сдерживания.

3. Людей отличает трудолюбие, практическая сторона дела, сами производят все необходимое, не просят помощи, мирятся с создавшимися условиями.

4. Живут закрыто, упрямо цепляются за старое.

Характеристики кочевой культуры:

1. Находятся в постоянном движении, прокладывают путь вперед.

2. Людей отличают мужество и сила, предпочитают насилие (войну).

3. Расширяют территорию и воюют.

4. Территория постоянно меняется, культуре не хватает стабильности.

Противоречие между указанными культурами постоянно приводят к войне, способствуют сильным катастрофам. Но это – только одна сторона развития китайской национальности и китайской цивилизации. Другая, самая главная, сторона – в совместном историческом развитии сельскохозяйственных и кочевых народов, в развитии способов передвижения, обмене товарами, в смешанных браках, дипломатических сношениях и других политических, экономических и культурных путях взаимодействия. Между двумя культурами был диалог и культурный обмен, эти культуры дополняли друг друга, и постепенно соединились, что, в конце концов, привело к единому культурному пути развития.

Латушко Ю.В., Ганзей К.С. Островные общества Тихого океана как специфический объект антрополого-географических исследований*

***Latushko Yu., Ganzey K.** Pacific Island societies as a specific object of anthropological and geographical studies*

Островные общества обладают особым местом в эволюции человеческих культур и межкультурной коммуникации, начиная с древнейших времен. Не все общества можно признать островными в строгом смысле, а только те, которые обладают определенным набором черт, важнейшей из которых будет сравнительная изолированность (она не константна во времени и пространстве). Будучи полуавтономной периферией, островные общества формировали уникальные практики выживания людей в экстремальных условиях (от циркумполярных до тропических зон). В системе отношений материковых сообществ и островных, как правило, не учитывается культурный реверс – вклад последних. А ведь даже современной цивилизацией до сих пор используются многие культурные достижения островитян – от конструктивных особенностей лодок и способов рыбалки до таких развлечений как серфинг и

* Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 14-III-B-11-232

разного рода игры. Еще один аспект кажется нам важным – логика саморазвития социальных систем островов в связи географическим окружением.

Важнейшей географической особенностью островных территорий является их изолированность от материковой суши. Это обстоятельство в совокупности с высокой интенсивностью проявления экстремальных природных процессов позволяет рассматривать острова как модельные природные геосистемы. Их изучение способствует решению фундаментальных вопросов, связанных с определением закономерностей эволюции ландшафтов и пространственно-временной организации природно-территориальных комплексов. При этом развитие хозяйственной деятельности на островах невозможно без учета специфики проявления ландшафтообразующих факторов и особенностей их ландшафтной структуры. С 70-х гг. XX века на основе работ отечественных географов сформировалось и активно развивается новое направления исследований – островное ландшафтоведение, в рамках которого был выявлен комплекс эмпирических закономерностей ландшафтного строения островов.

Важным предметом исследования являются условия пространственной дифференциации, характер изменения ландшафтного разнообразия и значимость установленных ранее ландшафтных закономерностей для островов, расположенных в разных природно-климатических зонах Тихого океана, с разной историей развития и интенсивностью хозяйственного использования. В совокупности это позволяет определять вклад зональных и аazonальных факторов при формировании ландшафтного строения островов.

Географическая специфика островов неотделима от способов адаптации человеческих коллективов к данному природному окружению. Объединение усилий географов и антропологов может служить залогом комплексного анализа эволюции островных обществ Тихого океана. Традиции отечественной океанистики восходят корнями к трудам русских путешественников и ученых (Ю. Лисянский, В. Головин, Н. Миклухо-Маклай и многие другие). В отечественной и западной научной литературе также уделялось внимание проблеме островной адаптации (Sahlins 1958; Goldman 1970; Earle 1979, 2003; Kirch 1984; Латушко 2006; Давлетшин 2009; Лопуленко 2010 и др.). К настоящему моменту антропологами, этнографами, лингвистами и археологами в целом хорошо изучены с одной стороны общества Океании, с другой — острова северной части Тихого океана. Например, на полинезийских материалах построена фундаментальная теория вожества. Возникновение вожеств по аналогии с «неолитической революцией» Г. Чайлда именуют «управленческой революцией», суть которой состояла в появлении надобщинных органов власти и первых «вертикалей» управления. При этом важно отметить, что уровень социальной стратификации был тесно связан не только с культурными паттернами, но и условиями окружающей среды островов.

Согласно концепции общей и специфической эволюции М. Салинза (1960), вариативность полинезийских культур – результат специфической

эволюции, которая рассматривалась им как филогенетическая трансформация культурных форм в результате адаптации к естественной (суперорганической) среде. Исходя из экологии и технологического уровня, который зависел от среды обитания, у тех или иных вождей сосредотачивались большие или меньшие полномочия по распределению и перераспределению (редистрибуции) продуктов и материальных ресурсов. Чем больше были масштабы перераспределения, и чем регулярнее оно осуществлялось, тем выше была социальная стратификация общества. В Полинезии данная закономерность позволяет хорошо типологизировать общества отдельных островных групп. В тоже время, случай с Алеутскими островами и Курилами не дает такой сильной корреляции вышеозначенных параметров. Что представляет собой важную исследовательскую проблему.

Объекты и их особенности. В качестве модельных объектов исследования мы рассматриваем традиционные культуры и ландшафты Курильских, Командорских островов и островов залива Петра Великого. Для анализа соотношения ландшафтных и культурных факторов в эволюции сообществ островных замкнутых геосистем мы также привлекаем материалы с Гавайских, Алеутских, и Соломоновых островов. Выбор данных островов обусловлен различной сложностью социальных структур, расположением в зоне от экваториального до субарктического климата, разной историей формирования, различной степенью антропогенного преобразования. Эти острова представляют собой сложный объект для исследований, так как характеризуются разной степенью изолированности и положением относительно материковой суши, что является существенным фактором ландшафтной дифференциации: Курильские острова имеют субмеридиональное положение вдоль Евразии в зоне перехода от континента к океану; Командорские и Алеутские острова – трансокеаническое положение между Евразией и Северной Америкой; острова залива Петра Великого – материковые острова (ранее имели связь с материком), что находит свое отражение в природной среде островов в сочетании характеристик, присущих материковым комплексам, однако изолированность островных территорий привела к обеднению флоры и фауны. Также зафиксированы разные типы морской и прибрежной адаптации ряда археологических культур на данных территориях в период от неолита до нового времени. Гавайские острова являются одним из самых изолированных участков суши, с чем связан высочайший процент эндемичности флоры (95%). Одновременно с этим, на Гавайях был достигнут максимальный уровень сложности для социальных систем догосударственного уровня. Специалисты ведут споры о существовании там раннего государства. Таким образом, данный пример показывает огромный потенциал культурной адаптации в условиях жестких средовых ограничений. Соломоновы острова имеют субмеридиональное положение относительно крупного острова Новая Гвинея и являются уникальной островной дугой, обрамлённой с двух сторон глубоководными желобами. С точки зрения культурных контактов они

представляют собой необычайно интересный объект исследования. Здесь сталкивались миграционные волны разного времени (от палеолита до неолита), в результате сформировался мелано-полинезийский котел, объединяющий разные культурные практики.

Таким образом, в культурной эволюции традиционных обществ Тихого океана прослеживаются аналогичные природным закономерности. Но имеется четкая дифференциация в локальных адаптивных стратегиях. Так, например, сравнительно малочисленные атолловые общества отличались в доиндустриальное время и сравнительно эгалитарной социальной организацией. На вулканических островах в соответствующих климатических зонах население имело более сложную социальную структуру, систему хозяйства, потестарно-политическую подсистему и в целом было более многочисленным, с высокими плотностями населения в позднюю доисторию. Причем, археологически зафиксированы траектории и темпы освоения доступных человеку материальных и символических ресурсов ряда островных групп, хозяйственное и ритуальное использование различных экологических зон. Отсюда большой исследовательский интерес вызывают конкретные механизмы такой адаптации и их связь со средовыми ограничениями. Например, система табу, практика ограничения воспроизводства населения, специфика диеты, характер добычи и потребления продуктов питания и многое другое.

Ахметов В.В. Петроглифы Пангудэ в южнокорейской историографии *

Akhmetov V. The South Korean historiography about petroglyphs of Bangudae

Петроглифы Пангудэ одни из самых известных на территории Корейского полуострова. Это обусловлено тем, что здесь насчитывается довольно большое количество изображений по сравнению с остальными памятниками наскального искусства на Корейском полуострове. Также памятник Пангудэ выгодно отличается наличием ряда примечательных сюжетов и образов. Все это в сумме постоянно привлекает внимание исследователей из различных стран, и в первую очередь, конечно, из Южной Кореи.

Петроглифы расположены в окрестностях г. Ульсан, в уезде Ульджу. Перед скалой, на которой они нанесены, протекает р. Тэгокчхон. Размер поверхности, на которой расположены петроглифы, примерно 4 на 8 метров. На сохранность памятника влияет то, что в 1965 г. на реке была возведена дамба. Часть петроглифов в течение года оказывается погруженной в воду. Весной, когда уровень воды падает, они становятся видны. Скала с петроглифами

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

обращена на север, поэтому солнечные лучи падают на неё только вечером при заходе солнца, что несколько уменьшает их разрушительное воздействие.

Исследователи разнятся в оценке общего количества отдельных изображений в Пангудэ. Например, Ли Хау выделяет 232 рисунка. Из которых изображений наземных животных насчитывается 88; морских животных, включая китов – 69; людей или их лиц – 16; лодок – 6; крупных водоплавающих птиц – 4; орудий и предметов неясного назначения – 11; животных, чья классификация затруднена, – 38.

Петроглифы нанесены с помощью выбивки. Однако есть некоторые различия. Рисунки выбивались по контуру. В некоторых случаях после этого, уже внутри изображения наносились некоторые элементы в виде линий, точек, штрихов. Иногда могла выбиваться вся поверхность внутри контура.

Ли Хау предлагает для удобства поделить все рисунки на четыре группы по их размещению на скале [2011, С. 59]. Первая группа находится по центру скалы и насчитывает больше всего рисунков. В свою очередь первую группу можно разделить на четыре подгруппы опять же по расположению на поверхности. Самое примечательное в первой подгруппе, крайне левой, – это рисунки кита с маленьким китом на спине, и кита с воткнутым в него гарпуном. В верхней части этой группы изображений имеется рисунок человека с подогнутыми коленями. Исследователи по-разному объясняют его позу. Кто-то видит здесь человека, прикрывшего от солнца рукой глаза и куда-то вглядывающегося вдаль, а кто-то человека, который приготовился метнуть гарпун. Также стоит отметить рисунок двух китов соединенных линией. Возможно, это изображение гарпуна с веревкой, свидетельствующее о морской охоте.

Нижняя часть скалы, на которой располагается вторая подгруппа рисунков, находящаяся правее от первой, разрушена. По всей видимости, те изображения, которые были в разрушенной части, имели смысловую связь с рисунками из верхней части. Центральные изображения этой подгруппы – тигр, олень, кит, и две лодки.

В третьей и четвертой подгруппе, которые располагаются соответственно правее первой и второй, содержатся в основном изображения наземных животных, также имеется некоторое количество рисунков китов. В третьей подгруппе больше всего привлекает внимание изображения лодки в верхней части, рисунки кабанов с телом исчерченным линиями, а также кит в центре этой подгруппы. Имеющиеся здесь изображения лодки, животных с расчерченным телом, китов – типичны для Пангудэ. В этой же подгруппе обращают на себя внимание рисунки, изображающие людей. Один из них держит лук на изготовке; другой смотрит в небо, прикрывая глаза рукой, вторая рука в районе поясице, по всей видимости, ею он держит топор.

В четвертой подгруппе внимание привлекают изображения человека с луком; маски – личины; изображение человека анфас. В средней части этого участка имеется сцена преследования оленя собаками. Олень создан

посредством доработки прежнего изображения. На рисунок животного, видимо, изначально козы были нанесены трудноразличимые кругообразные узоры, а к голове были пририсованы рога.

Вторая группа изображений располагается левее от первой. Вероятно, изначально здесь было довольно много изображений, но данный участок скалы сильно разрушен. Всего здесь насчитывается 15 изображений. Это рисунки – китов, сетей, тигра, человека, травоядные животных. Третья группа изображений располагается в 2-ух метрах правее первой группы изображений. Здесь также имеются рисунки китов, лодок. Внимание привлекает и фигура человека, стреляющего из лука. Здесь расположены три фигуры оленей. Фигуры оленей одни из самых масштабных изображений в Пангудэ. Четвертая подгруппа изображений находится левее всех остальных. Изображения на данном участке плохой сохранности. Здесь есть рисунки кита и тигра. Стоит отметить изображение, возможно, собаки с открытой пастью и хвостом, поднятым кверху.

С тех пор, как петроглифы Пангудэ были открыты в 1971 году, появилось множество исследований посвященных им. Первой работой о петроглифах в Пангудэ была статья Мун Мёндэ [1973]. В ней были описаны обстоятельства открытия памятника и результаты работ на нем. В дальнейшем исследователь предположил, что здесь рядом с петроглифами древние люди проводили обряд инициации. По его мнению, они проводили обряды, посвященными китам, в том числе, с обучающими целями [Хван Суён, Мун Мёндэ, 1984]. Привлекая в качестве сравнительного материала данные по петроглифам Северной Европы, Сибири, Мун Мёнде старался определить время создания того или иного изображения, в конечном итоге он пришел к выводу, что петроглифы появились здесь во времена среднего неолита – бронзового века.

Чон Дончхан предполагал, что киты, изображенные в Пангудэ, символизируют женское начало, подразумевая, что обильная плодовитость китов, связывалась с репродуктивными возможностями человека [1988]. Он датировал рисунки Пангудэ неолитом. Другие исследователи указывали на то, что животные показаны здесь не в качестве объекта охоты. Они являются прежде всего частью сюжетов, показывающих сезонные обряды [Лим Джанхёк, 1991]. По мнению Лим Джанхёка главным смыслом, изображенных здесь обрядов, было то, чтобы животные, добытые в течение года, наплодились бы и в следующем.

Чан Мёнсу делит петроглифы на рисунки, связанные с охотой, и на рисунки, отображающие верования, направленные на изгнание злых духов [2001]. По Чану к первым рисункам относятся также и сцены, где люди в лодках ловят кита. Вторая группа изображений, т.н. рисунки против злых духов, – это композиции, где сочетаются маски-личины с сетями, ловушками, изгородами. Кроме того, эти рисунки, по мнению исследователя, служили еще и для того, чтобы показать развитие охотничьего мастерства. Он считал, что рисунки в

Пангудэ появились в бронзовом веке, указывая на то, что выбивка, скорее всего, производилась металлическим орудием.

Ким Воллён считал, что петроглифы Пангудэ представляют собой самую южную точку распространения сибирских традиций наскального искусства, привнесенных в Корею племенами вэймо. Он датировал петроглифы поздней бронзой – ранним железным веком [1980].

Ли Хау в своей монографии, посвященной корейским петроглифам, пришел к выводу, что изображения в Пангудэ следует датировать бронзовым веком [2011]. Техника нанесения рисунков, их содержательная составляющая, выразительные средства все это, по мнению исследователя, свидетельствует о верности такой датировки. Кроме того, он связывает петроглифы Пангудэ с поселениями эпохи бронзы, которые в достаточном количестве исследованы поблизости с Пангудэ.

Петроглифы Пангудэ представляют собой ценный источник о материальной и духовной культуре людей прошлого. В дальнейшем было бы логично увидеть работы, которые вписывали бы эти петроглифы в контекст не только наскального искусства Корейского полуострова, но и всей Восточной Азии.

Каменева К.В. История открытий археологических древностей эпохи неолита на территории Хабаровского края в середине 1920-х – начале 1990-х гг.

К. Kameneva History of invention of the Neolithic archeological ancientry in Khabarovsk's district of the mid 1920s - early 1990s years

Одна из проблем современной российской археологии – охрана объектов археологического наследия, являющихся частью историко-культурного наследия России. Согласно реестру, на территории Хабаровского края находится 668 памятников археологии различных эпох. Знание истории их открытий позволит сформировать чувство ответственности за сохранность историко-культурного наследия. В истории археологических исследований региона можно выделить три периода: 1) XVII в. – середина 1920-х гг.; 2) середина 1920-х – начало 1990-х гг.; 3) начало 1990-х гг. – настоящее время.

Первые исследования в районе Хабаровска были проведены М.М. Герасимовым в 1926–1927 гг. Следующим значимым событием стала Амурская комплексная экспедиция 1935 г. А.П. Окладникова, организованная Институтом антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР по маршруту Хабаровск – Николаевск-на-Амуре.

Затем исследования продолжились в 1950-е гг. Институтом археологии СО РАН была организована Дальневосточная (ДВАЭ), позже Северо-Азиатская комплексная (САКАЭ) археологическая экспедиция. Возглавил ее А.П. Окладников, затем А.П. Деревянко. Хабаровский (Амуро-Уссурийский), Нижнеамурский отряды ДВАЭ (САКАЭ) выявили новые и обследовали уже известные неолитические местонахождения региона.

В 1959 г. А.П. Окладниковым были открыты и обследованы неолитические поселения в районе с. Шереметьево, у с. Казакевичево, проведены раскопки неолитического местонахождения у с. Бычиха, на поселении у Амурского санатория в г. Хабаровске. В 1960 г. им же изучен памятник у с. Осиповка близ Хабаровска, Ю.А. Мочановым – бассейн р. Амгунь и оз. Чукчагирского, В.Е. Ларичевым – местонахождение у с. Казакевичево. В том же году началось изучение местонахождений в районе с. Кондон, продолженное затем в полевые сезоны 1961–1963 гг.; общее руководство работами осуществлял А.П. Окладников. Через два года, в 1965 г., обследование района с. Малышево показало наличие в этой местности ряда древних поселений. В том же году А.П. Окладниковым при участии А.П. Деревянко начато, а в следующем году продолжено изучение многослойного поселения у с. Вознесенского. В 1968 г. была организована новая экспедиция от г. Хабаровска до г. Николаевска-на-Амуре. Под руководством А.П. Окладникова изучались как уже известные, так и новые местонахождения. В 1968 г. А.П. Окладниковым и В.Е. Медведевым проведена шурфовка, а в 1969 г. – раскопки части поселения у с. Тахта.

В полевые сезоны начала 1970-х – 1990-х годов изучались местонахождения у с. Сакачи-Алян (утес Гася и др.). В 1971–1972 гг. продолжилось изучение памятника Кондон-Почта. В 1972 г. Хабаровский отряд САКАЭ приступил к стационарным исследованиям поселения на о-ве Сучу, которые продолжились (с перерывом) до 1977 гг. Общее руководство экспедицией осуществлял А.П. Окладников (на Гасе также А.П. Деревянко), начальником отряда был В.Е. Медведев. В 1983 г. Нижнеамурский отряд САКАЭ А.К. Конопацкого провел разведку в нижнем течении р. Амур; в 1984–1986, 1989, 1990 гг. – раскопки на поселении Малая Гавань.

Таким образом, за более чем пятидесятилетний период работы отрядов САКАЭ на Нижнем Амуре были открыты сотни памятников неолитического времени, накоплен значительный объем материалов.

С 1980-х гг. в работе по исследованию нижнеамурского неолита помимо отрядов САКАЭ СО РАН принимали участие археологические отряды, организованные на базе краеведческих музеев, ВУЗов гг. Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, а также Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. В 1982 г. Амгуньский археологический отряд Хабаровского краевого краеведческого музея под руководством В.Н. Копытько провел разведочные работы в долине р. Амгунь. В 1983, 1985, 1988 г. археологическим отрядом Хабаровского краевого краеведческого музея под руководством Е.М. Лосан проведены разведывательные работы на побережье лимана р. Амур, пролива Невельского, в районе оз. Орель и Чля. В 1989, 1991 гг. Е.М. Лосан стационарно исследовалось многослойное поселение Старая Какорма. В 1989 г. археологический отряд Комсомольского-на-Амуре городского краеведческого музея З.С. Лапшиной провел разведочные работы по маршруту экспедиции А.П. Окладникова 1935 г.

В ходе разведки были открыты новые памятники, в том числе многослойное поселение Хумми, на котором на следующий год начались раскопки. В начале 1990-х гг. Амуро-Амгунский отряд Хабаровского краевого краеведческого музея под руководством И.Я. Шевкомуда начал исследование местонахождений в Ульском и Нанайском районах (в том числе раскопками многослойных поселений Кольчем-2, -3). В 1991 г. отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР под руководством В.И. Дьякова проводилась разведка в районе с. Кондон. Были составлены описания 29 археологических памятников, в том числе и эпохи неолита.

Итак, начиная с середины 1920-х и до начала 1990-х гг. в археологии неолита на территории Хабаровского края благодаря работам А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого и других исследователей были открыты важнейшие неолитические памятники региона.

Прокопец С.Д., Якупов М.А. Некоторые ошибочные интерпретации боевых шлемов в северокорейской литературе

Prokopets S., Yakupov M. Some erroneous interpretations combat helmets in North Korean literature

История Кореи неразрывно связана с войнами, из-за чего, на ее территории с древнейших времен сохранилось большое количество предметов, связанных с военным делом. Значимую часть этих предметов занимает защитное вооружение (шлемы, панцири, защита боевого коня и т.д.). Фонды корейских музеев хранят большое количество подобных артефактов различных периодов корейских царств.

Первые металлические доспехи были сделаны руками мастеров корейских протогосударств (Пуё, Пёнхан, Кая и т.д.). В дальнейшем, когда образуются первые корейские государства (Когуре, Пэкче, Силла) на корейском полуострове появляются доспехи северного (кочевого) типа, которые сильно повлияли на собственные корейские традиции в производстве вооружения. Отличительной чертой северного комплекса является ламелярная составляющая, присущая как самим доспехам, так и наголовьям. В дальнейшем, на этой базе возник собственный корейский унифицированный вид защитного вооружения.

Вместе с доспехом трансформируется и шлем. Его изменение зависело от времени производства. Так, например, в ранние времена шлемы состояли из большого количества пластин, связанных между собой кожаным шнуром, а сверху находился грибовидный плюмаж. Они были коническими и практически не отличались от оригинала – сянбийского шлема. Позднее, наголовье трансформируется в полусферический тип, который состоял из меньшего количества более крупных сегментов, склепанных между собой железными клепками.

Среди корейских шлемов был переходный период - от связки к клепкам. Именно тогда появлялись различные формы, выпадающие из общей эволюционной стези, но все же, его эволюция была однолинейна и при создании нового типа шлема, мастера руководствовались в первую очередь законами стандартизации и унификации. Это привело к созданию четкой структурированной типологической шкалы корейских боевых наголовий.

Все же, северокорейские археологи иногда дают ошибочное определение некоторым найденным предметам, отождествляя их с элементами защитного вооружения. Так, например, в одном из номеров журнала «Археология Кореи» есть статья «О колодце монастыря Чжоньин». В этом колодце было найдено два металлических предмета, которые авторы описывают как шлем и умбон от щита когуреского воина.

Возможно, что так и было, но при ближайшем рассмотрении видно, что названный шлем овальной формы с диаметром основания 22-24 см. Его высота 16 см, толщина стенок 1 мм. Конечно же, при сильной необходимости использовать этот предмет как шлем можно, но все же данная находка, скорее всего, имеет бытовое назначение. В верхней части этого предмета имеется приваренное кольцо, вокруг которого высверлены шесть отверстий. Возможно, что кольцо является ручкой, а сам предмет – крышкой какого-то бытового сосуда. Авторы статьи отмечают что: «наряду с другими шлемами, найденными при раскопках когуреских памятников, он показывает разнообразие шлемов в Когуре». Опять же отметим, что в те времена такого разнообразия существовать не могло ввиду четкого линейного развития боевого шлема в корейских государствах. Среди известных корейских шлемов того времени нет ни одного, который хоть немного походил бы на этот предмет.

Это же касается и умбона от щита, который был найден в том же колодце. Его диаметр 41 см, толщина - 1 мм. Как заявляют сами авторы: «этот умбон говорит о существовании круглых щитов в Когуре и является очень важной находкой». К сожалению, умбоны таких размеров и такой формы неизвестны не только в Корее, но и на территории всей Евразии. Также отсутствуют отверстия крепления, что для умбона является первой необходимостью. Данная находка очень похожа на металлическое блюдо.

Еще один «шлем» был описан в очередном номере того же журнала, в статье «Бохайские артефакты». В работе описаны четыре бохайских шлема, три из которых являются реальными боевыми наголовьями, а один на самом деле - ветряной колокольчик. Он был найден в провинции Южная Хамген г. Симпхо в бохайском слое памятника Омэри. Его диаметр 21.2 см, высота 16 см, толщина 0.5 см. В верхней части имеет полулунное отверстие, в основании - округлые вырезы.

Почему авторы его связали со шлемом, остается загадкой, так как шлемы чугунными не бывают. Возможно из-за вырезов в основании. Нижняя часть колокольчика была повреждена, и в одном месте образовалась фигура, похожая на наносник с вырезами под глаза. Но все же, это без сомнения ветряной

колокольчик, тем более авторы сами отмечают что он: «похож на ветровой колокольчик».

При написании этого сообщения мы не ставили себе цель оскорбить северокаорейских археологов и более того усомниться в их профессионализме. Основной целью является попытка донести важность критического отношения к материалу со стороны, как самих авторов находки, так и других исследователей. В первую очередь это касается молодых ученых, использующих в своих работах такой мощный информационный ресурс как интернет.

Сведения об авторах

- Авилов Роман Сергеевич – к.и.н., м.н.с. Отдела истории Дальнего Востока ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, avilov-1987@mail.ru
- Ахметов Владимир Владимирович – ассистент каф. Востоковедения НГУ, г. Новосибирск, akhmetovvladimir@yandex.ru
- Блохнина Олеся Викторовна – студентка 4 курса исторического факультета АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре, prezident-grecia@mail.ru
- Болдырев Виталий Евгеньевич – аспирант ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, boldyrev89@list.ru
- Буюров Дмитрий Владимирович – к.ф.н., доцент БГПУ, г. Благовещенск, buyarov_d@mail.ru
- Веремейчик Андрей Сергеевич – м.н.с. Отдела китаеведения ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, remey2007@yandex.ru
- Гамерман Евгений Вячеславович – к.и.н., доцент Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, г. Благовещенск, egamerman@mail.ru
- Ганзей Кирилл Сергеевич – к.г.н., с.н.с. ТИГ ДВО РАН, г. Владивосток, kganzev@tig.dvo.ru
- Горячев Николай Николаевич – аспирант ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, nngoryachev@gmail.com
- Гуань Ясинь – с.н.с. Академии общественных наук пров. Ляонин, г. Шэньян, КНР
- Гульченко Валерия Владимировна – студентка 4 курса Школы педагогики ДВФУ, г. Уссурийск, v_vl_93@mail.ru
- Журавлёв Павел Владимирович – аспирант ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, AcademHistoryStyle@yandex.ru

- Заколотная Анна Сергеевна – м.н.с. Отдела истории Дальнего Востока ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, zakolodnay@mail.ru
- Землянский Игорь Алексеевич – зав. Читальным залом НБ ДВФУ, г. Владивосток, igor.ze@mail.ru
- Землянский Вадим Леонидович – аспирант АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре, akm_1991@mail.ru
- Зуенко Иван Юрьевич – ст. лаборант Отдела китаеведения ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, lakrimoser@mail.ru
- Иванов Сергей Александрович – м.н.с. Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 02isa02@mail.ru
- Кит Татьяна Викторовна – к.и.н., ст. преподаватель АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре, tatyana.kit@mail.ru
- Краюшкина Татьяна Владимировна – д.ф.н., зав. центром истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток
- Крутоус Игорь Витальевич – студент 4 курса Школы педагогики ДВФУ, г. Уссурийск, krutous-igor@mail.ru
- Кузнецов Дмитрий Владиславович – к.и.н., доцент БГПУ, г. Благовещенск, kuznetsov_d@mail.ru
- Лабюк Александра Игоревна – ст. лаборант Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, piscescat@mail.ru
- Лан Юаньчжи - с.н.с. Академии общественных наук пров. Ляонин, г. Шэньян, КНР
- Латушко Юрий Викторович – к.и.н., с.н.с. Центра политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, latushko@mail.ru
- Лю Ячжэн – вице-президент Академии общественных наук провинции Цзилинь, г. Чанчунь, КНР, профессор

- Мишукова Ольга Васильевна – аспирант ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, mishukova90@mail.ru
- Мищук Светлана Николаевна - к.э.н., доцент, с.н.с. ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан, svetamic79@mail.ru
- Оголихина Марианна Юрьевна – магистрант ИГН ДВФУ, г. Владивосток, m.ogolikhina@gmail.com
- Олейников Илья Васильевич – к.и.н., доцент ИГУ, г. Иркутск, ilyavasilich@yandex.ru
- Пискунов Сергей Александрович – к.и.н., докторант каф. новейшей отечественной истории МПГУ, г. Москва, grew5@mail.ru
- Плесский Никита Сергеевич – аспирант ШЕН ДВФУ, г. Владивосток, NovaPochta@gmail.com
- Прокопец Станислав Данилович – к.и.н., м.н.с. Сектора средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН, stas842005@mail.ru
- Рихерт Дарья Константиновна – студентка 5 курса АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре, IROKEZKA_666@mail.ru
- Савельева Агриппина Валерьевна – магистрант ДВФУ, г. Владивосток, ledi_in_red10@mail.ru
- Савченко Анатолий Евгеньевич – к.и.н., н.с. Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, savich21@mail.ru
- Савчук Анна Александровна – к.и.н., ассистент ДВФУ, adas_87@mail.ru
- Сигидова Екатерина Феликсовна – аспирант ДВФУ, г. Владивосток, esigidova@gmail.com
- Ставров Иван Валерьевич – к.и.н., н.с. Отдела китаеведения ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, stavivan@mail.ru
- Торопчин Глеб Вячеславович – аспирант Факультета истории и международных отношений КемГУ, г. Кемерово, glebtoropchin@mail.ru

- Ульянова Ирина Вадимовна – Уральский федеральный ун-т, г. Екатеринбург, Nice3111994@mail.ru
- Феденева Марина Сергеевна – аспирант ДВФУ, г. Владивосток, kolesilka@mail.ru
- Хорошайло Анастасия Юрьевна – магистрант 2 курса ШП ДВФУ, г. Уссурийск, ana-khoroshajlo@yandex.ru
- Чубаров Илья Георгиевич – н.с. ИДВ РАН, г. Москва, ilya.chubarov@gmail.com
- Юрышев Александр Владимирович – студент ИГУ, г. Иркутск, alexandryurishev@mail.ru
- Якупов Максим Анварович – лаборант ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, y.up@hotmail.com

Содержание

Проблемы международных отношений и внутренней политики в странах АТР

Блохнина О. В. Российско-китайское сотрудничество: оценка американскими аналитиками и СМИ.....	5
Болдырев В. Е. Американская политика по поощрению демократического развития в странах Северо-Восточной Азии в 1980-е гг.	7
Торопчин Г. В. Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению как пример вклада стран АТР в глобальный режим ядерного нераспространения.....	10
Чубаров И. Г. Рост регионального значения глобальных городов КНР.....	12
Ставров И. В. К проблеме устойчивого развития моногородов КНР (на примере северо-восточного региона).....	15
Гамерман Е. В. Угрозы национальной и региональной безопасности на российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии.....	18
Иванов С. А. Участие властей Хэйлунцзяна в контроле и организации деятельности провинциального бизнеса в России в 1990-2000-е гг.....	21
Олейников И. В. Современные корпоративные стратегии развития регионов Байкальской Сибири: новые возможности для международного сотрудничества со странами АТР.....	24
Лабюк А. И. Экономический пояс шелкового пути.....	26
Веремейчик А. С. Демографическая политика КНР и её реализация в северо-восточном регионе (западная историография).....	29
Плесский Н. С. Социально-географический подход к изучению качества жизни населения Китая.....	32
Савчук А. А. Половая диспропорция в КНР и её влияние на Россию.....	35
Буяров Д. В. Религиозная политика КНР в отношении национальных меньшинств.....	38
Ульянова И. В. Проблема этнического сепаратизма в современном Китае (на примере Тибета).....	40

Зуенко И. Ю. Устройство региональной власти в КНР и проблемы российско-китайского регионального сотрудничества.....	42
Гульченко В. В. Германская политика в Китае (к. XIX – н. XX вв.).....	45
Горячев Н. Н. Исторические предпосылки активизации торгово-экономических связей Перу и КНР на современном этапе.....	48
Феденева М.С. Идея корейской Конфедерации как фактор напряженности в советско-северокорейских отношениях 1958-1960 гг.	50
Лобов Р.Н. Внешнеполитическая линия Сеула в отношении Токио: роль внутривосточных факторов.....	53
Юрышев А. В. Роль провинции Ачех во внутренней и внешней политике Индонезии.....	56

Роль Дальнего Востока России в контексте исторического развития страны

Авилов Р. С. Подготовка инженерных частей гарнизона Владивостокской крепости перед Первой мировой войной (1910–1914 гг.).....	59
Крутоус И. В. Помощь населения Приморской области армии и пострадавшим от военных действий в годы Первой мировой войны (по материалам печати).....	62
Заколотная А. С. Начало колонизации Дальнего Востока России в работах дореволюционных авторов.....	65
Землянский И. А. История развития библиотек общественных организаций и ведомств Приамурского края в начале XX века.....	67
Землянский В. Л. Парламентская система Приморской области во время Временного Приамурского правительства в 1921-1922 гг.	69
Рихерт Д. К. Контрабанда на юге Дальнего Востока (1920-е гг.).....	71
Каюмов В. С. Корейский писатель Чо Мёнхи на Дальнем Востоке России (1928 – 1938): к проблеме воссоздания жизненного пути.....	74
Журавлёв П. В. Сырьё в обмен на инвестиции: проблема взаимоотношений Дальневосточного региона и Центра в советскую эпоху (20-е – 80-е гг. XX в.).....	76
Кузнецов Д. В. Российское общественное мнение о Китае как фактор укрепления отношений между РФ и КНР.....	79

Пискунов С. А. Переселенческая политика на Дальний Восток СССР: опыт второй половины 1980-х гг.	81
Савченко А. Е. Закончилась ли перестройка? (Итоги первых двух лет полевых исследований на юге Дальнего Востока)	82

Антропология и археология Дальнего Востока России и стран АТР

Guan Yaxin. Characteristics of the Spread of Russian Culture in Northeast of China in 1897-1917	85
Краюшкина Т. В. Китайские этиологические легенды как составляющая контента русскоязычных Интернет-ресурсов: стереотипы и их влияние	88
Lang Yuanzhi. The Russian influence on the food culture of the Northeast China in modern times (1858-1931)	91
Мишукова О. В. Сайгё – японский поэт, монах, философ	93
Мищук С. Н. Предпринимательская деятельность мигрантов на юге Дальнего Востока России	96
Оголихина М. Ю. История становления и развития ночных игр: ночная игра «Энкаунтер» как элемент межкультурной коммуникации	99
Хорошайло А. Ю. Деятельность организаций по сохранению национального самосознания соотечественников, проживающих на территории Китая	102
Хуан Лу. Повседневная культура китайских студентов в ДВФУ	104
Цзя Хуэйминь. Общее понятие китайской традиционной культуры	106
Латушко Ю. В., Ганзей К. С. Островные общества Тихого океана как специфический объект антрополого-географических исследований	109
Ахметов В. В. Петроглифы Пангудэ в южнокорейской историографии	112
Каменева К.В. История открытий археологических древностей эпохи неолита на территории Хабаровского края в середине 1920-х – начале 1990-х гг.	115
Прокопец С.Д., Якунов М.А. Некоторые ошибочные интерпретации боевых шлемов в северокорейской литературе	117

Научное издание

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ : ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

XIV всероссийская научная конференция
молодых ученых (с международным участием)
Владивосток, 12-14 мая, 2014 г.

Материалы конференции

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Редактор-корректор,
электронная верстка Ю.В. Латушко

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного в Институте истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, минуя
редподготовку в «Дальнауке»

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 9.4. Уч.-изд. л. 8.47.
Тираж 120 экз.

Отпечатано на оборудовании
ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН»
690950, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК